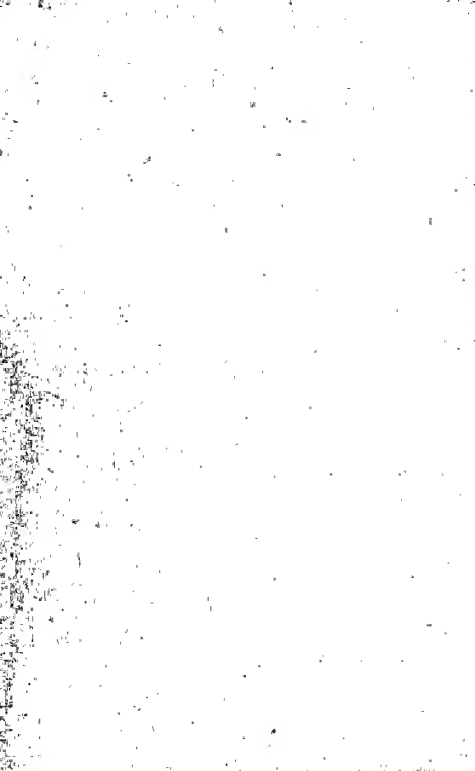

ПШЕНИЦА И ПЛЕВЕЛЫ

БЕСПРИСТРАСТНО О Г.Е.РАСПУТИНЕ

Ричард (Фома) Бэттс

ПШЕНИЦА И ПЛЕВЕЛЫ

Беспристрастно о Г.Е. Распутине

Перевод с английского

Российское Отделение
Валаамского Общества Америки
Москва, 1997

*... чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали
вместе с ними пшеницы*

Мф. 13, 29

Все даты в данной книге (за исключением специально обозначенных) приводятся по церковному (юлианскому) календарю. В 19-ом веке разница между старым стилем (юлианский календарь) и новым стилем (григорианский календарь) составляла 12 дней; в 20-ом веке разница между этими двумя календарями - 13 дней.

© 1997 Издательский отдел Валаамского Общества Америки в России.

ЛР 064733 от 27.08.96.

Отпечатано с готовых диапозитивов
издательства "Российского Отделения
Валаамского Общества Америки"
при участии "Фонда

Возрождения церковного искусства"
в типографии АО "Молодая гвардия".
Печать офсетная. Формат 60х90/16.

Объем 17 п.л. Зак. 77337.

Тир. 10 000 экз.

Адрес АО "Молодая гвардия":
103030, Москва, Сущевская, 21.

Адрес издательства:
Москва, Успенский пер., 4

Введение: взвешивая “за” и “против”

Я не хочу делать святого из моего отца или грязной легенде противопоставлять благочестивую. Если современники и очевидцы расскажут то, что они видели и слышали, это будет все, чего от них требует история...¹

*Мария Распутина,
дочь Григория Распутина*

Жизнь Императора Николая II Александровича и его супруги, Императрицы Александры Феодоровны, последних правящих Монархов России, была предметом разногласий как среди историков, так и в народе вообще. Теперь, когда коммунизм пал и открылся доступ к ранее неизвестным документам, найдены сведения, проливающие свет не только на Царскую Чету, но и на того, кто находился рядом с ними в течение 11 лет - на Григория Ефимовича Распутина. Более чем имена Николая Александровича и Александры Феодоровны, имя Григория Распутина неизменно вызывает определенную реакцию, не имеющую по большей части под собой никаких реальных оснований. Спросите кого-нибудь, что он знает о Распутине, и часто услышите: «А, вы имеете в виду того сумасшедшего монаха». Что послужило причиной такого отношения, и насколько оно заслуживает доверия?

Образ Распутина был настолько искажен за годы, минувшие после его смерти, что разглядеть за ним настоящего человека теперь нелегко. В то время как большинство авторов рисует мрачную картину его жизни, некоторые доходят до невероятной крайности в оправдании его. Многие настолько укрепились в своем негативном отношении к Распутину, что даже умеренный, непредвзятый взгляд рассматривается ими как попытка обелить его репутацию. Это прискорбно, ибо причина того не в самом Распутине, а в нашей собственной неспособности беспристрастно судить о человеке. Конечно, нужно отвергать какие бы то ни было попытки обеливания.

Но, с другой стороны, почему никто не протестует против бесконечного очернения, которое уже давным-давно следовало бы тщательным образом рассмотреть? Очень трудно рассчитывать на непредвзятое отношение к этому человеку после всех тех сплетен и заведомой клеветы, которые преднамеренно распространялись с целью дискредитации Распутина, а с ним и Царской Семьи. Эта кампания не оставила невредимым практически никого из сочувствующих Монархии. Такое предвзятое мнение сохраняется в литературе до сих пор.

В 1960 году сестра Царя Николая, Великая княгиня Ольга Александровна, заявила:

Распутин стал центральной фигурой в истории, которую мир уже давно принял как правдивую. Все, что бы я ни сказала о нем, или не будет услышано, или будет воспринято как басня. Все написанное об этом человеке так приукрашено и извращено, что фактически невозможно для читателя отличить правду от вымысла.²

Рассказы о Распутине большей частью настолько же недостоверны, насколько скандальны. Даже старающиеся быть беспристрастными и заслуживающие доверия авторы оказались жертвами стремления к сенсационности, и, не ведая того, использовали один слух для опровержения другого. На то есть двоякая причина: документальные материалы не были легко доступны как в России, так и на Западе, и, прямо говоря, скандалы хорошо покупаются. Сейчас, когда появилась возможность исследования исторических материалов, пришло время прояснить картину тех ужасно тяжелых лет, завершившихся революцией 1917 года.

Тщательно исследуя внушительный объем документов о Распутине, найденных в российских, американских и европейских архивах и библиотеках, а также во время поездки в Тобольск и на родину Распутина - в село Покровское в

Западной Сибири, - я предпринял попытку отделить, так сказать, пшеницу от плевел. Эта книга является плодом пятилетнего труда и основывается на свидетельствах тех, кто лично знал Распутина. Использованы преимущественно эти прямые свидетельства, комментарии добавлены только там, где это было, на мой взгляд, необходимо; позволено, таким образом, людям самим говорить за себя и своих близких.

Золотой находкой в процессе работы над книгой был труд М. де Ендена на французском языке под названием "Распутин и закат Монархии в России" (Файярд, Сант-Аманд, Франция, 1976). Написанная более 20 лет назад, книга господина де Ендена, тем не менее, более, чем какой-либо другой источник, своей беспристрастностью вдохновила меня продолжить поиски, дабы создать полную картину вместе с новообретенными российскими документами. Я в долгу перед ним за его писательскую честность и за бесчисленные часы, которые он провел в архивах Европы, изучая жизнь Григория Распутина.

Эта книга написана для тех, кого любовь к исторической правде побуждает еще раз обратить внимание на человека, которого Царь Николай Александрович и Царица Александра Феодоровна называли «наш Друг».

I

Из Сибири в Санкт-Петербург

Русский человек неугомонен, он так часто охвачен влечением странствий, что это, похоже, у него в крови. Иногда он внезапно поднимается и, как бы в ответ на мистический импульс, уходит странствовать на многие дни или месяцы, или годы. Низшие классы более часто подвержены этой всецело овладевающей страсти, чем имеющие положение. Они постоянно меняют свои места жительства. Тысячи переселяются из Западной России в Восточную Сибирь, другие отправляются паломниками в Иерусалим и возвращаются в свои деревушки, потом, спустя какое-то время, с котомками бредут в Киев, потом на Святые Горы, к северным святыням, ...и дальше, они находятся в странствиях, пока не придет время, когда они лягут и не поднимутся.¹

Е. Дж. Диллон

Григорий Распутин родился в селе Покровском - в западной Сибири, на реке Туре, более чем в 1900 км от Москвы. Церковь в Покровском была снесена в пятидесятых годах XX столетия, но ее метрические книги о регистрации рождений, смертей и бракосочетаний с 1862 по 1868 годы сохранились в Тобольском отделении Государственных Архивов Тюменского округа. Статья от 21 января 1862 года говорит о бракосочетании родителей Распутина "Покровской слободы крестьянина Якова Васильева Распутина сына, Ефима Яковлева, 20 лет, с девицей Анной Васильевой, дочерью деревни Усалки крестьянина Василия Паршукова, 22 лет."²

Церковная метрическая книга повествует, что 11 февраля 1863 года у Ефима и Анны родился первенец, девочка Евдокия, умершая через несколько месяцев. 2 августа 1864

года Анна родила вторую дочь, которую они также называли Евдокией. Третье упоминание в церковной книге датировано 8 мая 1866 года, еще одна дочь, Гликерия; а 17 августа 1867 года у них родился первый сын - Андрей. Прискорбно, но все четверо умерли в младенчестве. 1868 год церковной книги регистраций не содержит никаких записей о рождениях в семье Распутиных. Это означает, что Григорий родился не между 1863 и 1868 годами, как обычно предполагалось. Хотя ни одна из книг церковной регистрации за последующие годы не сохранилась, остались заполненные бланки Всероссийской переписи населения за 1897 год.³ Перепись была доскональной, и семья Ефима Распутина была внесена следующим образом: хозяин - Ефим Яковлевич, 55 лет; жена хозяина - Анна Васильевна, 57 лет; сын хозяина - Григорий Ефимович, 28 лет; жена сына хозяина - Прасковья Федоровна, 30 лет; внук хозяина - Дмитрий Григорьевич, 1 год (сын Григория Ефимовича). Согласно описанию переписи, год рождения Григория Распутина можно установить как 1869.*

Семь семей в Покровском носили фамилию Распутины, довольно распространенную в Сибири и на севере России, впервые встречающуюся в Русских Летописях 17-го столетия.⁴ Хотя фамилия Распутина позже сыграла на руку его клеветникам, благодаря своему сходству с русским словом "распутство", дочь Григория Распутина указала связь семейной фамилии со словом "распутье", в данном случае относящимся к столбовой дороге, пересекающей Покровское

* Копия записи в церковной метрической книге найдена недавно, она подтверждает дату рождения Григория: 10 января 1869 года. Второе, неофициальное подтверждение основывается на том факте, что 10 января Православная Церковь празднует память преп. Григория Паламы, а по традиции детей называют именем святого, чья память приходится на день рождения младенца. Копия записи сейчас находится в небольшом музее Григория Распутина, открытом в 1994 году. Он расположен в деревянном доме в Покровском напротив места, где стоял дом Распутина. В этом доме Распутин проводил религиозные собрания. Помимо всего прочего, в музее есть фотографии, икона из церкви и старый стол и кресло, принадлежавшие семье Распутина.

и ведущей в одном направлении в Тюмень, а в другом - в Тобольск.

В 1906 году, задолго до того, как он подвергся осуждению в обществе, Григорий писал Царю Николаю II, прося позволения переменить свою фамилию. Позже многие писатели утверждали, что он хотел этой перемены из-за унижительного значения своей фамилии. Письмо Распутина Царю 15-го декабря показывает обратное:

Проживая в селе Покровском я ношу фамилию Распутина в то время как и многие односельчане носят ту же фамилию отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу: дабы повелено было дать и моему потомству именоваться по фамилии "Распутин-Новый".

Вашего Императорского Величества верноподанный Григорий⁵

В наши дни Покровское - обычная деревня с одно- и двухэтажными деревянными домами, грунтовыми дорогами и населением в две тысячи человек. Печально, что в 1950-х годах церковь была снесена, а кирпичи были использованы для постройки гаража для ремонта машин и тракторов. На том месте, где стояла церковь, находится сейчас сельский клуб. В 1980 году дом Распутина был также снесен, и сейчас на его месте стоит другая постройка.*

Дочь Григория Мария описывает их семейный дом:

...огромный, яркий дом на главной улице села Покровское. Это был дом со слегка покатой крышей и двойными деревянными стенами, характерными

* В 1976 году Ипатьевский дом в Екатеринбурге, где были убиты Царь и его Семья, был снесен по указанию Б.Н.Ельцина, возглавлявшего тогда коммунистическое руководство города. Это было ответом на то, что все больше людей начинали чтить Монархов. Позже, в конце 1970-х, ЮНЕСКО создала специальную комиссию по регистрации всех мест, связанных с династией Романовых. Советские власти хотели избежать притока паломников (особенно иностранцев) в эти места, и в 1980 году они приказали также снести и двухэтажный дом Распутина.

для Сибири. Забор окружал просторный внутренний двор и постройки. Во двор был проход через широкие ворота, а небольшой сад был окружен невысокой железной оградой, протянувшейся вдоль фасада, чьи высокие окна были украшены деревянными наличниками. Во дворе, по обычаю, у нас была постройка для приема прохожих странников, и именно там, украсив это жилище по своему желанию иконами разных святых, мой отец больше всего любил проводить свои религиозные собрания.⁷

Хотя родители Григория не были богаты по крестьянским меркам, они жили в достатке. Ефим Яковлевич обрабатывал землю и работал извозчиком по четвертой столбовой дороге из Тюмени в Тобольск. Единственный помощник отца, Григорий, не ходил в школу и был совершенно неграмотным в ранние годы своей жизни.

Одно из немногих имеющихся документированных свидетельств о юности Григория Распутина было предоставлено Е.А. Картавцевым, одним из соседей Григория в Покровском, чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 году:

Я поймал Григория на краже у меня остожья... Ударил его колом настолько сильно, что у него из носа и рта ручьем потекла кровь и он, потеряв сознание, упал на землю. Сначала я подумал, что его совсем убил, а когда он стал шевелиться, то я его повел в волостное правление. После кражи жердей у меня с выгона была похищена пара лошадей... Лошадей этих в ночь кражи караулил я сам лично и видел, что к ним подъезжал Распутин со своими товарищами... Сейчас же после этого я пошел проверить, дома ли Распутин. Последний на следующий день был дома, а товарищей его дома не оказалось.⁸

Этот отчет, широко используемый биографами Распутина, является общепризнанным. Однако, следует отметить, что он был сделан в 1917 году - спустя почти 40 лет после события, о котором идет речь; он даже не упоминается в ранее сделанном официальном расследовании о жизни и поведении Распутина, причем то расследование включало широко распространенные в 1907 году свидетельства односельчан Распутина. Еще более бросает тень на показание Картавцева отставка члена комиссии, который объяснил следующее:

Моя работа в комиссии продолжалась до последних чисел августа 1917 г., когда я был вынужден подать рапорт об отчислении, ввиду попыток со стороны председателя комиссии прис. пов. Муравьева побудить меня на явно пристрастные действия.⁹

В противопоставление вышеупомянутому докладу дочь Распутина Мария рассказывает о детском отвращении ее отца к воровству, вызванном, видимо, врожденным даром прозорливости:

Я и играл с детьми села Покровское, и ссорился с ними, но я никогда не осмеливался украсть и малейшую вещь. Я был уверен, что все сразу увидят, что я украл что-то, т.к. я сам сразу видел если кто-то из моих товарищей что-то украл. Даже если он украл где-то далеко и спрятал эту вещь. Я всегда видел ее позади него...¹⁰

Мария Распутина также рассказывает о случае прозорливости своего отца в двенадцатилетнем возрасте. Лежа в постели в лихорадке, Григорий случайно услышал разговор своего отца и нескольких соседей о недавней краже лошади. Виновный не был найден. Во время этого разговора мальчик вскочил, указывая на одного из них, и обвинил его в краже лошади. Ефим приписал поведение своего сына жару. Тем не менее, когда гости ушли, некоторые из мужчин проследили за указанным Григорием односельчанином и обнаружили в его хозяйстве украденную лошадь.

В то время как эти примеры детского ясновидения не могут быть проверены, имеется много сообщений о даре ясновидения взрослого Григория, которые делают достоверными и более ранние рассказы.

Некоторые биографы Распутина упоминают один тяжелый, глубоко травмировавший его случай из детства: смерть его двоюродного брата Дмитрия. Дмитрий, который был старше Григория на два года, как говорят, однажды играл с ним на берегу реки позади дома Григория. Дмитрий упал в воду, и когда Григорий пытался спасти его, оба мальчика были затянуты течением и уже не могли выплыть к берегу. Они были спасены проходившим мимо односельчанином, но после этого Дмитрий заболел воспалением легких и вскоре умер. Его смерть глубоко потрясла Григория. Он был очень подавлен и стал замкнутым.

В девятнадцать лет Григорий полюбил Прасковью Дубровину, светловолосую и темноглазую девушку из соседней деревни, которая была двумя годами старше его. Они встретились, когда оба совершали паломничество в Абалакский монастырь, недалеко от Тобольска, и поженились полгода спустя. Их первый ребенок, Дмитрий, умер, прожив несколько месяцев, и почти десять лет после того у них не было детей.

В 1892 году, после многих лет хронической болезни, Григорий оставил Покровское, чтобы совершить паломничество в Верхотурский монастырь, что в Пермской области, где он и остался на несколько месяцев. Там Григорий пережил духовное пробуждение, и этот период стал поворотной точкой в его жизни. Он вернулся в Покровское и в течение последующих пяти лет не ел мясо, бросил курить и пить и начал старательно соблюдать церковные посты. По собственным словам Григория:

Когда я жил сперва, как говорится, в мире до 28 лет, то был с миром, то есть любил мир и то, что в мире и был справедлив и искал утешения с мирской точки зрения. Вся жизнь моя была болезни. Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как

забыть, так и проводил все время с 15 лет до 38 лет. Вот что тем более меня толкнуло на новую жизнь. Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало как с маленьким, мочился в постели. Ктевские сродники [святые] исцелили и Симеон Праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы. Очень трудно было все это пережить, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал.^{11*}

Наибольшее влияние во время пребывания в Верхотурье оказал на него старец Макарий, известный прозорливый отшельник, живший в лесу, приблизительно в 12 верстах от Верхотурского монастыря. Местные жители любили этого старца и ходили к нему за советом, иногда принося ему небольшие свертки с едой, одеждой или немного денег. Его совет часто был коротким и несвязным; его слова принимались больше сердцем, чем разумом. Посетители внимательно слушали и почти всегда уходили утешенные и умиротворенные. Старец Макарий долго помнил маленькие дары и доброту паломников и спрашивал имя каждого человека, с тем, чтобы помянуть его в молитвах.¹²

В историческом обозрении И.М. Концевича "Стяжание Духа Святаго в Путях Древней Руси" мы читаем следующее о традиции русского старчества:

Влияние старчества простиралось далеко за границы монастырских стен. Старцы духовно руководили не только монахов, но и мирян. Часто обладая даром ясновидения, они наставляли, увещевали и успокаивали всякого; они исцеляли болезни души и тела, предупреждали об опасностях, указывали путь жизни, открывали волю Божию.

* Этот отрывок, как и многие другие, взят из книги Распутина "Жизнь опытного странника", которую он продиктовал, а затем издал в 1907 году.

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был в недалеком прошлом, в начале своего старчества, отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть и епископ, напр., Игнатий Брянчанинов, или Антоний Воронежский, великий современник преп. Серафима. Из иереев назовем о. Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Чекряковского. Наконец, старчествовать может и женщина, как, напр., прозорливая блаженная Прасковья Ивановна во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре.¹³

В 1915 году, во время визита в Верхотурье, Юлия Александровна фон Ден (Лили Ден), близкая подруга Императрицы Александры Феодоровны, говорила о таком отшельнике, возможно, о самом старце Макарии:

Отшельник жил в самом сердце леса, и его скит можно было легко принять за птичий двор. Он был окружен домашней птицей всевозможных видов...; он отдавал яйца в монастырь, а мы скромно прихлебывали холодную воду с черным хлебом. У отшельника не было нужды в кровати, поэтому мы жалко ютились на жестком глиняном полу, и должна признаться, я была очень рада, когда мы вернулись в Верхотурье, где мы могли с удобством спать и принять ванну.¹⁴

Анна Вырубова, одна из фрейлин Императрицы Александры Феодоровны, дважды посещала старца Макария. Она рассказывает:

.... в каждый из этих приездов, я посещала знаменитый Верхотурский монастырь на реке Урал,

где хранятся высоко почитаемые мощи св. Симеона. В лесах, окружающих монастырь, много крошечных деревянных хижин, в которых живут одинокие монахи или затворники, и среди них был почитаемый старый монах, известный как отец Макарий. Этот пожилой и благочестивый монах, по-видимому, оказывал Распутину больше уважения, чем сельское духовенство, и они беседовали вместе как друзья и равные, в то время как мы молча, с глубоким интересом слушали.¹⁵

В 1893 году, с согласия своей жены, Григорий отправился в странствие ко многим святым местам России, потом пешком проследовал к Горе Афон в Греции, а позднее - в Иерусалим. Прасковья не видела своего мужа в течение трех лет.

Россия в это время была полна странников - странствующих мирян. В своей книге - "Последняя Великая княгиня" - Иан Воррес пишет:

Их было очень много в старой России. Они бродили от монастыря к монастырю, из деревни в деревню, принося совет и утешение, иногда исцеляя болящих и испрашивая хлеб на дорогу. Православная иерархия не всегда благосклонно относилась к странникам, подозревая их в ереси. Они подлежали заключению в тюрьму, если их заставляли проповедующими народу. Все же Распутина нельзя полностью назвать странником. Ни один из них не имел семьи или дома. У Распутина же были жена, трое детей и собственный дом в Покровском, и Великая княгиня [Ольга Александровна] рассказывала мне, что в своих скитаниях с места на место он никогда не забывал семью. Он был глубоко и искренно привязан к ним всем.¹⁶

Эти три года расширили его кругозор. Места, посещенные им, и новые знакомства существенно повлияли на его

душевное становление. Вернувшись в деревню, он говорил о том, что увидел:

Я шел по 40-50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии на одних картошках, не имел с собой капитала и не собирал во век: придется Бог пошлет, с ночлегом пустят - тут и покушаю. Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду и не налагал руки до тела - это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания. Нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками как и они; работал и убегал на отдохновение на молитву. Когда коней пас - молился. Это отрада мне послужила за все и про все. В паломничестве мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти, так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья!"¹⁷

Истощенный долгой дорогой, Распутин во время странствий ежедневно вел духовную брань. По его собственным словам:

То являются помыслы нечестивые, усталость неописанная, голод невысказанный, жажда питья неопределенная, сдогадывался, что это опять от врага, нередко падал на дороге как-будто по кочкам иногда - все это искушение! Приблизись к селу, звон раздастся, я своими прыткими ногами и частой походкой, уже в храм. Вот мне первую мысль враг задает: то стань на паперти, собирай жертвы - дорога далекая, делать и накормили послаще. Хвать безумной головой, уже херувимский стих поют, а я еще не был, не предстоял, не соединялся с Господом!

Дай я не буду больше! Так мне пришлось с этими помыслами бороться целые года.¹⁸

Во время паломничества в Иерусалим Распутин был у Гроба Господня. Он пишет:

Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа! Так я чувствовал, что Гроб - Гроб любви и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих и они дома чувствуют себя отрадно.¹⁹

После его возвращения в Покровское люди собирались послушать рассказы о его странствиях. Он зачаровывал своих слушателей описаниями монастырей и святых мест, в которых побывал во время своих странствий; и, возможно, именно тут он впервые проявил себя как проповедник-мирянин.

Следующие четыре года, проведенные Григорием дома после его трехлетних странствий, по-видимому, были для него счастливыми. Прасковья родила троих детей: Дмитрия (1897), Марию (1898) и Варвару (1900).*

В 1900 году Григорий отправился во второе странствие. На этот раз он пошел из Покровского в Киев, чьи старые монастыри и знаменитые пещеры хранят мощи святых, почитаемых столетиями. На обратном пути он остановился в Казани, местонахождении известной Православной Духовной академии. По мнению одного из биографов,

* Дмитрий умер от цинги в Салехарде в 1930 году. Мария эмигрировала вместе со своим мужем, Борисом Соловьевым, в Париж. У них было две дочери, Татьяна (1919) и Мария (1920). Борис заболел и умер в Париже в августе 1926 года. Мария затем выступала как певица, танцовщица и даже укротительница львов в цирке для того, чтобы прокормить дочерей. Позже она эмигрировала в Соединенные Штаты Америки и умерла от сердечного приступа в Лос-Анжелесе 28 сентября 1977 года. Младшая дочь Распутина, Варвара, в один из послереволюционных дней исчезла.

Духовной академии. По мнению одного из биографов, именно в Казани Распутин приобрел известность. Казанские церковные власти, включая о. Антония (Гурийского), ректора Казанской Духовной академии, и игумена Хрисанфа (Щетковского), исполнявшего обязанности викария Казанской епархии, а позже - епископа Казанского (1904-1905), относились к Григорию как к благочестивому и одаренному мирянину, он был тепло принят ими. По их рекомендации Григорий прибыл в Санкт-Петербург в конце 1903 года, где был принят епископом Сергием (Страгородским), ректором Санкт-Петербургской Духовной академии, позднее ставшим Патриархом Московским и всея Руси. Вот что Распутин рассказывает о своей первой встрече с епископом Сергием:

... И вот Божья радость совершилась на мне грешном. Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге по Каме как господа лепешки валят в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить! Приезжаю в Петербург, все равно как слепой по дороге, так и я в Петербурге. Пришел первое в Александро-Невскую Лавру поклониться мощам и за крыльцом у меня большой мешок с черным бельем. Отслужил молебен сиротский за 3 копейки и 2 копейки на свечку.

Выхожу из Александро-Невской Лавры, спрашиваю некоего епископа Духовной академии Сергия. Полиция подошла, "какой ты есть епископу друг, ты хулиган, приятель". По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ призвал меня, увидел и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге,

знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм...²⁰

По-видимому, Распутин произвел довольно сильное впечатление на епископа Сергия, который, в свою очередь, представил его другим высокопоставленным духовным лицам Санкт-Петербурга, в том числе и архимандриту Феофану (Быстрову) - будущему архиепископу Полтавскому, - инспектору С.-Петербургской Духовной академии, позже сыгравшему значительную роль в жизни Распутина.

Высоко чтимый в Санкт-Петербурге, архимандрит Феофан был известен своим целомудрием и глубокой духовностью. Иеромонах Киприан в книге "Сосуды молитвы" оставил воспоминание об архимандрите Феофане:

...И вот среди всей этой братии, среди этих русских иноков стоит маленькая фигура святителя. Трудно говорить о таких людях, трудно даже подойти. С особым благоговейным трепетом склоняешься в земном поклоне перед ним, прося его благословения. И, не смотря в его лицо, принимаешь широкое его осенение маленькой, суховатой рукой, немного отрывистое и резкое. И особенно становится благоговейно, если взглянуть в его лицо: немного припухлая, точно детская верхняя губа, черная маленькая бородка, длинные волнистые волосы почти до пояса, слегка раскосые глаза, надвинутый клобук. Великий постник, молитвенник, человек той особой духовной жизни, уже увидевший те высоты и лазурные, светлые дали, которые видимы им, этим полу-земным людям, этим ангелам во плоти, уже живущим не здесь.²¹

Молодой архимандрит Феофан вел аскетический образ жизни. Прошло немного времени, и он привлек внимание

Царя Николая Александровича и Царицы Александры Феодоровны, и вскоре стал духовником Царской Семьи.

В эти первые годы Распутин произвел благоприятное впечатление на многих церковных иерархов Санкт-Петербурга благодаря своей мудрости и простоте. В первый приезд он пробыл в Санкт-Петербурге только пять месяцев и затем вернулся домой. Пройдет еще почти год до его возвращения в столицу и встречи с Царем и его Семейей.

II

Появление проповедника

В целом, он был приятным собеседником. Крстьянин, он тем не менее имел ясные, хорошо определенные суждения о многих предметах. Без сомнения, они проистекали более от глубокой интуиции и инстинкта, чем от обоснованного научного знания. В Распутине было так много от Ветхозаветного пророка, что его можно было бы сравнить с одним из тех странных, суровых провидцев, игравших такую большую роль при царях Израильских. Он обладал приятной многообразностью речи, почерпнутой, большей частью, из природы и богатых преданий Восточной Церкви.¹

Жерард Шелли

Более тысячи лет Россия сохраняет традиции православного христианства. Богатая святыми, мучениками, литургической практикой, духовной музыкой и иконописью, Россия в разные периоды своей истории пребывала на вершине христианской культуры.

Русский уклад жизни неразрывно связан с Русской Православной Церковью. Посты, праздники, красные углы, горящие лампадки и запах ладана естественны для каждого русского дома. Новокрещенному младенцу часто дается имя святого, в чей день он был рожден. Люди осеняют себя крестным знаменем пред иконами, входя в чужой дом, и лишь затем приветствуют хозяев, и молятся не только после сна или отходя ко сну, но часто и ночью. Это глубокое осознание зависимости от Бога в повседневной жизни - краеугольный камень русского благочестия.

В начале 18-го века Царь Петр I провел множество различных реформ в попытке осовременить свою страну. Не получив поддержки Патриарха в пользу своих изменений, Царь издал указ в 1721 году, отменяющий патриаршество и учреждающий взамен Церковную Коллегию, названную

“Святейшим Правительственным Синодом,” над которой он установил жесткий контроль. Синодальный период правления в Русской Православной Церкви продолжался до 1917 года, когда патриаршество было восстановлено.

В начале 20-го века Русская Православная Церковь находилась в тяжелом состоянии. В обществе распространялись религиозное равнодушие и атеизм. Священное Предание служило предметом насмешек для многих интеллигентов. Священников осмеивали как что-то бессмысленное и стоящее вне реальной жизни. Благочестие казалось старомодным, а Церковь из-за близкой связи с Государством обвинялась многими модернистами в препятствовании социальному прогрессу.

В то время в России выделялись три основных класса: высший класс аристократии, средний класс интеллигенции и купечества и крестьяне.

Хотя некоторые из высшего класса оставались искренними искателями православной духовности и благочестия, многие стали безразличны к традиционному Православию, следуя только внешним его формам. Так как люди были более заинтересованы в мирских делах, душевная скука и неудовлетворенность стремительно распространялись в столичном высшем обществе, увлекая многих искать религиозные переживания в таких оккультных опытах, как спиритические сеансы, “летающие столы”, “двигающиеся блюда” и пр.

Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Царя Николая II, пишет:

Самой знаменитой хозяйкой в те дни была графиня Мария Эдуардовна Кляйнмихель, чьи маскарадные балы были предметом для разговоров в городе весь сезон. Богатая, эксцентричная, слегка хромающая, графиня не выезжала из дома, и любой, кто бы то ни был, почел бы за честь нанести ей визит. Великосветская дама до кончиков ногтей, но при этом необычайно проницательна и умна. Так

или иначе, ей удавалось разузнать о личных тайнах практически каждого в обществе. Ее дом был известен как рассадник сплетен. Она также увлекалась оккультизмом...²

Князь Сергей Оболенский, чей отец был адъютантом Великого князя Владимира (дяди Царя Николая II), рассказывает об одном из спиритических сеансов графини:

Был однажды сеанс в доме старой графини Кляйнмихель. Этот сеанс был посещен особенно фривольным духом. В самый кульминационный момент, при погашенных свечах, раздался пронзительный крик графини. "Может быть, зажечь свечи?" - простодушно спросил отец. "Ни в коем случае!" - отрезала она. Так они сидели в темноте, молча, слыша, как она ползала вокруг них. Наконец она вздохнула и сказала, что свет можно зажечь. Когда огни зажглись, оказалось, что мамотка на макушке графини Кляйнмихель была надета шиворот-навыворот. Мамотка - это вид парика, который, как было известно, графиня носила неизменно. Отец рассказывал мне, что тот чрезвычайно проказливый дух, по-видимому, стащил мамотку с головы графини и забросил в угол, где она кое-как нашла ее в темноте. Но беда в том, что без света она не смогла разобрать, что надела парик наизнанку.³

Средний класс в основном тоже утратил присущее ему традиционное благочестие. В середине 19-го века Царь Александр II провел реформы, которые каждому давали возможность получить университетское образование. Плата за обучение была невысокой, и тысячи мужчин и женщин стекались в университеты. Русские студенты отправлялись также на обучение в Европу, таким образом открывая себя новым идеям. Провозглашались "свободы" всякого рода, и

многие студенты идеалистического уклада увлеклись революционными идеями.

Нигилисты, предвестники наших современных деконструктивистов, стремились уничтожить старый порядок, не столько ради политических перемен, сколько ради просто разрушения. Подобное революционное мышление породило такие революционные группы, как *Народная Воля*, совершившая 14 марта 1881 года убийство Царя Александра II.

Князь Сергей Оболенский пишет о системе образования в то время:

В то время происходил грандиозный интеллектуальный переворот; студенты устремлялись в университеты тысячами, пять лет изучали право, спорили и дебатировали, оттачивали свой ум, питали большие надежды на будущее, а затем им, получившим образование и дипломы, нечего было делать. Работы для них не было. В лучшем случае они могли получить небольшую государственную должность и жалованье. Они негодовали на всякого имеющего деньги, они негодовали на всякую несправедливость и неравенство; они негодовали на все. Но больше всего они негодовали на систему, которая открыла для них возможности интеллектуальные, возбуждая стремление к лучшей жизни, но не обеспечила их возможностью соразмерных заработков. Система произвела социалистов, произвела революционеров. Это была вина правительства, которому следовало поддерживать техническое обучение, приспособливая их к нужному для России делу. Нерадение о формировании специалистов было одной из величайших ошибок старого правительства.⁴

Конечно, критика Оболенского является слишком уж предвзятым обобщением, но она служит хорошей иллюстрацией того, что нужна была система "сдержек и

противовесов” для богоотступников, дабы реформа действительно смогла послужить на пользу России.

В крестьянстве тоже происходили изменения. Еще в 1649 году “Уложением” Царя Алексея Михайловича вольные хлебопашцы - свободные крестьяне, равноправные со своими хозяевами, - были прикреплены к земле, но во всем остальном оставались, как и прежде, свободными. Закон гарантировал им права на частную собственность, на торговлю, на заключение договоров, на распоряжение своим имуществом по завещанию и так далее. Петр I ради скорейшего проведения в жизнь своих реформ мобилизовал на различные работы все население страны. Эта временная, как он считал, мера получила, однако, постоянный характер. Основной привилегией дворянства стало право владеть крепостными, или “крепостное право”. За заслуги им жаловали уже не земли, как в Московской Руси, а “души” и “дворы” крестьян. Этим Петр превратил государственно обязанных крестьян в частную собственность. Так в XVIII веке крестьяне стали крепостным сословием, всецело зависящим от помещиков, которыми могли быть только дворяне. Временная система эта просуществует почти полтора века.

Семьи крепостных крестьян имели свои маленькие участки земли, на которых они могли трудиться и продавать всякий остаток для своей выгоды, а владельцы крепостных по закону были обязаны обеспечить образование, медицинскую помощь и религиозные потребности крестьян. Однако, не все крестьяне были крепостными. Крепостное крестьянство являлось социальной структурой, не классом, и крепостное право не было известно во многих областях России. Русская перепись 1858 года показывает, что 37,7% населения были аттестованы как крепостные. Тем не менее, многие помещики злоупотребляли крепостным правом, и оно было отменено Царем Александром II в 1861 году, за 2 года до подписания в Америке президентом Авраамом Линкольном Декларации о равноправии, освободившей рабов.

Хотя Царская Россия оставалась оплотом христианства продолжительнее большинства стран, в 19 и 20 веках

европейские идеи стали оказывать все более сильное влияние на традиционные ценности, разрушая последние. В то время как русский крестьянин в целом сохранял приверженность национальным обычаям, средние и верхние классы становились равнодушными ко всему традиционному, более и более равняясь на мысли и нравы Западной Европы. Христианские добродетели виделись многим старомодными, и прежняя привязанность к Православной Церкви становилась все слабее и слабее в среде образованных классов. Таким было общество к моменту первого появления Григория Распутина в Петербурге.

Одним из выдающихся клириков Санкт-Петербурга, которые старались возродить православное благочестие, был вышеупомянутый архимандрит Феофан (Быстров). Ему пришлось по сердцу простые, но сильные слова Распутина. Не вызывает сомнений, что архимандрит Феофан поддерживал Распутина в первые годы пребывания того в столице. В 1905 году он говорил, по словам бывшего Министра Финансов В.Н. Коковцова, что Распутин “доходил до такого глубоко молитвенного настроения”, которое архимандрит Феофан “встречал в редких случаях среди наиболее выдающихся представителей нашего монашества”.³

Архимандрит Феофан не был одинок в своем уважении к Распутину. Григорий пользовался все возрастающей популярностью в различных кругах Санкт-Петербургского общества. Анна Вырубова, фрейлина и близкая подруга Императрицы, говорит о впечатлении, которое он произвел на некоторых иерархов Церкви:

Помню, однажды я была в гостях в доме одного инженера, где он [Распутин] тогда жил. Старец сидел между пятью епископами - все образованные и культурные люди. Они задавали ему вопросы по Библии и хотели знать его интерпретацию глубоких мистических тем. Слова этого совершенно неграмотного человека интересовали их... В течение двух первых лет жизни Распутина в С.-Петербурге многие

обращались к нему с полным доверием, испрашивая его руководства в духовной жизни. Среди таких людей была и я.⁶

Князь Н.Д. Жевахов, товарищ обер-прокурора Св. Синода, оставил рассказ об одной духовной беседе Распутина, свидетелем которой он сам был. Распутин говорил, что в начале своих духовных поисков он обратился за наставлениями к Житиям Святых, но повествование часто начиналось с момента, когда эти мужи и жены уже достигли святости. Он продолжает:

Я себе и подумал - здесь, верно, поры, когда уже они поделались святыми... Ты мне покажи не то, какую жизнь проводили подвижники, сделавшись святыми, а то, как они достигли святости... Тогда и меня чему-нибудь научишь. Ведь между ними были великие грешники, разбойники и злодеи, а про то, глянь, опередили собою и праведников... Как же они опередили, чем действовали, с какого места поворотили к Богу, как достигли разумения и, купаясь в греховной грязи, жестокие, озлобленные, вдруг вспомнили о Боге, да пошли к Нему?! Вот что ты мне покажи...

Значит, нужно придти на помощь и мирянам, чтобы научить их спасать в миру свои души. Вот, примерно, министр Царский, али генерал, али княгиня какая, захотели бы подумать о душе, чтобы, значит, спасти ее... Что-же, разве им тоже бежать в пустыню или монастырь?! А как же служба Царская, а как же присяга, а как же семья, дети?! Нет, бежать из мира таким людям не резон. Им нужно другое, а что нужно, того никто не скажет, а все говорят: "ходи в храм Божий, соблюдай закон, читай себе Евангелие и веди богоугодную жизнь, вот и спасешься."

И так и делают, и в храм ходят, и Евангелие читают, а грехов, что ни день, то больше, а зло все растёт, и люди превращаются в зверей... А почему?... Потому, что еще мало сказать: “веди богоугодную жизнь”, а нужно сказать, как начать ее, как оскотинившемуся человеку, с его звериными привычками, вылезть из той ямы греховной, в которой он сидит; как ему найти ту тропинку, какая выведет его из клоаки на чистый воздух, на Божий свет. Такая тропинка есть. Нужно только показать ее. Вот я ее и покажу.

Спасение в Боге... Без Бога и шагу не ступишь... А увидишь ты Бога тогда, когда ничего вокруг себя не будешь видеть... Потому и зло, потому и грех, что все заслоняет Бога, и ты Его не видишь. И комната, в которой ты сидишь, и дело, какое ты делаешь, и люди, какими окружен - все это заслоняет от тебя Бога, потому что ты и живешь не по-Божьему, и думаешь не по-Божьему. Значит что-то да нужно сделать, чтобы хотя увидеть Бога... Что же ты должен сделать?...

После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чистое поле... Иди и иди все вперед, пока позади себя не увидишь черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди прозрачную синеву горизонта... Стань тогда и помысли о себе... Каким ты покажешься себе маленьким, да ничтожным, да беспомощным, а вся столица в какой муравейник преобразится пред твоим мысленным взором, а люди - муравьями, копошащимися в нем!... И куда денется тогда твоя гордыня, самолюбие, сознание своей власти, прав, положения?... И жалким, и никому не нужным, и всеми покинутым осознаешь ты себя... И вскинешь ты глаза свои на

небо, и увидишь Бога, и прочувствуешь тогда всем сердцем своим, что один только у тебя Отец - Господь Бог, что только Одному Богу нужна твоя душа, и Ему Одному ты захочешь тогда отдать ее. Он Один заступится за тебя и поможет тебе. И найдет на тебя тогда умиление... Это первый шаг на пути к Богу.

Можешь дальше и не идти, а возвращайся назад в мир и становись на свое прежнее дело, храня, как зеницу ока, то, что принес с собою.

Бога ты принес с собою в душе своей, умиление при встрече с Ним стяжал и береги его, и пропускай чрез него всякое дело, какое ты будешь делать в миру. Тогда всякое земное дело превратишь в Божье дело, и не подвигами, а трудом своим во славу Божию спасешься. А иначе труд во славу собственную, во славу твоим страстям, не спасет тебя. Вот это и есть то, что сказал Спаситель: "Царство Божие внутри вас". Найди Бога и живи в Нем и с Ним и хотя бы в каждый праздник, или воскресение, хотя бы мысленно отрывайся от своих дел и занятий и, вместо того, чтобы ездить в гости или театры, ездь в чистое поле, к Богу.

Князь Жевахов признает, что ничего нового Распутин в тот день не сказал. Все в его поучении было знакомо каждому христианину. Однако новым было то, как уместно он применил его к повседневной жизни.

Я слышал много разных проповедей, очень содержательных и глубоких; но ни одна из них не сохранилась в моей памяти; речь же Распутина, произнесенную 15 лет тому назад, помню и до сих пор.⁷

Приведем еще один отзыв об учении Распутина - рассказ Елизаветы Джудас, впервые встретившей его в 1906 году. Распутина попросили перевезти девятилетнюю Елизавету, ее бабушку и их спутников из Тобольска в их имение недалеко от Покровского:

Перед тем, как отправиться в путешествие по суше... мы, на минутку, по русскую обычаю, присели перед дорогой. Когда мы встали, чтобы отправиться в путь, отец Распутин перекрестился, сложил руки, и, обратив взор к прекрасному сибирскому небу, начал молиться самыми замечательными словами, которые я когда-либо слышала. Он просил Господа благословить наше пребывание в этой части России, он говорил о бедных и больных, упомянул имя моей болящей кузины Ольги.

Смущенная тем, что Григорий не упомянул Царя или Его Семьи в молитве, Елизавета спросила его об этом.

- За кого ты молишься, Лизочка? спросил в ответ Григорий.

- За Царя, конечно.

- Почему?

- Потому что Царь - Бог на земле.

- Ты не права, Лизочка, - улыбаясь, сказал Распутин, - все молятся за Царя, но нужно молиться за бедных, глухих, немых и слепых. Это им нужны твои молитвы.

Девочка рассердилась на Распутина: "говорит мне молиться совершенно не так, как меня учили" и, отодвинувшись от него, села с бабушкой. Однако, она вскоре пожалела о своей горячности, так как Распутин начал рассказывать "истории о своем детстве и о природе" - такие интересные рассказы, что "мы с бабушкой сидели

вытянувшись в неловких позах, стараясь не упустить ни слова.”

Распутин говорил о цветах и деревьях, о величии грозового неба. Он сказал, “что это не трудно для любого научиться понимать язык Природы, если он очень этого желает.” Гнев девочки исчез к этому моменту, и она опять подседа поближе, “вслушиваясь в каждое слово о красоте природы, и о том, как обращаться к Господу в молитве.”

“Жаль, что я не помню точные слова и все примеры, которые приводил отец Распутин,” - писала Елизавета более чем 35 лет спустя. “Ни гувернантка, ни учитель, ни отец, ни мать никогда не описывали природу так красиво, как это делал так называемый простой мужик из Сибирского села Покровское.”⁸

Позже Распутин сам говорил так:

Много разных народов, и все умные в своем духе, но веры у всех и во всех нациях мало и любви нет. С ними очень нужно быть ласковым, они не понимают, но на любовь твою смотрят как на диковину. И вот в то время, как мы указываем на небо, они с любовью смотрят и в лице у них делается перемена и сейчас говорят о пророках. Очень много умных, а веры в них нет, с ними очень нужно говорить, но не о вере, а о любви, спаси их Бог. Критиковать и указывать на свою веру, как она высока - не надо, а надо сперва расположить их, а потом и сеять осторожно и кротко свою веру но на это годы нужны. Надо показать пример любви и иметь любовь яркую, вот тогда будут христиане, как в первые года и миссия христианская будет не за деньги служить, а по доброте. Они очень понимают, когда говоришь и удивительно на них слова отражаются - сейчас садятся кругом и смотрят на

тебя. Надо обязательно знать язык их и характер их наций, а всего короче - любовь к Богу иметь, как к другу, а то хоть и постимся, а не умеем с Богом беседовать, то и на людей не действуем...⁹

В первые годы своего пребывания в Санкт-Петербурге Григорий привлек внимание не только простых людей, но и видных церковных деятелей и благочестивых представителей высшего света благодаря своим простым и проникновенным объяснениям христианской жизни; эта популярность подготовила почву для его знакомства с Царской Семьей в 1905 году.

III Царская Семья

...Полагаю, что намного проще помнить жестокости Петра Великого, любовников Екатерины.... и остальное такого же рода. И, естественно, легенда о Распутине оказалась золотым дном для голливудских продюсеров. Возможно ли, что кто-нибудь когда-нибудь правдиво напишет о Нике и Аликс? Истории, выдуманные о них, просто невероятны...¹

*Великая княгиня Ольга Александровна,
сестра Государя Николая II*

Николай II, последний правящий Монарх России, старший из 6 детей Царя Александра III и его Супруги Императрицы Марии Феодоровны, родился 6 мая 1868 года. Второй сын, Александр, родился у Царской четы 26 мая 1869 года, но жил меньше года. После его смерти еще родились: Георгий (1871), Ксения (1875), Михаил (1878) и Ольга (1882).

Брак его родителей был основан на любви, и его отец, которого он обожал, был одним из благочестивейших русских Царей. Это несомненно повлияло на Николая Александровича и содействовало тому, что позднее и его собственная жизнь была достойна всяческого подражания.

Принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, которая стала Супругой Николая Александровича и Императрицей Российской, родилась в Германии в 1872 году. В шестилетнем возрасте потерявшая свою мать - дочь английской Королевы Виктории - Алису, умершую от дифтерии, принцесса Алиса была воспитана под внимательным наблюдением своей бабушки. Несмотря на глубокую любовь к Николаю Александровичу, Алиса пережила тяжелый душевный кризис перед тем как согласиться выйти за него замуж. Будучи воспитанной в строгом лютеранстве, она мучилась, что

оставляла религию своей юности, чтобы принять Православие, необходимое для Российской Императрицы.

Постепенно терпение и поддержка бабушки, Королевы Виктории, сестры Елизаветы и самого Николая Александровича расположили принцессу Алису дать согласие на брак. Пара была помолвлена 8 апреля 1894 года в Кобурге, в Германии. “Чудный, незабвенный день в моей жизни... день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс...” - писал Николай Александрович в своем дневнике.

Но эта их радость была омрачена неожиданной смертью его отца, Государя Александра III, которому было лишь 49 лет, и внешне он выглядел вполне здоровым. Никто не подозревал, что затянувшаяся болезнь окажется смертельной. В октябре 1894 года принцесса Алиса была приглашена в Летний Дворец в Крыму, за несколько дней до безвременной кончины Царя, заставшей 26-тилетнего Николая Александровича слабо подготовленным для того, чтобы стать Российским Самодержцем. Три недели спустя, 14 ноября 1894 года, Николай Александрович и Александра Феодоровна (как стали звать Алису после принятия ею Православия) сочетались браком в Зимнем Дворце в Санкт-Петербурге.

В отличие от своей свекрови, вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, чьи годы замужества при Дворе до того, как она стала Императрицей, помогли ей подготовиться к обязанностям русской дворцовой жизни, Александра Феодоровна оказалась весьма мало подготовленной к своей новой роли. Она была болезненно застенчива на публике и не настолько расположена к выполнению общественных обязанностей, как ее свекровь, которая просто получала большое удовольствие от их исполнения.

Великая княгиня Ольга Александровна пишет:

Она [Императрица Александра Феодоровна] очернена более всех из Семьи Романовых. Она вошла в историю такой оклеветанной, что я уже больше не могу читать всю эту ложь и инсинуации, которые

люди пишут о ней. Даже в нашей собственной Семье никто не старался понять ее кроме меня, моей сестры Ксении и Тети Ольги*. Еще когда я была подростком, мне запомнились вещи, приводящие меня в негодование. Она ничего не могла сделать как надо - так считало окружение моей матери. Однажды, как я знала, у нее была ужасная головная боль, она была бледной, когда появилась за обедом. А я услышала, как вокруг стали говорить, будто она в плохом настроении из-за разговора моей матери с Ники насчет назначений нескольких министров. Даже в тот первый год, я так хорошо помню, если Аликс улыбалась, говорили, что она насмехается. Если она была серьезной, говорили, что злится.²

Владимир Николаевич Восейков, последний комендант Императорского Дворца, дает следующее описание Императрицы:

...Ее образ предстал как живой... Ее величественная царственная осанка, ее серо-голубые большие глаза, в которых всегда отражалась какая-то глубокая печаль. На многочисленных собраниях природная застенчивость Императрицы придавала ей вид страдальчески-холодный, как будто бы она была чужда всему, что вокруг нее происходило. Это было одной из причин, по которой мало знавшие Императрицу считали ее гордой и недоступной, совершенно не понимая, что она хорошо себя чувствовала только там, где могла приносить утешение и облегчать страдания людей; пустые же светские разговоры ее только тяготили.³

Царь Николай Александрович и Царица Александра Феодоровна отнеслись к своему новому положению

* Королева Ольга (1851-1926), старшая дочь вел. кн. Константина Николаевича, супруга греческого короля Георгия I.

Монархов серьезно. Они понимали священное помазание на Царство Православной Церковью как благословение их царствования и как божественную печать высокой ответственности, которую это благословение влекло за собой. Эта ответственность была и духовной, и политической, и Царь Николай II, так же как и его отец, хотел сохранить Монархию незыблемою.

Митрополит Питирим (Окнов) Петроградский говорил от лица многих верных монархистов, когда определял значение Русской Монархии:

Помазанник Божий есть орудие воли Божией, а эта воля не всегда угодна людям, но всегда полезна. Народовластие же всегда губительно, ибо Богу было угодно постановить, чтобы не паства управляла пастырем, а пастырь - паствою. Там, где этот принцип нарушается, наступают последствия гораздо более горькие и опасные, чем все то, что признается ошибками или неправильными действиями пастыря. Пастырь ответствен пред Богом...⁴

В дореволюционной России Монархия была неотделима от Церкви. И сегодня те, кто чает возвращения Царя на Престол, видят в демократии духовную угрозу, так как она делает самого человека мерой всякой истины.

В 1895 году Императрица Александра Феодоровна родила первого ребенка - дочь Ольгу. Затем последовало рождение еще трех дочерей: Татьяны (1897), Марии (1899) и Анастасии (1901). Но после семи лет семейной жизни у Царя все еще не было сына, и Императрица Александра Феодоровна была объектом многих сплетен за неспособность дать Наследника Престолу. Даже сама Вдовствующая Императрица сомневалась в том, что жена ее сына способна дать Престолу Наследника, а потому начала оказывать давление на Царя, дабы объявить брата Михаила Александровича своим настоящим Наследником. Александра Феодоровна, страдавшая невралгией и ишиасом, считала себя неспособной

родить сына и занялась поиском целителей, которые могли бы ей помочь.

В 1901 году Государь Николай II и Государыня Александра Феодоровна отправились во Францию по приглашению президента Франции Эмиля Лубе. Во время их визита сестры-черногорки, Великие княгини Милица Николаевна и Анастасия (Стана) Николаевна, близкие подруги Императрицы, представили Царской Семье француза Низье Антельм Филиппа. Филипп, родившийся в Савойе во Франции в 1849 году, обладал репутацией удивительного целителя. Черногорки познакомились с Филиппом в 1900 году, они были поражены его даром, и пригласили его к себе в гости в Россию. Во время первого путешествия по России в декабре 1900 года он встретился с известным православным священником Иоанном Кронштадтским, который тепло принял его.

Морис Палеолог, французский посол в России в то время, так описывал Филиппа:

Среднего роста, плотного телосложения, с простыми манерами, сдержанной жестикуляцией, мягким голосом, высоким лбом, покрытым густыми темными волосами, с хорошим, привлекательным и проникновенным выражением лица, он обладал удивительной, доброй притягательной силой, которая, похоже, действовала на всех, кто приближался к нему.⁶

Случаи исцеления Филиппом больных были задокументированы и засвидетельствованы бесчисленным количеством людей, включая медиков. Маленькие дети, страдавшие от тяжелых заболеваний позвоночника, выздоравливали благодаря его молитвам. "Надо только просить Бога," - говорил Филипп. Однажды, перед тем как исцелить маленькую девочку, которая семь лет страдала тяжелой болезнью позвоночника и с трудом передвигалась с помощью костылей, Филипп спросил у ее матери, готова ли

она заплатить ту цену, которую он попросит. Женщина, у которой было очень мало денег, залилась слезами. Филипп сказал: "Мне не нужны Ваши деньги, но я хотел бы взять с Вас обещание не говорить ни о ком плохо, пока Вашей дочери не исполнится двадцать лет. Обещаете?" Мать, конечно, с готовностью согласилась. Тогда Филипп посмотрел на девочку и велел ей встать с кресла без костылей. После некоторого колебания девочка поднялась, и оказалось, что она была совершенно здорова.

Во Франции Филипп три раза вызывался в суд по обвинению в нелегальной врачебной практике. Обвинение гласило, что он пользовался гипнотизмом, внушением и магией, - всем тем, что Филипп открыто осуждал.⁸ С него сняли все обвинения. Фактически все свидетели, включая и тех, которых Филипп не смог исцелить, засвидетельствовали, с какой бескорыстной заботой и любовью он относился к каждому, кого исцелял.

Филипп считал соблюдение заповеди Христа любить ближнего как самого себя (Мф. 19, 19) главным основанием успеха своей работы. Он обращался к Богу каждый раз, когда начинал исцелять, и советовал людям чтить заповеди Христовы и не отступать от веры. Хотя в молодости он исследовал другие, нехристианские, учения, он считал себя христианином и говорил, что спиритизм есть бесполезное занятие.⁹ Рассказы, что он вызывал дух Царя Александра III во время так называемых ночных сеансов во Дворце, не следует принимать всерьез. Николай Александрович и Александра Феодоровна были решительными противниками спиритизма. Как заявляет Анна Вырубова:

В ранние дни моего знакомства с Императрицей, то есть в 1905 году, она дала мне особое предупреждение против таких вещей, сказав мне, что если я желаю ее дружбы, то не должна иметь ничего общего с так называемым спиритизмом.¹⁰

Филипп произвел впечатление на русских Монархов с самой первой аудиенции, и они пригласили его приехать еще раз в Россию. В октябре 1901 года его сопровождала дочь со своим мужем. Они провели два месяца в Царском Селе, и Филипп был удостоен звания почетного доктора медицины Императорской Академии Медицины в Санкт-Петербурге.

Вторая поездка Филиппа в Россию состоялась осенью 1902 года, и он встречался с Царской Семьей в Крыму. Во время этой поездки он предсказал Царской Семье скорое рождение сына.¹¹

Однако не на всех Филипп производил хорошее впечатление. Граф Сергей Витте, премьер-министр при Александре III и Николае II, считал его шарлатаном.¹² Генерал Рачковский, в ведении которого в Париже находилась служба тайной полиции по сбору информации за границей, подготовил на Филиппа доклад, изображавший его "темной и подозрительной личностью еврейской национальности", со связями с двумя масонскими группами, известными под названием "Гранд Альянс Израелит" и "Мартинисты" - группа, которая была основана в 1884 году Джерардом Энкауссе. Хотя Энкауссе считал группу христианской, она во многом разделяла теософское учение, созданное столетием раньше Луисом-Клоудом де Сант-Мартином (сильно подверженным влиянию мистических писаний Якова Бёме) - отсюда название "Мартинисты". Сам Филипп не был членом этой группы, хотя таковыми являлись некоторые из его последователей.

Доклад был представлен Царю Николаю II, который, в свою очередь, показал его господину Филиппу. Последний внимательно прочитал весь материал, отверг все обвинения и сказал, что если Царь пожелает, то он мог бы передать это дело в министерство юстиции и привлечь своих обвинителей к ответу за клевету.

Хотя делу и не был дан ход, не разбиравшее правых и виновных общественное мнение вынудило Филиппа в конце концов покинуть Россию. Он умер в Ларбресле, во Франции

2 августа 1905 года. Перед отъездом Филипп оставил предсказание Царю и Царице, что скоро у них появится другой друг, который придет к ним говорить о Боге.

12 августа 1904 года сбылось первое предсказание Филиппа, и Императрица Александра Феодоровна родила сына - Алексея.*

Радость Царской Семьи была кратковременна, так как несколько месяцев спустя у Алексея Николаевича стали проявляться признаки гемофилии.** Новость о болезни сына была страшным ударом для Императрицы - она знала, что эта болезнь передается по материнской линии.

Это событие ознаменовало начало периода боли и страданий в личной жизни Царской Семьи. Именно в это время Николай Александрович и Александра Феодоровна встретили человека, который оказал большое влияние на их жизнь - Григория Распутина. Государыня видела в Распутине исполнение второго предсказания Филиппа.¹⁴

* Стоит отметить, что летом 1903 года Государь и Государыня в сопровождении сестры Царя, Великой княгини Ольги Александровны, и сестры Царицы, Великой княгини Елизаветы Феодоровны и ее мужа, Великого князя Сергея Александровича, поехали в Саров на канонизацию преп. Серафима, великого подвижника XVIII столетия, известного своими исцелениями при жизни и по смерти. Великая княгиня Ольга Александровна так описывает свое паломничество в Саров:

Первое чудо я увидела еще с берега маленькой речушки. Воды Саровки считались целительными, так как там часто купался Серафим. Я увидела крестьянку, несущую свою полностью парализованную дочь и окунавшую малышку в воду. Немного спустя ребенок уже шел по лугу. Тогдашние саровские доктора могут подтвердить и факт паралича, и исцеления...¹³

Императрица, в свою очередь, искупалась в Саровке и после молилась у раки преподобного. Вскоре у нее родился сын.

** Гемофилия - болезнь, которая воздействует на свертывание крови. Она передается по женской линии и поражает только мужчин. В семье Императрицы Александры Феодоровны было несколько случаев этой болезни.

Ходило много историй о том, как Григорий Распутин был представлен Царской Семье. В дневнике за 1905 год Царь Николай Александрович так рассказывает об этом:

1-го ноября 1905 г. Вторник.

В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой.

Познакомились с человеком Божиим - Григорием из Тобольской губ.

Архимандрит Феофан (Быстров) представил Григория Распутина как человека Божия Великому князю Петру Николаевичу, внуку Царя Николая I, и его супруге Милице Николаевне, а они позднее познакомили его с Царской Семьей.

Григорий Распутин несколько раз встречался с Николаем Александровичем и Александрой Феодоровной летом 1906 года в Знаменке, имении Великого князя Петра Николаевича и Великой княгини Милицы Николаевны, или в Сергиевке - имении Великого князя Николая Николаевича и Великой княгини Анастасии Николаевны. 9 декабря 1906 года Царь Николай Александрович записал в своем дневнике: "Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории". Шесть месяцев спустя, 19 июня 1907 года, Царь записал следующее: "В 3 часа поехали с Аликс в ее двуколке в Знаменку. Встретили Стану на террасе перед Дворцом, вошли в него и там имели радость увидеть Григория. Побеседовали около часа и вернулись к себе".

Князь Н.Д. Жевахов, бывший товарищ обер-прокурора Св. Синода, объясняет, что означало выражение "Божий человек":

Наряду с этими, так сказать, официальными старцами, несущими в монастырях возложенное на них послушание, в России встречается еще один тип людей, неизвестный Европе. Это так называемые Божьи люди... В противоположность старцам, эти

Божьи люди редко остаются в монастырях, а преимущественно странствуют, переходя с места на место, вещая волю Божию людям и призывая к покаянию. Старцы всегда монахи, тогда как между Божьими людьми встречаются и миряне; но как те, так и другие ведут строгую аскетическую жизнь и пользуются равным нравственным авторитетом.¹⁵

Первая встреча Распутина с Царскими детьми состоялась 13 октября 1906 года. Николай Александрович и Александра Феодоровна пригласили Распутина в Александровский Дворец в Царском Селе. Распутин преподнес в подарок Царской Семье икону праведного Симеона Верхотурского, глубоко почитаемого в Сибири. Тогда он впервые говорил с детьми. Этот визит был описан Царем Николаем Александровичем тремя днями позже в письме к премьер-министру Петру Столыпину:

Он [Григорий Распутин] произвел чрезвычайно сильное впечатление на Ее Величество и меня, а наша беседа с ним продолжалась более часа вместо запланированных пяти минут.¹⁶

Эта была их первая встреча в присутствии детей. В Царском дневнике нет никаких указаний на то, что первое свидание Григория с детьми имело какое-то отношение к болезни Алексея. Видимо, впечатление, произведенное им тогда на Монархов, не было связано с даром исцеления. Они очень любили, когда он рассказывал о своих паломничествах и пересказывал Евангелие.

Великая княгиня Ольга Александровна рассказывает о влиянии Распутина на детей:

Когда я увидела его (в детской), я ощутила доброту и тепло, исходящие от него. Он, кажется, нравился всем детям. Они чувствовали себя с ним совершенно

свободно. Я до сих пор помню, как они смеялись, когда маленький Алексей изображал из себя кролика и прыгал взад-вперед по комнате. И вдруг, совсем неожиданно, Распутин поймал мальчика за руку и повел в спальню, и мы втроем последовали за ним. Наступила тишина, как в церкви. Лампы в спальне Алексея не горели, свет давали только лампы, горевшие перед несколькими красивыми иконами. Ребенок стоял очень тихий рядом с гигантом, голова которого была опущена. Я поняла, что он молится. Все это было весьма впечатляющим. Я также поняла, что мой маленький племянник присоединился к нему в своей молитве. Я не в состоянии описать это, но тогда я ощущала искренность этого человека...¹⁷

Кажется, дети действительно радовались встречам с Григорием Распутиным, как видно из письма Великой княжны Ольги Николаевны своему отцу от 25 июня 1909 года:

Мой милый дорогой Папа. Сегодня чудесная погода, очень тепло. Маленькие [Анастасия и Алексей] бегают босиком. Сегодня вечером у нас будет Григорий. Мы все так чудесно радуемся его еще раз увидеть...¹⁸

С годами отношения между Распутиным и Царской Четой продолжали углубляться. Уже к концу 1907 года встречи Григория с Государем и Государыней стали более частными, они проходили в доме Анны Вырубовой в Царском Селе. Первая встреча там состоялась 12 марта 1908 года. Царь Николай Александрович в своем дневнике пишет: "Вечером покатались и заехали к Ане В. Видели Григория с Феофаном: так было хорошо!"

Императрица Александра Феодоровна также использует слово "оживляюще", говоря о своих беседах с Распутиным.

Жерард Шелли оставил уникальное описание своей неожиданной встречи с Императрицей в квартире Распутина в 1915 году:

...Мне удалось получить извещение, что старец был бы рад видеть меня у себя за чаем сегодня после полудня... Самовар был внесен графиней Русовой и установлен на краю обеденного стола. Стулья уже расставлялись для приема гостей, когда зазвонил дверной колокольчик, и вошли две дамы в вуалях. Обе были скромно одеты в простые черные платья, головы покрывали меховые токи. Старец двинулся навстречу, приветствуя их, и мягко произнес: "Приветствую тебя, Александра, раба Божия."

Высокая дама откинула свою вуаль. Это была Императрица. Я был изумлен превыше всяких слов. С ней была Великая княжна Татьяна, статная, элегантная и красивая в своем простом черном платье. Я не мог не заметить почтение, которое Императрица выказывала по отношению к старцу. В ее взгляде светились духовный покой и счастье, когда она отвечала на его приветствие и, поднеся к себе золотой крест, который он носил на цепочке, прижалась к нему губами с трогательным почтением. Я чувствовал себя ужасно сконфуженно и едва соображал, что делать. Первые мои мысли были о побеге. Я был уверен, что мое присутствие должно тяготить Императрицу, которая, возможно, шла на квартиру, рассчитывая на присутствие только своих двух фрейлин. Однако Императрица сразу же ободрила меня...

"Я уверена, вы оцените красоту души нашего друга," - сказала она, присаживаясь на жесткий стул, который я пододвинул ей. (В квартире не было никаких признаков роскоши. Ничего, кроме голых

крашенных досок, жестких стульев и простого стола.) “Это так оживляет меня. Если мы истинные христиане, мы должны любить простоту. Наш друг совершает шаг в прошлое, к простой вере первых христиан, когда высшие и низшие собирались вместе услышать Слово Божие из уст простых рыбаков”. “Дух дышит, где хочет.” Я осмелился вставить банальность, что Бог нелицеприятен. “Если бы только люди всегда помнили это!” - воскликнула она. Я не мог не заметить тень, пробежавшую по ее лицу, как если бы ее внутреннему взору предстала приводящая в уныние трагедия. На ее красноватой коже проступили пятна. Я был сильно напуган, когда с резкой прямоотой и напором она произнесла: “Петроградское общество сгнило! Вряд ли найдется хоть одна душа, на которую можно положиться...”

Найдя мои взгляды разумными, и, возможно, благодаря моей сопричастности политической и иной деятельности Великого князя Олега, Императрица посвятила меня в свои мысли о большой заботе, лежащей на ее сердце. После революции 1905 года она осознала, что безопасность Трона и России может быть укреплена только более тесной связью между Царем и крестьянством. Деятельность предыдущих Императоров носила слишком западнический характер, навязывая культуру, которая могла вести только к нигилизму и атеизму. Знать и купечество прогнили. Они утратили веру и поклонялись материализму. Ненадежные, неверные, зложивущие. Я осознал глубокий смысл сказанного ею: “Даже самые высокопоставленные и приближенные полны мятежа и интриг”.

Императрица оказалась очень искренней в своем стремлении завоевать для сына надежное место в

сердцах народа. "Все мои мысли о нем," - уверяла она меня. "Он будущий Самодержец России и защитник Православия. Для всех, кто верен Церкви и Трону, он должен стать вождем. Средний класс прогнил, заигрывает с революцией. Это все дурная кровь. Ее никогда не вывести из тела, которое обречено на смерть. В высших классах тоже разложение. С трудом найдешь, на кого положиться. Если России еще суждено спастись, то смотреть нужно на простых крестьян."

Я не мог представить себе ничего более справедливого и исполненного простого достоинства и грации. Императрица, казалось, была безгранично счастлива, мирна и спокойна в этой простой тихой обстановке. Мне тогда подумалось, что там и в самом деле была атмосфера катакомб раннего христианства. Казалось, Императрица наслаждалась тем же чувством восстановления, радости и обновления, которое, должно быть, испытывали и новообращенные имперского Рима, искавшие освобождения от давления бесплодной придворной жизни среди христиан на их тайных теплых собраниях в катакомбах Рима.¹⁹

Любовь Валерьяновна Головина, горячая поклонница Распутина, так рассказывает о его способности утешать людей:

... вообще у нас дома [он] был образцом вежливости и скромности... Я особенно ценю в Гр. Еф. его дар утешения. В самые тяжелые минуты жизни он всегда находит то самое нужное слово, какой-нибудь ничтожный совет - и выход найден. Кроме того, с ним чрезвычайно отрадно молиться.²⁰

Помимо этого, слова Григория часто оказывались проницательными. В своем дневнике Елена Францевна Джанумова записала удивительный случай. Она пригласила Распутина и многих других своих друзей в свой московский дом. Среди них находился человек, который когда-то был ее женихом:

“Об этом никто не знал... Он был давно женат и счастлив. Я тоже была замужем. После обеда Распутин вдруг сказал мне: “А ведь вы друг друга когда-то очень любили, но ничего не вышло из вашей любви. Оно и лучше, вы не подходящие, а эта жена ему больше пара”. Я была поражена его изумительной проницательностью. Не было никаких признаков, по которым он мог узнать о том, что так давно было, и о чем мы сами совсем забыли”.²¹

Другой случай, свидетельствующий о прозорливости Григория Распутина, был рассказан архиепископом Тихоном (Троицким) Сан-Францисским, бывшем некогда студентом Казанской Духовной академии и духовным сыном старца Гавриила (Зырянова) из Седмиозерского скита:

Раз группа студентов посетила старца Гавриила, который, по обычаю, приглашал чайку попить в 4 часа. На час был молодой вл. Тихон и среди гостей был и Распутин. В то время он считался “all right”^{**} и был в почете, посещал старца и очевидно был на большом счету у него. Старец Гавриил позже рассказывал вл. Тихону, что когда Распутин говорил ему, что он собирается в Петербург, то старец про

* Елена Францевна Джанумова - молодая москвичка, ездившая в С.-Петербург, чтобы искать у Распутина помощи от имени ее матери, немецкой гражданки, которой было назначено проживание в провинциальном городе.

^{**} all right - в порядке (англ.)

себя подумал: “пропадешь ты в Петербурге, испортишься ты в Петербурге”, на что Распутин, прочитав его мысль, вслух сказал: “А Бог? А Бог?” Это слышал вл. Тихон, но не знал к чему, так что позже старец объяснил этот явный случай прозорливости Распутина.²²

Первое оказание помощи Распутиным Царевичу Алексею относится к 1907 году. Наследнику только исполнилось три года, когда он упал в саду в Царском Селе и ушиб ногу. Из-за гемофилии падение вызвало безостановочное внутреннее кровоизлияние, и в течение нескольких часов ребенок испытывал страшные боли. Императрица позвонила сестре Царя, Великой княгине Ольге, которая немедленно поспешила в Царское Село, и вот что она рассказывает:

Не знаю, что должна была думать Аликс - это был самый первый приступ болезни ее сына. Бедное дитя так страдало от боли, темные круги выступали под глазами, маленькое тельце было все скрючено, и нога ужасно распухла. Доктора были совершенно бессильны. Они выглядели более испуганными, чем все мы, и все время шептались между собой. По-видимому, они ничего не могли сделать. Шли часы, и они уже потеряли всякую надежду. Становилось поздно, и меня уговорили уйти к себе в комнаты. Тогда Аликс послала за Распутиным в Санкт-Петербург. Он добрался во Дворец около полуночи или даже позже. В то время я уже находилась в своей комнате, а рано утром Аликс позвала меня в комнату Алексея. Я не могла поверить своим глазам. Мальчик был не просто жив, но, более того, он был здоров. Он сидел в постели, жар спал, глаза были ясными и сияющими, не было и никаких признаков опухоли на ноге. Ужас вчерашнего вечера казался неправдоподобным далеким кошмаром. Позже я узнала от Аликс, что Распутин даже не прикоснулся

к ребенку, он просто стоял в ногах постели и молился. И, конечно, некоторые люди стали говорить, что молитвы Распутина и исцеление моего племянника были просто совпадением. Но, во-первых, любой врач скажет вам, что приступ такой болезни нельзя исцелить за несколько часов. Во-вторых, совпадением можно объяснить то, что случилось один или два раза, а я даже не могу сосчитать, сколько раз это повторялось.²³

Приведем другой случай очевидного исцеления мальчика по молитвам Распутина, хотя Григорий в то время находился в Сибири, а Алексей - в Польше. В октябре 1912 года Царская Семья была в их охотничьем домике в Спале, недалеко от Варшавы. Алексей катался на лодке и когда вылезал из нее, ударился правой ногой. Вскоре боль в ноге стала невыносимой, вновь произошло кровоизлияние. В Спале собрался консилиум, состоявший из докторов Евгения Боткина, Сергея Федорова, Карла Раучфусса и Сергея Острогорского, - но они оказались беспомощны. Температура поднялась выше 40°C. О хирургическом вмешательстве не могло быть и речи, так как оно неминуемо привело бы к сильному кровоизлиянию со смертельным исходом. Пульс мальчика был еле слышен, и доктора уже не надеялись на его выздоровление. Императрица Александра Феодоровна послала срочную телеграмму Григорию Распутину в Покровское. От него сразу же последовал ответ:

Бог увидел Ваши слезы и услышал Ваши молитвы. Не печальтесь. Маленький не умрет. Не давайте докторам мучить его слишком много.²⁴

Великая княгиня Ольга Александровна сообщает:

Через час мой племянник был вне опасности. Позже, в том же году, я встретила проф. Федорова, который сказал мне, что исцеление было совершенно необъяснимо с точки зрения медицины.²⁵

Распутин не исцелил Алексея от гемофилии. Мальчик продолжал страдать от этого недуга всю жизнь. Однако Григорий, на самом деле, провидел благополучное завершение нескольких приступов болезни Наследника, а временами даже, похоже, способствовал облегчению его страданий. Из показаний очевидцев следует, что это не могло быть результатом гипноза, так как иногда он даже не видел ребенка, а лишь молился за него, находясь в другом месте. Даже сами доктора, которые были бессильны помочь юному Царевичу и которые подозрительно относились к способностям Распутина, засвидетельствовали этот факт. Профессор Федоров, специалист, бывший главой коллегии докторов, лечивших Алексея, признавался, что, несмотря на многолетний опыт работы с гемофилией, "когда Алексей истекал кровью, я был бессилён остановить это чем бы то ни было". Распутин, с другой стороны, "приходил, подходил к больному и смотрел на него без малейшего беспокойства. В течение небольшого промежутка времени кровотечение останавливалось". Похожие свидетельства сообщает и доктор Сергей Алексеевич Острогорский, другой врач Алексея, который подтвердил, что он лично был свидетелем облегчения, которое Распутин принес Алексею, остановив кровотечение.²⁶

Великая княгиня Ольга Александровна продолжает:

Распутин определенно обладал даром исцеления. В этом нет сомнений. Я видела эти чудесные результаты своими собственными глазами, и не один раз. Я также знаю, что самые известные доктора того времени были вынуждены признать это. Профессор Федоров, находившийся на вершине своей деятельности, пациентом которого являлся Алексей, не раз говорил мне об этом; при этом все доктора крайне неприязненно относились к Распутину.²⁷

Несмотря на изобилие существующих предположений об источнике целительной силы Распутина, для Императрицы Александры Феодоровны все было ясно: Распутин - человек

Божий с даром исцеления. Императрица верила в силу молитвы и прибегала к молитве Григория Ефимовича, когда доктора были бессильны. Баронесса София Карловна Буксгевден, близкая подруга Императрицы, вспоминает свой разговор с Александрой Феодоровной задолго до появления в их жизни Распутина - разговор о детях, которые умерли из-за того, что родители для излечения их прибегали к молитвам, а не к лекарствам. "Я выразила свое возмущение таким безрассудством при наличии стольких научно-обоснованных средств." К изумлению баронессы, Александра Феодоровна ответила: "Моя дорогая, они недостаточно молились. Будь их молитвы более горячими, дети бы поправились!"²⁸

Хотя Царь Николай Александрович и Царица Александра Феодоровна были бесконечно благодарны Григорию, они никогда не считали его чудотворцем. Великая княгиня Ольга Александровна свидетельствует:

Никогда ни мой брат, ни Аликс не верили, что этот человек наделен какими-то сверхъестественными силами. Они смотрели на него как на крестьянина, чья глубокая вера сделала его орудием Божьей Воли, - но только касательно Алексея. Аликс ужасно страдала от невралгии и ишиаса, но я никогда не слышала, чтобы Распутин помогал ей.²⁹

Сам Распутин не претендовал на то, что обладает какой-нибудь сверхъестественной силой. Его дочь Мария пишет:

"Он был далек от того, чтобы прислушиваться к похвалам тех, кто прославлял его "чудеса", считая его святым; мой отец считал все эти вещи совершенно естественными". "Нужно только просить Бога, молитва может сделать все," - говорил он. Никогда, я повторяю, он не лечил проходящих к нему больных иначе как молитвой, и никогда не впадал он в грех гордыни, ни представляя себя одаренным чудотворной силой, ни называя себя

“Божиим избранником”. “Нет на земле святого человека,” - повторял он, когда говорил о себе: “пока человек живет, он грешит...”³⁰

Хотя на Великую княгиню Ольгу Александровну произвели впечатление его отношения с детьми, она подчеркивает свое личное нерасположение к нему:

Я понимала, что оба они - и Ники, и Аликс - надеялись, что мне понравится Распутин. Я была, конечно, под впечатлением от произошедшего в детской. Я приняла во внимание его искренность. Но, к сожалению, я так никогда и не смогла расположиться к нему... из-за его любопытства, безудержного и бестактного. В будуаре Аликс, побеседовав с ней и Ники несколько минут, Распутин ждал, когда подадут чай, и вдруг буквально засыпал меня весьма дерзкими вопросами. Счастлива ли я? Люблю ли своего мужа? Почему у меня нет детей? У него не было никакого права задавать такие вопросы, поэтому я на них не ответила. Боюсь, что Ники и Аликс чувствовали себя довольно неловко. Помню, какое я чувствовала облегчение, покидая Дворец в тот вечер, и, садясь в личный вагон поезда, следовавшего в Санкт-Петербург, сказала себе: “Слава Богу, он не последовал за мной на станцию”.³¹

Хотя эти вопросы могли быть и неуместны, заданы они были проницательно. Брак Великой княгини Ольги Александровны с князем Петром Ольденбургским был устроен за нее матерью, когда ей было 19, а ему 33. Брак в самом деле оказался несчастливым и был наконец расторгнут в 1916 году.

В другой раз Ольга Александровна провела день в Царском Селе и после ужина отправилась с братом и Императрицей Александрой Феодоровной в дом Анны Вырубовой. По ее собственным словам:

Распутин был там и, казалось, очень обрадовался, увидев меня снова. Когда хозяйка с Ники и Аликс оставили гостиную на несколько минут, Распутин встал, обнял меня за плечи и начал гладить мою руку. Я тут же отодвинулась, ничего не говоря. Я просто поднялась и присоединилась к остальным. С меня было довольно этого человека. ...Скажу прямо: мне никогда не нравился этот человек. Но суд истории не должен зависеть от личного мнения.³²

Случай с сестрой Царя достоин внимания. Хотя Распутин обычно и обращался к каждому довольно бесцеремонно, это первое указание на какую-то уже чрезмерную фамильярность; похоже, что Распутин либо не знал об установленном этикете, либо сознательно нарушал его по отношению к сестре Царя.

Позднее стали распространяться лживые слухи о связи Распутина с Царскими дочерьми. Говорили, что Распутину поручили зажигать все лампы в Царском Дворце, но это, по словам распространявших слухи, был лишь предлог для того, чтобы Распутин получил доступ в комнаты членов Царской Семьи. Государыня Александра Феодоровна упоминает об этом в письме мужу:

...люди очень злоязычны... Теперь уверяют, будто он [Распутин] получил назначение в Ф[еодоровский] собор, что связано с обязанностью зажигать все лампы во всех комнатах Дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски глупо, что разумный человек не может не рассмеяться над этим предположением. Так отношусь к этой сплетне и я.³³

Некоторые из этих сплетен были спровоцированы несколькими годами ранее Софьей Тютчевой, гувернанткой детей. Внучка известного русского поэта 19-го века Федора Ивановича Тютчева, Софья хотела "очистить" подход к воспитанию Царских детей. По словам Анны Вырубовой,

Софья распространила ряд слухов, выставляющих Распутина как постоянного посетителя Дворца со свободным доступом в детскую и даже в спальню юных Великих княжон. Хотя Распутин в самом деле заходил несколько раз в детскую, с ним всегда были либо их родители, либо их тетя Ольга Александровна.

Царь Николай Александрович вызвал к себе Тютчеву и сделал ей строгий выговор, спрашивая, как она осмелилась распространять подобную ложь о его детях. Она отрицала свое участие в этом, но призналась, что плохо отзывалась о Распутине. Царь Николай Александрович заметил ей, что она даже не знакома с этим человеком. И еще отругал ее за то, что она публично выражала свое недовольство, вместо того чтобы сначала сказать ему. Тютчева признала, что с Распутиным не знакома и никакого желания познакомиться с ним не имеет.

Она продолжала свою кампанию против Распутина и далее, а Анна Вырубова утверждает, что Тютчева даже начала настраивать детей против их собственной матери. Скандал достиг таких масштабов, что Император в конце концов уволил Тютчеву. Бывшая старшая гувернантка Царских детей была представлена³⁴ ее семьей в качестве жертвы гнева Распутина.

Великая княгиня Ольга Александровна, которая, как уже упоминалось, лично не симпатизировала Распутину, опровергает эти слухи:

...какие гадости были написаны о Распутине и моих племянницах! Я знала этих девушек с их младенчества, я была так близка к ним, что они иногда говорили мне свои маленькие секреты, которые, им казалось, они не могли рассказать своей матери. Я знаю до мельчайших подробностей, каким было их воспитание. Малейший признак того, что называется вольностью со стороны Распутина, привел бы их в полнейшее замешательство. Ничего этого не было. Девушки всегда были рады видеть

его, потому что они знали, какую огромную помощь он оказывал их маленькому брату.³⁵

Великая княгиня Ольга Александровна рассказывает, что среди дворцовой прислуги распространялись слухи, приписывающие Распутину всевозможные безнравственные поступки. Одна из таких историй, о соблазнении Распутиным горничной детской комнаты М.И. Вишняковой, достигла Императора, который немедленно приказал провести тщательное расследование. Выяснилось, что девушка действительно скомпрометировала себя, правда не с Распутиным, а с казаком из Императорского Караула.³⁶

Несмотря на общепризнанное мнение, что Распутин постоянно находился во Дворце, баронесса Софья Буксгевден пишет:

Я жила в Александровском Дворце с 1913 по 1917 год, моя комната была соединена коридором с апартаментами Царских детей. Я никогда не встречала Распутина за все время, которое постоянно проводила в обществе Великих княжон.³⁷

Пьер Жильяр, учивший детей французскому языку, тоже жил во Дворце в Царском Селе 13 лет. В своих мемуарах он пишет, что видел Распутина только однажды.

За исключением единственного примера фамильярного отношения Распутина к сестре Царя Ольге Александровне, он всегда образцово вел себя в присутствии Монаршей Четы и их детей. Тем не менее, его клеветники, многие из которых завидовали предполагаемому влиянию Распутина при Дворе, не теряли времени, распространяя слухи.

IV Под огнем

Но как мог высший петербургский свет, пресыщенный всякого рода удовольствиями, обожавший нелепости и скорый на критику или осуждение, понять одновременно простое и сложное состояние души человека, который совершенно непосредственно и неожиданно мог погрузиться в сокровенные духовные глубины или восторженно-радостное состояние с наивностью взрослого ребенка? Подобным образом, мой отец не отделяя религию от радости; его восторженные порывы часто случались по самым простым, будничным причинам, и, в то время как другие считали его нелепым и смешным, он чувствовал в своей душе поднимающуюся неудержимую радость, которая для него не отличалась от молитвы.¹

Мария Распутина.

В то время как в Петербурге росла слава Григория Распутина, отец Петр Остроумов и отец Феодор Чемагин, священники села Покровского, написали епископу Антонию Тобольскому (Каржавину), обвиняя Григория в принадлежности к “хлыстам” — запрещенной религиозной секте. Хлыстовцы утверждали, что Христос и до наших дней воплощается на земле в разных людях. Их “богослужения”, по свидетельствам, часто заканчивались оргиями.

1 сентября 1907 года епископ Антоний (Каржавин) распорядился провести расследование по этим обвинениям. Сначала его вел священник Никодим Глуховецкий, и собранные им материалы были использованы в докладе епископу Антонию Тобольскому протоиереем Димитрием Смирновым, членом Тобольской консистории. Доклад включал также дополнительную информацию, собранную

Дмитрием Березкиным, инспектором Тобольской Духовной семинарии.

Материалы отца Никодима позволяют заглянуть внутрь дома Григория Распутина: в каждой комнате имелись иконы и рисунки на религиозные темы, висящие на стенах, также были там фотографии Григория с Великими князьями и известными высокопоставленными духовными и гражданскими лицами. Верхний этаж дома был обставлен скорее в городском стиле; нижний - попроще, на крестьянский манер.

Человек, производивший расследование, утверждает, что видел письма архимандрита Феофана (Быстрова), инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии, епископа Сергия (Страгородского), ректора той же Академии, и других иерархов Церкви, спрашивающих мнение Григория Распутина относительно некоторых церковных вопросов. Следователю показывали фотографии Распутина с епископами, монахами и студентами Санкт-Петербургской Духовной академии.

Следователь официально допросил членов семьи Распутина, также как и отца Петра Остроумова. Хотя отец Петр первым обвинил Распутина в хлыстовстве, он признал, что Распутин и его семья православно исповедывались и принимали Святое Причастие. Православные песнопения и молитвы были неотъемлемой частью жизни дома Распутиных.

Отчет сообщает, что местные крестьяне отзывались о Распутине с уважением, а некоторые называли его "отец Григорий".

Другой священник той же церкви Покровского, отец Феодор Чемагин, заявлял, что он всегда видел трех или четырех молодых девушек, работающих в доме Распутина. Он рассказал следователю, как однажды он зашел к Распутину, когда его не ждали. К его удивлению, он обнаружил, что Распутин вернулся из бани весь мокрый в сопровождении нескольких женщин, также мокрых. Отец Феодор утверждал, что у него было несколько личных бесед с Распутиным, в которых тот признался в своей слабости -

ему нравилось обнимать и целовать этих дам - и в том, что он был в бане вместе с ними. Распутин опроверг это обвинение, заявив, что пошел в баню задолго до того, как туда пришли женщины, но отравился угарным газом и лежал в раздевальной комнате, откуда он ушел чуть раньше женщин мокрым из-за пара.

Ольга Лохтина, 45-летняя знатная дама из Казани, гостившая в доме Распутина, тоже была опрошена следователем. В течение пяти лет она была прикована к постели вследствие тяжелого приступа неврастения - расстройства нервов, приведшего к истощению. Доктора ничем не могли ей помочь, хотя она дважды съездила за границу в поисках исцеления. Она утверждала, что Григорий вылечил ее ужасную болезнь. Она познакомилась с Григорием тремя годами ранее, ее привлекли именно его благочестие и строго православное толкование Евангелия. Она заявила, что Григорий Ефимович учил духовной простоте и чистоте совести.

Затем следователь упоминает разговор с 29-летней вдовой Хионией Берлатской. Она рассказала, что встретила Распутина осенью 1906 года, когда находилась в ужасном состоянии из-за самоубийства ее мужа. Распутин помог ей вернуть душевный мир. Молодая женщина особенно ценила цельность духа в доме Распутина, где ежедневными были церковные песнопения и молитвы. Распутин читал Евангелие, объяснял его, рассказывал о своем опыте и о жизни во времена странствий.

И жена Григория Параскева, и его отец Ефим рассказывали следователю, что Распутин неоднократно путешествовал по монастырям и святым местам России и часто возвращался домой из путешествий с гостями. Они также заявляли, что светским играм и развлечениям уже не было места в доме.

Сам Распутин тоже был опрошен следователем и рассказал, что начал странствовать 15 лет назад и сам принимал у себя многих странников. В доме под наблюдением его жены постоянно находились две девушки, которые работали за

жилье и еду. Работники мужского пола в дом не принимались, так как сам Григорий редко бывал дома, а его домашние боялись вреда от мужчин. В доме все время слышались церковные песнопения и чтение Евангелия. По словам Григория, большую часть времени он проводил путешествуя по различным монастырям, навещая знакомых и беседуя с ними на духовные темы. Он перестал есть мясо 15 лет назад, а несколькими годами позже бросил курить и пить вино.

Следствие не предоставило никаких доказательств для обвинения в хлыстовстве, и все дело было закрыто епископом Антонием Тобольским 7 мая 1908 года.

Обвинения против себя Григорий Распутин приписал зависти, отчасти потому, что Царь Николай Александрович выделил средства на постройку новой церкви в родном селе Распутина:

Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я им оказываю помощь в постройке храма, а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порют, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить. Обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект и архиерей всячески восстает. Куда трудно любовь разобрать, как человек не был на опыте...³

Мария Распутина передает свое впечатление об отце Петре Остроумове:

...Мы [Мария и ее брат Дмитрий] ...боялись о. Петра, сельского священника, который давал нам религиозные наставления. Он был суровым человеком, который, казалось, думал, что весь смысл жизни состоит в бормотании молитв, и что у детей

нет другой причины для существования, кроме заучивания и чтения псалмов.⁴

Все следствие заняло более шести месяцев в 1907-1908 годах. Достаточно интересно, что нигде в отчете мы не находим обвинений в воровстве, пьянстве или краже лошадей, которые получили широкое распространение несколько лет спустя. Это позволяет по-новому взглянуть на показания Е.А. Картавцева, данные им чрезвычайной следственной комиссии в 1917 году и подвергнуть их сомнению.

В 1909 году октябристы - партия центра в Думе - поручили эксперту по сектам, Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, проверить, православной ли была вера Распутина. Результаты этого расследования были опубликованы в журнале *Современник* за март 1910 года. Бонч-Бруевич, близкий друг Ленина, провел семь бесед с Распутиным и сделал вывод, что последний твердо держался православных убеждений. Появились критические высказывания о несоответствии этого доклада действительности. Говорили, что это не объективно, что Распутин просто скрыл свою настоящую сущность. Если это правда, то остается вопросом, почему близкий друг Ленина, явно симпатизировавший революционным идеям, вдруг захотел опубликовать ложный положительный материал о Распутине?

Несмотря на благополучное снятие обвинений в хлыстовстве, неприятности Распутина только начинались. Стали распространяться слухи, что Распутин проповедует свою собственную доктрину "спасения через грех", открыто поощряя разврат.

В архиве Российской Федерации в Москве хранится тетрадь с высказываниями Распутина, собственноручно записанными Императрицей Александрой Феодоровной.⁶ Этот материал представляет особый интерес, так как помогает прояснить темы и характер бесед с Царской Семьей, бесед почти исключительно касавшихся брани человека о спасении души. Вот один из примеров:

Моя жизнь в дальнейший путь во Христе - рай!
О, как весел, да крест тяжел. Радостный день в
гонении, да не всяк вместит. Тяжелы скорби без
привычки. Пойми грехи свои, и крест будет всласть.
Без креста Бог далек! И сам не ищи креста, а Бог
даст, понесешь, сколько сможешь. Бог знает, что
тебе нужно, только будь осторожен.⁷

Потом он говорил о духовной прелести:

Прелесть така тонка, что о ней и слов не найдешь,
более чем паденье, искушение сейчас на виду всем,
и сам увидишь и раскаешься. Но прелесть не
увидишь, как в сору - мак, так и прелесть.⁸

В лице читать грехи - большой формы прелесть.
Душа скрыта от грешных, а читают подвижники, и
то за это впадают в грех, потому что не всегда в
любви. А знание умолкнет и пророчество укротится,
но истинная любовь - никогда. Как от любви, (то и
тока прелесть), то лицо прочтет. Да и то судить будет
Бог.⁹

Хотя Распутин не получил практически никакого
образования, его слова, записанные слушателями, часто
поражают своей ясностью и точностью:

В скуке молись, увидишь, радость восторжествует
в тебе. Очень трудно, - молись, потеря, - молись,
Бог обратит Своими судьбами потерю. Молись за
разные нападки, молись. И злоба разбирает,
помолись, - забудешь врагов, молись! Очень не
хочется молиться, молись, это более услышит Бог.
Заставишь себя, это послушанье небес, - всему
послушанье, - высота доброты. И за болезнь -
молись, - Бог покажет истину, и увидишь сам,
страданье с Богом беседа. Молись куда идешь, -
молись, враги поклонятся [перед тобою] - не пред

тобой, а пред Господом..... Молись, когда враги ищут посрамить тебя, молись. И когда радость, - молись, и когда обманывают, - молись, потому что делают опыт, молись, - опыт очень высоко стоит, молись, без опыта человек не может доброго дела, молись. Опыт глава жизни и златницы идеал. Ошибка - наука, молись, - научишься, молись, более всего ошибка научит быть христианином. Молись - ошибка пропадет. Гордость, - молись, - поправишься. Молись и для тебя Святые Тайны обновлением души и тела.¹⁰

Распутин также говорил о необходимости не смотреть на наружность и не осуждать:

Потом достиг домов священников. Что же? И у одного псаломщика два священника тоже беседуют и прочие с ними - на картах, в деньги. У них тоже в лице сиял свет азарта, но это свет не прозрачный. Но не будем судить, но по примеру их игры поступать не будем, а будем их ожидать хорошими и учиться у них, когда они в молитвах, а не у карт.¹¹

В 1910 году, рассуждая о любви, Распутин особо подчеркнул необходимость бесстрастия:

Любовь есть идеал чистоты ангельской и все мы братья и сестры во Христе, не нужно избирать, потому что ровные все мужчины и женщины и любовь должна быть ровная, бесстрастная ко всем, без прелести, и тот человек совершенно может любить, который находился вообще спасающийся без всякой прелести и ровный во спасении и без больших порывов не предавался никакими видениям бесовским, ни к сребролюбию, то эти люди могут любить не избираемые: ни молодости девы и ни старости семидесяти лет. У них одинаковая картина

мягкого прелестного сердца: должны любить одинаково не более и не менее, ту и другую, тогда истинно любители во Христе. А будем избирать лица, а не души - это бездна ада совершится на тех любителях, которые так ищут.¹²

Здесь Распутин подчеркивает необходимость чистоты. Однако, пять лет спустя, в то время, когда его постоянно обвиняли в пьянстве и разврате, его слова могут быть истолкованы как содержащие менее осторожный подход к этому вопросу. В 1915 он писал:

Любовь - большое страдание, она не может кушать, не может спать. Она смешана с грехом пополам. Все-таки лучше любить.

В любви человек ошибается, но зато страдает, и страданием искупает свои ошибки.¹³

Хотя покаяние было главным моментом ранних бесед Распутина, и не существует прямых улик для обвинения Григория в пропаганде спасения через грех, вышеприведенная цитата, быть может, показывает более терпимое отношение к человеческой немощи; отношение, которое обвинители рассматривали как признание падения самого Распутина.

V

Отец Илиодор (Сергей Труфанов)

В конце 1902 года... среди студентов (в С.-Петербургской Духовной академии) пошли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской и Тобольской губернии, объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник по имени Григорий...¹
Отец Илиодор (Сергей Труфанов)

Одним из самих ранних сторонников Григория Распутина был одаренный иеромонах - отец Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов), позже ставший его злейшим врагом. Он родился в 1881 году на хуторе Большой Мариинской станицы Донского округа. Закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, затем был священником в городе Царицыне*, где сразу сделался широко известным благодаря своим пылким проповедям и поучениям. В своих проповедях он часто говорил о развращении нравов и вреде спиритизма. Хотя поначалу подобное рвение не выходило за пределы разумного, растущая слава о.Илиодора быстро привела к самовозвеличиванию и крайностям поведения - ловушкам, о которых Архимандрит Феофан (Быстров) неоднократно предупреждал о.Илиодора во время учебы последнего в Духовной академии.² Его действия, по меньшей мере, можно назвать весьма ревностными: часто он появлялся на балах, в игорных домах, а потом упоминал посетителей поименно в воскресных проповедях.

Он также осуждал как светских правителей, так и многих церковных иерархов, чьи взгляды отличались от его собственных. К 1910-11 годам его деятельность приняла чрезвычайные масштабы: в одной из проповедей он заявлял, что Государь находится в руках жидомасонов-министров, из которых самый опасный - сам премьер-министр Петр

*позже переименованном в Сталинград, сейчас Волгоград.

Аркадьевич Столыпин (незадолго до этого отдавший приказ утихомирить отца Илиодора). Отец Илиодор заявлял, что министров (особенно Столыпина) следует драть розгами по средам и пятницам, чтобы они помнили постные дни, и чтобы выбить из них масонский дух.³

Дабы обуздать неумный пыл отца Илиодора, Святейший Синод приказал ему покинуть Царицын и переехать в Новосильский монастырь под Тулой. Отец Илиодор сначала отказался подчиниться решению Синода, но был задержан и доставлен к епископу Гермогену Саратовскому и Царицынскому, который посоветовал ему отправиться в Новосель. Однако, не прошло и трех недель, и отец Илиодор бежал и направился обратно в свой монастырь в Царицыне.⁴

Премьер-министр Столыпин отдал указ губернатору округа П.П. Стремухову отправить отца Илиодора - если необходимо, то силой - обратно. Посланные губернатором осадили Царицынский монастырь, но пришли к заключению, что отца Илиодора можно схватить только открытою силою, применив регулярные войска, так как он постоянно находился под защитой большой группы своих приверженцев. Осада была снята, и губернатор Стремухов, неспособный выполнить приказ, подал Царю прошение об отставке, в которой ему было категорически отказано. Вскоре отец Илиодор получил разрешение остаться в Царицыне. Многие авторы заключают, что это было сделано благодаря влиянию Распутина. Однако, сам отец Илиодор заявляет, что Распутин в то время был далеко в Иерусалиме.⁵

Отец Илиодор говорил, что впервые встретил Григория в Духовной академии в Санкт-Петербурге 29 декабря 1903 года в обществе архимандрита Феофана (Быстрова). В 1903 году отец Илиодор, несмотря на большое рвение, совсем не отличался крайними взглядами и обладал хорошей репутацией. Они скоро стали хорошими друзьями, и их часто видели вместе. Спустя годы, в своем необузданном рвении, отец Илиодор потерял самоконтроль и был уже не в состоянии сдерживать горячность своего языка, переезжая с места на место, чтобы избежать руки закона.

Отец Илиодор закончил печально. Чрезвычайно неустойчивый, он, в конце концов, отрекся от сана и монашеских обетов. 20 ноября 1912 года отец Илиодор написал послание в Св. Синод, и, разрезав руку бритвой, подписал его своей кровью. В послании говорилось:

Я же отрекаюсь от вашего Бога. Отрекаюсь от вашей веры. Отрекаюсь от вашей Церкви. Отрекаюсь от вас как от архиереев...⁶

Святейший Синод подтвердил лишение отца Илиодора духовного сана, но не по его просьбе, а из-за его отречения от Воскресения Христова. Иван Синицын, один из бывших соратников отца Илиодора, засвидетельствовал это словами:

Сергей Труфанов [монах Илиодор] хулил Иисуса Христа и Приснодеву Марию, говоря, что Иисус Христос не Бог, а простой человек, родившийся от простой женщины... что Иисус Христос был распят, но не воскрес...⁷

К началу 1912 года он возненавидел и Распутина, и Императрицу Александру Феодоровну, которую особенно невзлюбил за то, что она была наполовину немкой. У Труфанова появилась идея написать книгу против Распутина. Эту идею увлеченно приветствовал писатель Максим Горький, что следует из его письма своему другу, журналисту С.С. Кондурушкину, написанного в марте 1912 года:

Мне кажется, - более того, я уверен, что книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, что она может принести многим людям несомненную пользу. И я очень настаивал бы, - будучи на вашем месте, - чтобы Илиодор написал эту книгу. Устроить ее за границу я берусь.⁸

В 1914 году Труфанов написал книгу о Распутине, озаглавленную “Святой Чортъ” - отталкивающий клеветнический рассказ, намекающий на любовную связь между Григорием Распутиным и Императрицей. Его книга, опубликованная в Москве в 1917 году, полна изощреннейших выдумок от начала до конца. Например, он заявляет, что в 1909 году в один из вечеров Светлой Седмицы он отправился в Царское Село, где встретил Императрицу Александру Феодоровну в доме Анны Вырубовой. Их встречу он описывает следующим образом:

Она [Императрица] приехала... Высокая, вертлявая, с какими-то неестественно-вычурными ужимками и прыжками, совсем не гармонизировавшая с моим представлением о Русских Царицах... она поцеловала мою руку. Потом моментально села в кресло и с грубым немецким акцентом заговорила: “Вы из Петербурга приехали?” Эти слова сказаны были так неправильно, что я не понял их и вместо ответа вытаращил на Александру глаза. Произошла крайне тяжелая и неприятная пауза. Из беды выручила Вырубова. Она передала мне вопрос Царицы на чистом русском выговоре.⁹

Очевидно, что всячески стараясь выставить ее немецкое происхождение в наихудшем свете, Труфанов хочет, чтобы читатель поверил, что она была неспособна выговорить четыре простых русских слова, прожив в России пятнадцать лет! Отец Георгий Шавельский, протопресвитер армии и флота, напротив, свидетельствует: “Императрица Александра Феодоровна.... впоследствии говорила по-русски, безусловно с акцентом, но совершенно правильно”.¹⁰ Генерал Алексей Николаевич Куропаткин, главнокомандующий армиями северного фронта во время первой мировой войны, выражает то же мнение: “...через несколько лет она уже свободно говорила по-русски”.¹¹

В своей книге Труфанов говорит о письмах, которые, по его заявлению, были написаны Императрицей и ее дочерьми Распутину. Труфанов был у Григория Распутина в Покровском в конце 1909 года и утверждает, что попросил Григория дать ему несколько писем на память о своем визите. По его словам, Григорий сказал ему выбирать любые письма, какие ему понравятся, кроме письма Цесаревича, так как у него оно было только одно.¹² Оригиналы этих писем никогда не предъявлялись, и Труфанов представил только рукописные копии в доказательство.

Неизвестно было происхождение писем, полученных им; сам он заявлял, что некая женщина передала оригиналы писем Александру Макарову, министру внутренних дел, 22 марта 1912 года. Однако, Макаров утверждает, что получил эти письма от одного неустановленного человека в январе 1912 года. Потом он показал письма Владимиру Николаевичу Коковцову, министру финансов, и передал их Царю. Говорили, что Царь Николай Александрович признал подлинность почерка своей жены в одном из писем.¹³ Тем не менее, у нас нет никаких данных о том, что содержалось в этом письме. Михаил Родзянко, председатель Думы, уже в эмиграции заявил, что у него было однажды подлинное письмо Императрицы Александры Феодоровны и что *“ранее оно в извращенном виде ходило по рукам”*.¹⁴

Письмо, приписываемое Императрице, написано в том же стиле, что и письма, выдаваемые за письма Великих княжон, и стиль этот совершенно чужд их собственному, но очень схож с фальсифицированным “дневником” Анны Вырубовой, который, как известно, был сфабрикован Советами в начале 1920-х годов.

Императрица и ее дети датировали практически все без исключения свои письма, но ни одно из этих писем не имеет какой-либо даты. Труфанов заявляет, что он приобрел эти письма в 1909 году. Царская Семья впервые встретила Григория в конце 1905 года, а их встречи стали более-менее частыми только между 1906-07 годами. Это значит, что

упомянутые письма должны были быть написаны между 1907-09 годами.

В письме, написанном якобы Императрицей Александрой Феодоровной, она называет Григория Распутина *“незабвенным учителем, спасителем и наставником”* и далее: *“целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи”*.¹⁵ Даже своему мужу, которого она глубоко любила, Императрица не писала подобным образом. Тем не менее, Труфанов хочет, чтобы читатель верил, что Императрица Александра Феодоровна написала эти строки Распутину после двух или трех лет знакомства. Хотя Распутин в конце концов научился писать ломаным и неграмотным русским языком, он не овладел чтением, и письма читались ему вслух. Императрица это, конечно, знала. Анна Вырубова подтвердила это в мае 1917 года, когда на вопрос чрезвычайной следственной комиссии, переписывалась ли она с Распутиным, она ответила: “Нет, потому что он был совершенно безграмотным. Если он вообще писал, то это были только телеграммы... Я, конечно, никогда не писала ему никаких писем. Какой был смысл писать? Он не мог читать их, ему приходилось просить об этом других. Это было не особенно приятно”.¹⁶

Десятилетиями история с этими письмами использовалась для внушения того, что Императрица Александра Феодоровна и Григорий Ефимович находились в интимных отношениях. Известный своей духовной чистотой, духовник Императрицы, Архимандрит Феофан (Быстров), опроверг все эти инсинуации своим показанием чрезвычайной следственной комиссии в 1917 году:

У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни. Все отношения у нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына, Наследника Цесаревича, в

то время как современная научная медицина была бессильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Феодоровне...¹⁷

Письма, которые Труфанов выдает за послания Царских дочерей к Распутину, тоже написаны совершенно не соответственно стилю их собственных писем, содержащихся в Российских Государственных Архивах. Труфанов утверждает, что Царская дочь Ольга написала следующие строки: "Тяжело без тебя: не к кому обратиться с горем, а горя-то, горя сколько! Вот моя мука. Николай меня с ума сводит. Как только пойду в собор, в Софию, и увижу его, то готова на стенку влезть, все тело трясется... Люблю его... Так бы и бросилась на него. Ты мне советовал поосторожней поступать. - Но как же поосторожней, когда я сама с собою не могу совладать..."¹⁸ Ольге было 12 лет в то время, когда, как полагают, было написано это письмо.

Девятилетней Марии приписываются следующие слова: "Как скучно без тебя. Не поверишь ли, почти каждую ночь вижу тебя во сне. Утром, как только просыпаюсь, то я беру из-под подушки Евангелие, тобою мне данное, и целую его... Тогда я чувствую, что как будто тебя я целую..."¹⁹

Императрица проверяла все, что ее дочери писали Распутину. Поскольку никто никогда не смог представить неоспоримых свидетельств того, что письма Труфанова подлинные, то и относиться к ним, по крайней мере в том виде, в каком их выставляет Труфанов, не следует серьезно.

Как бы то ни было, разговоры вокруг Распутина вынудили Императора повелеть Распутину уехать из столицы и вернуться в Покровское. В дневнике Государя есть запись о последней встрече Распутина с Царской Семьей перед его отъездом 11 февраля 1912 года:

В 4 часа приехал Григорий, кот. мы приняли в моем новом кабинете вместе со всеми детьми. Большое утешение было увидеть его и послушать его беседу.

Никаких признаков Царского недовольства. Тем не менее, пройдет девять месяцев до того, как Распутин сможет вернуться в Санкт-Петербург.

Теперь перейдем к одному из наиболее скандальных заявлений в книге Труфанова: предполагаемому соращению молодой женщины Ксении Распутиным. Эта история распространялась Труфановым и его сообщниками и сразу же была принята многими на веру. Соращение преподносится как факт практически в каждой биографии Григория Ефимовича и рассматривается как наиболее веское обвинение против него. Хотя большинство книг, в которых упоминается эта история, называет Ксению послушницей, жившей в монастыре, ее собственные показания доказывают, что она была просто мирянка, посещавшая монастырь отца Илиодора.

Труфанов утверждает, что Ксения в марте 1911 года пришла к нему на исповедь. В своей исповеди - по словам Труфанова (который как священник был обязан хранить тайну исповеди) - она сказала, что Распутин соблазнил ее, и что Ксения тогда спросила Распутина:

- Брат Григорий! То, что вы со мной делаете, и батюшка мой Илиодор знает?

- Знает, знает! - отвечал Григорий.

- И владыка Гермоген об этом знает? - продолжала Ксения.

- Ну, а то как-же, знает, все знает. Не смущайся!

- И Царь-Батюшка и Царица-Матушка об этом знают?

- Фу, да они-то больше всех знают; я и с ними то же делаю, что и с тобою, пойми это, голубушка! ²⁰

На самом деле, этот рассказ о совращении был выдуман женщиной по имени Хиония (Фиония) Гусева, одной из учениц Труфанова, которая чуть не убила Григория Распутина 29 июня 1914 года. Она заявила, что он совратил послушницу Ксению в Царицынском женском монастыре и занимается тем же в Царском Дворце.²¹ Психическая неустойчивость Гусевой подтверждается многими документами, во время дачи своих показаний она страдала прогрессирующей болезнью сифилиса.

Официальное донесение было сделано позже самой Ксенией. По просьбе епископа Гермогена она отправилась в Тобольск, чтобы дать показания местным властям относительно обвинений. В документах она значится как Ксения Васильевна Гончаренкова, сорокалетняя, грамотная, православно воспитанная женщина из крестьянской семьи. Вот ее показания следователю:

Я жила в г. Царицыне в течение 18 лет. Я была в числе поклонниц бывшего иеромонаха Илиодора и ревностно посещала совершаемые им богослужения вплоть до ссылки его во Флорищеву пустынь. Григория Распутина-Нового я увидела в первый раз во время приезда его с владыкой Гермогеном из Саратова к нам в Царицын, это было в день Ангела Илиодора - 19 ноября 1909 или 1910 года, не помню. Владыка пробыл в Царицыне несколько дней и уехал обратно в Саратов. Распутин пробыл после этого еще несколько дней и затем вместе с Илиодором уехал в село Покровское Тюменского уезда. Вернулись они назад в Царицын вместе 21 декабря. Распутин прогостил у Илиодора, все время жил у Илиодора, до 1 января, и уехал. За все время пребывания своего Распутин пользовался общим почетом, так как Илиодор, имевший огромный круг почитателей, постоянно посещал дома в Царицыне, всем рекомендовал Распутина как благочестивого человека.

Один раз Илиодор после вечерни обратился к молящимся с речью, в которой указал, что о Распутине ходят разные плохие слухи, но что все это клевета злых людей. Все видели, что отношения Распутина и Илиодора самые дружеские.

Затем Распутин приехал в Царицын в июле месяце 1911 года, меня тогда в Царицыне не было. Отношения между Распутиным и Илиодором и тогда были самые отличные, причем Распутин дал Илиодору три тысячи рублей на организацию паломничества по реке Волге. Об этом знаю от многих паломников, а также от самого Илиодора.

Паломничество это состоялось. Мне известно, что и после этого Илиодор до своего падения беспрерывно находился в самых хороших отношениях с Распутиным и состоял с ним в переписке. 9 января 1912 года Илиодор был вызван в Петербург телеграммой владыки Гермогена... 9 января Илиодор простился со своими почитателями, собравшимися в огромном числе...

До своего отъезда Илиодор также никаких речей о Распутине не произносил. Я сама никогда не слышала, чтобы Илиодор называл Распутина лжепророком и призывал народ поступать с ним, ревнуя примеру пророка Илии. Никто из моих знакомых также не говорил мне об этом. После отъезда Илиодора в Петроград, - он больше в Царицын не возвращался.

На предъявленной мне фотографической карточке я узнала одну из поклонниц Илиодора - Хионию Гусеву. Я ее знала, но никаких разговоров и дел с нею не имела. В последнее время, в 1912 году, она производила впечатление ненормальной, сумасшедшей, говорила бессвязные речи.

В каких отношениях она находилась с Распутиным, мне неизвестно даже по слухам. Как отчество и фамилия одной из почитательниц

Илиодора по имени Елена, которая посещала его в хуторе Большом и занималась изготовлением искусственных цветов - не знаю. Я помню только два указанных мною посещения Распутиным Илиодора в г. Царицыне. Илиодор с Распутиным посещали очень многих жителей города Царицына.

Пелагеи Кузьминой Заворотковой и Натальи Емельяновой Толмачевой, жив. по Балтийской улице в 3-й части, - я по фамилии не узнаю. Что послужило причиной разрыва между Распутиным и Илиодором - я не знаю. Считал ли Илиодор Распутина виновником своего падения - мне неизвестно. Больше показать ничего не могу.²²

Прочитано. Ксения Гончаренкова (ноябрь 1914 г.).

Итак, из показаний Ксении Гончаренковой ясно, что она только дважды видела Григория Распутина... и то на расстоянии. Она даже не была с ним знакома. Эти клеветнические рассказы умышленно распространялись и журналистом из "Петербургского курьера" Вениамином Борисовичем Дувидсоном. Мария Распутина дает исчерпывающее описание этого человека в своей книге "Мой отец". Дувидсон, любой ценой пытавшийся сделать свою карьеру, всячески добивался свидания с Марией, чтобы таким образом подобраться к самому Григорию Ефимовичу. Он был в Покровском, когда Гусева совершила покушение на Григория Ефимовича и написал клеветнический рассказ о Ксении, заявляя: "Обстоятельство это подтверждается не одной Гусевой, но и другими лицами, а также, говорят, и самой монахиней".²³ В 1917 году на допросе в чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывший директор департамента полиции С.П. Белецкий показал, что Дувидсон²⁴ получал от него взятки за публикации статей о Распутине.

Чтобы не попасть в тюрьму за клевету, в начале 1916 года Труфанов бежал в Норвегию, переодевшись в женское платье.

Следует отметить, что в этом ему помог писатель Максим Горький, на чьей даче тот прятался.

Вернувшись в Россию из Норвегии после революции, он, надеясь заинтересовать большевиков, чтобы те провозгласили его - по его желанию - "русским папою", пытался примирить марксизм и христианство, создавая свою собственную религию, которую он назвал церковью "солнца и разума". Иван Синицын, его бывший помощник, констатирует:

Труфанов [монах Илиодор] создает другую религию, отринув из православия все лишнее, как браки, таинства; что Богом предопределено, что явится он, Илиодор, который создаст новую религию и что благодаря этой новой религии совершенно изменится вся жизнь людей и все государственные законы.²⁵

Имеется, правда, один случай, по которому можно предположить, что годы добровольного изгнания могли изменить эксцентричный характер Труфанова. Он, называвший себя и сам теперь мирским именем - Сергей Труфанов, эмигрировал в Америку в 1921 году, когда его амбиции не принесли никакого плода. В письме из Америки архиепископу Феофану (Быстрову) Полтавскому (находившемуся в эмиграции во Франции), он писал: "Я сознаю мои непростительные грехи перед Святою Церковью и лично перед Вами и прошу, умоляю Ваше Высокопреосвященство помолиться обо мне, погибающем, чтобы принести Господу сокрушенное покаяние и избавиться от обольщения, в каком я находился!"²⁶

Неизвестно, насколько искренно содержание этого письма, известно только, что Труфанов стал баптистом и работал уборщиком в последние годы жизни в страховой компании "Метрополитэн Лайф" в Нью-Йорке. Он умер от сердечного приступа в 1952 году в возрасте 71 года, оставив жену и семерых детей.

VI Пламя войны

Когда у нас все пошло от плохого к худшему, было бы так просто для моего брата подписать сепаратный мир. Кайзер был бы только рад, если бы на восточном фронте все бы так закончилось. Но верность Ники Британии и Франции не поколебалась ни на мгновение. Когда Германцы, в надежде начать переговоры, предложили ему неожиданно выгодные условия, Ники даже не обсуждал их со своим командованием. Долг чести требовал от него лишь одного - послать немедленный отказ. Если бы он принял условия Кайзера, он, возможно, сохранил бы Трон и свою жизнь, и, возможно, сама Империя избежала бы ужасов революции.¹

*Великая княгиня Ольга Александровна,
сестра Царя Николая II*

Первая мировая война застала Царскую Россию в состоянии проведения экономических реформ. Были предприняты шаги к индустриализации и многообещающие аграрные реформы. Согласно мнению историков, еще несколько лет внутреннего мира преобразили бы Россию в самую передовую промышленную державу в мире.

Когда разразилась война, Григорий Распутин восстанавливал силы после неудавшегося покушения на его жизнь: днем 16 июня 1914 года Хиония Гусева нанесла Распутину в его родном селе Покровское удар кинжалом. Начальник полиции Скатов послал следующую телеграмму в Санкт-Петербург:

Петербург, департамент полиции.

Три часа дня 29 июня Покровском Григорию Ефимовичу Распутину Новому, вернувшемуся

Петербурга вечером накануне, улице, около его дома, куда он вышел послать телеграмму, нанесена рана живот кинжалом сызранской мещанкой Хионией Кузьминой Гусевой, 33 лет, проживающей Царицыне... Гусева задержана, преступлении созналась, заявив, приехала Покровское убить Распутина Нового религиозным побуждением, участников не было, Гусева их тоже отрицает, проверка подозрительных Покровском более нет, здесь оказался петербургский корреспондент газеты "Курьер" крещеный еврей мещанин Липовцев Киевской (губернии) Вениамин Борисович Дувидсон... без паспорта удостоверения метрикой причта церкви Вилинского Воспитательного дома крещение телеграммы курьера запросил Петербургское сыскное отделение личности Дувидсона. Пострадавшему сделана операция, Наблюдает врач, рана порядочная, положение пока неопределенное. Исправник СКАТОВ.²

Всего через несколько дней после покушения на жизнь Распутина в Покровское было послано анонимное письмо:

С. Покровское, Тобольской губернии, Тюменского уезда Григорию Ефимовичу Распутину. Я вышел победителем из этой борьбы, и не ты, Григорий! Твой гипноз рассеялся как дым перед лицом солнца. Говорю тебе, что ты умрешь, несмотря ни на что! Я - твой мститель! Узник.³

Григорий продиктовал следующий доклад для полиции Тюмени:

Я предъявляю Вам, г. следователь, полученное на мое имя в с. Покровском письмо: "Я вышел победителем из этой борьбы" и пересланное мне по почте из с. Покровского в г. Тюмень. Это письмо,

как я думаю, написал сам Илиодор, почерк которого я немного знаю, да и содержание письма, его отдельные фразы принадлежат Илиодору. Подпись его на этом письме "Узник" сделана в подражание Христу. Письмо отправлено было из Петербурга, но кем именно оно было отправлено, я не знаю. Больше показать по настоящему делу я ничего не имею. Показание мне прочитано. Григорий Новых. (9 августа 1914 г.)⁴

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Императрицы, была среди тех, кто выступал против тесной связи Распутина с Царской Семьей. После покушения в письме к Царю Великая княгиня Елизавета Феодоровна писала:

1 июля 1914 г.

Дорогой мой Ники!

Мое сердце и душа так сильно болят, что я не могу удержаться, чтобы не послать тебе несколько строк. Должно быть, Ты и бедная дорогая Аликс мучаетесь и страдаете. Скажи ей, что я молюсь о ней всей силой моей души. Ты знаешь, что я терпела эти годы за Вас, из-за этой бедной души [Григория Распутина], но я всегда молилась за него, также как и за Вас, чтобы Извечный Свет разогнал тьму и спас от всех зол, а сейчас - более чем когда-либо. Со слезами из глубины души я зываю к Богу: спаси, о спаси, сжался над нами....⁵

Великая княгиня не была знакома с Распутиным. Ее негативное отношение к нему основывалось на слухах. На следующий год она открыто выступала против его присутствия в Санкт-Петербурге.

Распутин стал поправляться после покушения на его жизнь; Европа в это время приближалась к войне. Будучи

против вступления России в первую мировую войну, Распутин, еще находясь в постели, писал Царю, предсказывая будущее России:

+

милой друг есче раз скажу грозна туча нат расеей беда горя много темно и просвету нету. слес то море и меры нет а крови? что скажу? слов нету неопиcуеммый ужас. знаю все от тебя воины хотят и верная не зная что ради гибели. тяжко Божье наказанье когда уж отымет тут начало конца. ты Царь отец народа не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ вот германию победят а расіея? подумать так воистину небыло от веку горшей страдальицы вся тонет в крови велика погибель бес конца печаль.

Григорій.⁶

Николай Соколов, проводивший предварительное расследование убийства Царской Семьи, писал, что “это письмо хранилось Государем. Затем в Тобольске я возвратил его семье Распутиных”.^{*} В книге Соколова приводится фотография и самого письма, которое несомненно написано рукой Распутина. Изобилие серьезных ошибок, знаки препинания почти полностью отсутствуют. Хотя язык письма отрывистый, мысль ясна и образна. Соколов, первым опубликовавший фотографию этого письма, воздержался от комментариев. Генерал Александр Иванович Спиридович, помощник дворцового коменданта, о нем упоминает только мельком. Морис Палеолог, бывший тогда французским послом в России, обращается к письму как к свидетельству присущего Распутину “таинственного свойства прорицания”.

Страна еще не знала о том, какие опустошения война принесет России. Всероссийская декларация об объявлении войны Германии была встречена слишком оптимистичными

^{*} Оригинал письма находится сегодня в библиотеке редких книг Байнеке в Йельском Университете в США.

проявлениями патриотизма. Появление Царя и Царицы на балконе Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге сопровождалось овацией и криками “ура”. Множество людей упали на колени и пели гимн “Боже, Царя храни”. “За все двадцать лет своего царствования он [Ники] не слышал столько искренних криков “ура”, как в эти дни...”⁹ - писал зять Царя Великий князь Александр Михайлович.

Первые победы стали сменяться поражениями - главным образом из-за недостатка боеприпасов и провианта; начали искать козла отпущения. Поползли слухи о влиянии Григория Распутина на ход войны. Исследование писем Императрицы и очевидцев подтвердило обратное. В письме Царю в ноябре 1915 года Императрица пишет:

Теперь, чтоб не забыть, я должна передать тебе поручение от нашего Друга, вызванное его ночным видением. Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там засядут твердо на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся того, что они отступят. Он говорит, что теперь это самое важное и настоятельно просит тебя, чтоб ты приказал нашим наступать. Он говорит, что мы можем и должны это сделать и просил меня немедленно тебе об этом написать...¹⁰

Однако Царь не обратил никакого внимания на эту просьбу, и несколько недель спустя русские войска начали наступление на юго-западном фронте. Это предприятие потерпело неудачу.

Мощное наступление армии на юго-западном фронте под командованием генерала Алексея Брусилова было уже в полном разгаре к осени 1916 года. Именно в это время Григорий Распутин настоятельно предлагал ограничение наступательной деятельности. “Он находит, что во избежание больших потерь не следует так упорно наступать,” - писала

Государыня в августе. "Надо быть терпеливым, не форсировать события, так как в конечном счете победа будет на нашей стороне; можно бешено наступать и в 2 месяца закончить войну, но тогда придется пожертвовать тысячами жизней - а при большей терпеливости будет та же победа, зато прольется значительно меньше крови".¹¹ Царь и его генералы не обратили внимания на этот совет, и продолжали наступать, неся большие потери.

Не все предсказания Распутина относительно войны были точными, что можно увидеть из писем Царицы к Царю:

· [Распутин предсказывал освобождение Константинополя и даже назвал полк, который он хотел бы увидеть первым входящим в столицу Византии.] "Он хочет, чтобы в тот день, когда наши войска войдут в Константинополь, во главе шел один из моих полков, - не знаю почему..."¹²

[Как известно, Константинополь остался вне досягаемости русских войск.]

· Война, как он думает, "окончится через несколько месяцев".¹³

[Это предсказание было сделано в конце 1915 года.]

· Распутин предсказывал: "Придет добро - поворот уже произошел"¹⁴

[Предсказание сделано в декабре 1916 года, менее чем за две недели до его смерти.]

Можно привести и другие примеры, но и в этих уже можно увидеть хрупкость дара пророчества Распутина - особенно в конце его жизни.

В августе 1915 года, после того, как русские понесли большие потери на западном фронте, Царь решил освободить Великого князя Николая Николаевича от командования войсками и принять верховное командование на себя.

Великий князь пользовался популярностью, и не было секретом, что он стал ярким противником Распутина, хотя был женат на Великой княгине Анастасии Николаевне, которая первая, вместе с сестрой Милицей Николаевной, представила Распутина Императору и Императрице. Во время войны, когда Распутин предложил приехать и благословить войска, Николай Николаевич предположительно ответил: "Приезжай - повешу!" Произошла размолвка между сестрами черногорками и Императрицей Александрой Феодоровной, которая, как они считали, стоит вместе с Распутиным за этой отставкой. Императрица, в свою очередь, потеряла доверие к ним. В письме к Царю она писала:

Наш Друг вовремя раскрыл их карты и спас тебя тем, что убедил прогнать Н[иколая Николаевича] и принять на себя командование. Со всех сторон доходит все больше и больше про их грязную изменническую игру. М[илица] и С[тана] распространяли обо мне ужасы в Киеве, что собираются закрыть меня в монастыре.¹⁵

То, что Императрица не руководствовалась исключительно слухами, видно из письма Великого князя Николая Михайловича своему двоюродному брату, Императору Николаю, в котором он пишет об интригах, появившихся вследствие снятия Николая Николаевича с поста:

С начала войны я писал неоднократно твоей матери, чтобы предупредить ее об интригах, идущих из Киева... Теперь я скажу открыто то, что уже говорил, когда ты лично взял бразды Верховного командования: Милица на Кавказе не спит, а действует.¹⁶

Трудно найти лучшее отображение общественного настроения в России во время Первой Мировой войны, чем письма Великого князя Николая Михайловича, адресованные

Фредерику Массону, его французскому другу. Они были написаны в период с 14 июня 1914 года по 11 декабря 1918 года. Первое было написано в дворце Великого князя в Санкт-Петербурге, последнее - в камере в Петрограде. Сосланный в Вологду в марте 1918 года советской властью, Великий князь Николай Михайлович был возвращен в столицу в июле 1918 года и помещен в тюрьму. Его без суда расстреляли в ночь с 27 на 28 января 1919 года вместе с братом Великим князем Георгием Михайловичем, Великим князем Дмитрием Константиновичем и дядей Царя, Великим князем Павлом Александровичем.

Генерал от инфантерии Великий князь Николай Михайлович был приписан в начале войны к штабу командующего Юго-Западным фронтом Армии Генерала Иванова. В течение шести месяцев он был непосредственным очевидцем военных действий. Отозванный с линии фронта, он был назначен в инспекционную комиссию, что дало ему возможность поехать по всей России. Его письма написаны простым и откровенным языком.

Первые его письма весьма оптимистичны. Великий князь полон восхищения генералом Ивановым и генералом Алексеевым, но менее восхищенно отзываясь о своем кузене, Великом князе Николае Николаевиче - и это отделяет его от мнения большинства россиян. Он полон рвения послужить Царю и хвалит Императрицу Александру Феодоровну, чья работа медсестрой и "самопожертвование высоко ценятся в стране..."¹⁷ Однако, мнение Великого князя является противоположным мнению большинства аристократов, которые с пренебрежением относились к работе Императрицы. Жерард Шелли, несколько раз беседовавший с Императрицей, свидетельствует:

Неоднократно я имел честь говорить с Царицей. Княгиня Голицына много раз брала меня в госпиталь в Царском Селе, где Императрица с великой отрадой выполняла простую, но тяжкую работу сестры милосердия. Один Бог знает, сколько оскорблений

выпало на ее бедную голову за оказание этой простой помощи. Эгоистичные интриганы придворные и аристократы не могли подобрать достаточно сильных слов, чтобы выразить свои оскорбленные чувства. Как часто я слышал излияние чувств изнеженных, откормленных графов и княгинь на эту тему: "Не безнравственно ли, что эта немка Алиса позорит русских аристократов таким вульгарным образом... Она не понимает, что такое русский рабочий или крестьянин. Они должны взирать на Трон, как на что-то могущественное и славное, а Царица принижает и опускает его до их уровня. Только подумайте! Она даже смеет перевязывать раны солдатам в госпитале своими собственными руками! Она губит славу Трона!"¹⁸

Жерард Шелли продолжает:

... Любопытно отметить, что Государыня, которую обвиняют в высокомерно-пренебрежительном отношении к русским, своими будущими бедами во многом обязана искреннему желанию быть подлинно русской. Каждый раз ее обвиняли одни и те же голоса. Распутин вошел в ее жизнь, потому что она хотела единения с религиозными чувствами крестьян. Она сама, своими руками ухаживала за ранеными, так как желала разделить страдания народа в войне. Вместе с мужем она усердно прославляла исторический триумф Русской нации и укрепляла ее сознание и веру. Но во всех подобных случаях попытки Государыни были встречены океаном клеветы, ненависти и оскорблений.¹⁹

Великий князь Николай Михайлович всецело проявляет свою полную в это время преданность Царю. Первые неудачи на полях сражения с лета 1915 года вызвали только несколько замечаний с его стороны: "Критика в настоящее время не

будет хорошим тоном”, - писал он 25 мая 1915 года - очевидно, чувствуя, что ужасы от поражений будут смягчены продолжающейся патриотической поддержкой, а не открытой критикой. Его оценка назначения нескольких министров летом 1915 года была благосклонной. Выражая свое личное мнение, он даже признает, что “наиболее популярным человеком” в России в то время был его “кузен Николай”.²⁰

Однако вскоре слог и содержание переписки радикально изменяются. 1 октября 1915 года Великий князь говорит об “определенных мистических тенденциях, которые распаляют общественное мнение в России”. Именно этим влиянием, “во главе которых стоит Императрица Александра Феодоровна”, он приписывает сохранение Ивана Логгиновича Горемыкина на посту премьер-министра и “исчезновение нескольких популярных министров, которые не имели возможности ей угодить”. Тон писем Великого князя становится более ироничным. “Мадам продолжает вмешиваться в дела, которые ее не касаются,” - пишет он 18 июля 1916 года, заявляя, что Императрица была инициатором удаления С.Д. Сазонова с поста министра иностранных дел. Однако тремя днями позже он уточняет, что смена министра иностранных дел обусловлена только личными мотивами: “из-за разногласий между Государем и Сазоновым по внутриполитическим вопросам.”²¹

Однако это резкое изменение мнения длилось недолго, и в октябре 1916 года Великий князь опять берется за перо, чтобы уверить Массона, что “изменения во внутреннем управлении страной обусловлены единственно постоянным вмешательством в такие дела “просвещенной” Императрицы.”²²

Нападки Великого князя Николая Михайловича становились все более открытыми, и Царь приказал ему 13 января 1917 года покинуть столицу и в течение двух месяцев оставаться в своем имении Грушевка, на юге России. Будучи там, Великий князь дал волю чувствам. Его письма из Грушевки полны презрения к Императрице, которую он изображает в наиболее оскорбительном виде: “Гессенка”,

“Гессенская Тигрица”, “жалкая Гессенка”, “Мессалина Дармштадтская”. Оскорбления достигли наивысшей точки в статье от 7 февраля 1917 года, за три недели до революции, под названием: “Россией правит оккультная группа под прикрытием Немки”. Название говорит само за себя и не нуждается в подробном рассмотрении. Великий князь надеялся опубликовать статью “в одной из швейцарских газет... за подписью Y”. Ни в одном из его 32 писем нет никаких сведений о ее появлении в западной прессе, поэтому можно предположить, что Фредерик Массон²³ решил, что лучше не поддаваться желаниям своего друга.

Не только Великий князь стал жертвой общественного мнения о Государыне. Английский писатель Жерард Шелли свидетельствует:

...Интеллигенция желала революции любой ценой, а знать хотела поддержать престиж Трона и свое положение на хлебников. Императрице можно было приписать абсолютно все что угодно. Все зло, которому подвергалась Россия, относили на ее счет. Знать старалась обратить народный гнев, вызванный их собственной коррупцией и плохим управлением, против Императрицы, чтобы оградить Царя. Поражения в войне приписывались ей. Слух обошел всю Россию вдоль и поперек, что Царица имела в Царском Селе особую телеграфную линию с Потсдамом для связи с Кайзером. Все это было абсолютно невозможно, так как даже генералы на фронте не могли поддерживать телеграфную связь друг с другом, но миллионы поверили в этот вымысел.²⁴

Английский историк Бернард Парес добавляет:

Она тоже, со своей всенаполняющей любовью к мужу, была душой всецело русская. В ее письмах к

нему можно найти прекрасные места, выражающие ее глубокое ощущение мира того времени с его очищением через страдания, освобождением от всего маловажного, возвратом Бога и простых добродетелей в сердца людей.²⁵ Так она писала после того как приходила от постели терпеливого и благородного страдальца полковника или крестьянина, для которых она одинаково исполняла долг сестры милосердия: "Воистину, святые и герои они все".²⁶ У нее не было никаких сомнений в исходе войны, так как она верила, что Бог не позволит восторжествовать дерзости немцев. Кайзера Вильгельма она считала "ввергающим страну в разруху" и совершающим тягчайший грех.²⁷ Даже до войны "она с трудом могла сохранять простую учтивость при их личных встречах".²⁸ О жестокостях Германской войны она писала так, как писала бы простая английская женщина того времени: "От немецкого *Schadenfreude** моя кровь просто закипает"²⁹, и еще: "Нам нужно показать, что мы выше их со всей их культурой".³⁰ Именно в этих письмах можно увидеть победное и разящее опровержение клеветы, которая распространялась против нее.³¹

Одним из основных обвинителей Григория Распутина и Императрицы Александры Феодоровны в немецком шпионаже был А.Н. Хвостов, министр внутренних дел с сентября 1915 по март 1916 года. Получив свой пост без какой-либо помощи Распутина, он, однако, искал его расположения, чтобы приблизиться к Монарху и обеспечить свою карьеру. Согласно одному свидетельству, Хвостов и Белецкий, товарищ министра внутренних дел и глава полиции, предложили ему выдавать из фонда департамента полиции ежемесячно по 3 000 рублей для того, чтобы

* злорадство

Распутин проводил при Дворе тех кандидатов, которых они будут указывать на желательные для них посты в министерстве. Чрезвычайная комиссия Временного правительства установила, что Распутин согласился и первые два-три месяца принимал взятки, но затем, не предупреждая об этом Хвостова и Белецкого, стал действовать самостоятельно. Хвостов, опасаясь, что в конце концов Распутин может начать действовать против них, организовал заговор с целью убить его.

Чрезвычайная комиссия не представила ни одного свидетельства, которое подтверждало бы, что Распутин использовал эти деньги в своих интересах. Он слыл очень щедрой натурой, что подтверждает и Великая княгиня Ольга Александровна:

Распутина осаждали прошениями, он был засыпан подарками, но никогда ничего себе не оставлял. Я знаю, что он помогал бедным в Петербурге и повсюду. Но ни разу не слышала я, чтобы он просил Ники или Аликс об услуге [ему лично]. Он часто просил за других. Я уверена, что его привязанность к моему брату и его супруге была полностью лишена какого-либо корыстного интереса. Он так легко мог скопить состояние, но на смертном одре все его имущество состояло лишь из Библии, какой-то одежды и нескольких вещей, данных ему Императрицей для личных нужд. Даже мебель в его комнате на Гороховой улице в Петербурге не принадлежала ему. Он действительно получал большие суммы денег, но все раздавал. Распутин оставлял себе деньги лишь на еду и одежду для семьи в Сибири. И если, в самом конце, он стал понимать, на какую политическую силу он мог оказывать влияние, это случилось лишь потому, что безжалостные и беспринципные люди силой подтолкнули его к этому.³²

Жерард Шелли пишет, что в стране взяточников, расхитителей государственного добра и продажных чиновников Распутин заметно выделялся своей честностью:

...Даже худшие враги не могли обвинить его во взяточничестве, хотя он был осаждаем людьми со сверкающими подношениями в руках. Он жил простой, бедной жизнью...³³

Несмотря на сомнительную репутацию Белецкого, у нас нет причин сомневаться в том, что, по его словам, совесть отвратила его от запланированного Хвостовым убийства. Белецкий сознательно старался оттягивать все дело, убедив Хвостова в том, что он организует убийство сам; но Хвостов, боясь, что Белецкий теряет много времени, сам поручил мелкому журналисту Ржевскому встретиться с Труфановым, который после неудачного покушения на Распутина бежал в Норвегию. Хвостов хотел, чтобы Труфанов задействовал своих почитателей, живущих в России, для организации еще одного покушения.

Белецкий заявляет, что был предупрежден об этом и арестовал Ржевского прямо на границе в феврале 1916 года, когда тот инкогнито возвращался в Россию. Испуганный Ржевский рассказал Белецкому обо всех планах. При обыске квартиры Ржевского было найдено письмо, в котором он сообщал Хвостову о своих тайных делах с Труфановым. Это была серьезная улика против министра внутренних дел. Стремясь оправдать себя, Хвостов обвинил Белецкого в запланированном убийстве Распутина. Он пытался выслать Белецкого из Санкт-Петербурга назначением его на пост генерал-губернатора Иркутска. Белецкий предпринял немедленные меры, чтобы оправдать себя. В резиденции митрополита Питирима Санкт-Петербургского он встречался с Григорием Ефимовичем Распутиным и Борисом Владимировичем Штюмером, премьер-министром с января по ноябрь 1916 года, и сообщил им все факты этого дела. Он также предпринял дополнительные меры, посвятив во все детали Анну Вырубову - ближайшую подругу Императрицы.

18 февраля 1916 года Царь вернулся из Генерального Штаба и приказал Штюрмеру расследовать это дело. 3 марта 1916 года Хвостов был снят с поста министра внутренних дел.³⁴

За неделю до своего смещения Хвостов принимал у себя президента Ассоциации редакторов Санкт-Петербургских газет И. В. Гессена и вице-президента М.А. Суворина. Они были удивлены резким заявлением Хвостова по поводу Распутина:

Сначала я не обращал внимания на его поведение, но позднее я убедился, что он принадлежал к международной шпионской организации и был окружен людьми, за которыми мы сами следили. Они всякий раз поджидали его у двери, когда он возвращался из Царского Села, и выспрашивали его самым подробным образом. Я подумал, что это мой долг - доложить обо всем Императору. Уже на следующий день Гришка был осведомлен об этом и теперь делает все возможное, чтобы заручиться поддержкой агентов Охраны, охраняющих его, и избавиться от меня...³⁵

Сразу после интервью с Гессеном и Сувориным, Хвостов принимал генерала Спиридовича и сделал ему подобное же заявление, после чего Спиридович посоветовал ему сообщить эту информацию в военное отделение контрразведки Генерального Штаба. Явно смутившись, Хвостов поспешил закончить эту беседу. Однако генерал Спиридович сообщил своему непосредственному начальнику, коменданту Императорского Дворца генералу Владимиру Воейкову об этих обвинениях. Генерал Воейков попросил Хвостова сообщить ему информацию, которой он располагал, относительно этого случая и отчитаться о мерах, принятых им для борьбы со шпионажем. "Министр ответил, что абсолютно ничего не знал об этом деле, и что генерал Спиридович или не понял его, или неверно выражал свои мысли".³⁶

Позже Хвостов, как бывший министр внутренних дел, был одним из первых свидетелей, опрошенных чрезвычайной комиссией Временного правительства. Во время допроса в марте 1917 года он три раза повторил, что не смог добыть никаких доказательств, что люди, окружавшие Распутина, были фактически вовлечены в шпионаж. "Может быть, они и шпионили, но у меня не было возможности поймать их. Но хотя я и не смог доказать, что он [Распутин] был виновен в шпионаже, мне кажется вполне логичным, если бы он был шпионом. Не сознательный шпион, а инструмент для шпионажа."³⁷

Где та уверенность, с которой Хвостов бесстрашно выставлял дело свое всего лишь год назад двум журналистам и генералу Спиридовичу?

Позднее Хвостов сам был казнен, когда большевики пришли к власти.

Другим гонителем Распутина был князь Феликс Юсупов, женившийся на племяннице Царя, Ирине Александровне, и приобретший печальную известность организатора убийства Распутина. Юсупов заявлял, что застал каких-то "шпионов" на квартире Распутина на ул. Гороховой:

Из передней до меня донеслись голоса вошедших. По-видимому, их было несколько человек; они вошли в столовую. Я приблизился к дверям кабинета, которые выходили в переднюю, и начал прислушиваться. Разговор велся вполголоса, и разобрать его было очень трудно. Тогда я осторожно приоткрыл двери и в образовавшуюся таким образом щель через переднюю и открытые двери столовой увидел Распутина, сидящего за столом на том месте, где он только что беседовал со мной. Совсем близко к нему сидели пять человек; двое других стояли за его стулом. Некоторые из них что-то быстро заносили в свои записные книжки.

Лица у всех были неприятные. У четырех был, несомненно, ярко выраженный еврейский тип; трое других, до странности похожие между собою, были белобрысы, с красными лицами, маленькими глазами. Распутин среди них совсем преобразился. Небрежно развалившись, он сидел с важным видом и что-то им рассказывал. Вся группа эта производила впечатление собрания каких-то заговорщиков, которые что-то записывали, шепотом совещались, читали какие-то бумаги. Иногда они смеялись. У меня мелькнула мысль: не “зелененькие” ли это, о которых мне рассказывал Распутин?

После всего того, что я от него слышал, у меня не было сомнений, что передо мною было сборище шпионов.³⁸

Русский историк Сергей Мельгунов говорит об этом отрывке из мемуаров Юсупова следующее: “Нужно быть исключительно наивным, чтобы поверить в этот рассказ. Не принял ли Юсупов группу журналистов за немецких шпионов? Возможно ли, что шпионы проявили такое остроумие, что открыто записывали в свои блокноты... секретную информацию, тем более в квартире, которая находилась под непосредственным наблюдением Охраны?..”³⁹

Комментируя рассказ Юсупова, генерал Спиридович замечает:

Еврейская внешность посетителей Григория Распутина, их записные книжки и его безразличие к тому, что они в них записывали: вот доказательства, позволившие Юсупову утверждать, что Распутин был шпион. Это несерьезно!

Затем он переходит к довольно уместному вопросу:

Что сделал князь Юсупов... когда судьба столкнула его в военное время с семьей немецкими шпионами,

которые были схвачены “за руку” во время акта шпионажа? Он был рад - по собственным словам Юсупова - дожидаться, когда Распутин зашел за ним в офис, и, быстро попрощавшись, уйти... Принимая во внимание тот факт, что патриотические чувства князя были столь сильны, что он решился пойти на убийство, мы не можем поверить, что эти самые чувства не вынудили его арестовать семь вышеупомянутых немецких шпионов, если он искренно верил, что столкнулся со шпионами. Видя, что он так не сделал, мы думаем, что обвинение Юсуповым Распутина в шпионаже не основательно.⁴⁰

С течением времени с историей Юсупова случились любопытные метаморфозы. Позже в своем интервью французу Ричарду Коуну, автору книги о “русской” революции, он сказал:

- Часто говорилось, что Распутин был немецким агентом. Вы в это верите?

- Я в этом более чем убежден, - ответил Юсупов, - потому, что он сам говорил мне это. Вот его собственные слова, которые я повторяю... Ему платили немцы. Он был вражий агент, и он даже представил меня наиболее важным шпионам.⁴¹

На допросе чрезвычайной комиссии в сентябре 1917 года Михаил Родзянко, председатель Думы, заявил, что “Распутин явно принимал приказы из Берлина”. Президент комиссии сразу же попросил Родзянко изложить все детали: “Я прошу Вас немедленно сообщить все факты, даже мельчайшие, для подтверждения Вашей уверенности о берлинском влиянии на Распутина.” “Фактов у меня нет,” - ответил Родзянко. - “Но об этом вопросе ходила определенная молва. Несколько частных лиц даже приходили ко мне с заявлением, что они знали о значительных суммах денег, которые передавались Распутину через шведскую делегацию”.⁴²

Дворцовый комендант Воейков писал о Родзянко следующее:

Мне лично пришлось беседовать с М. В. Родзянко по следующему поводу: после моего назначения Дворцовым комендантом он однажды вызвал меня по телефону, прося разрешения заехать ко мне в Царское Село переговорить по спешному делу. В этот день я должен был ехать в Петроград и потому сказал, что заеду к нему сам в течение вечера.

Мы с ним просидели вдвоем в его кабинете часа два-три, причем пришлось выслушать лекцию о вреде Распутина и указание, как поступать: оказалось, что я должен выгнать Распутина из Дворца и запретить Государю и Государыне с ним встречаться.

На мою просьбу помочь мне советом в выполнении его указания, он от прямого ответа, конечно, уклонился. В общем, от разговора с М. В. Родзянко у меня осталось впечатление, что сам Распутин его несколько не беспокоит, но что он пользуется его именем, чтобы производить как можно больше шума и скандала вокруг Царя и Царицы.

Незадолго перед тем мне рассказывал знакомый, встретивший еще в 1912 году на германском курорте М. В. Родзянко с женой, что они оба изощрялись среди мало знакомых им соотечественников в осуждении Государя и всех, его окружавших.⁴³

Генерал Джунковский, бывший товарищ министра внутренних дел, питал сильную неприязнь к Распутину, но когда Председатель комиссии спросил его, имеет ли он какие-нибудь веские доказательства того, что Распутин был вовлечен в шпионаж, генерал ответил: "Нет, у меня нет таких доказательств."⁴⁴

Ни в одной из картотек России нет никаких свидетельств о Распутине, доказывающих его участие в шпионаже для Германии. Что касается немецких архивов, то в 1945 году архивы германского министерства иностранных дел, хранившие информацию за период с 1867 по 1945 год, были конфискованы британскими и американскими войсками и переправлены в Великобританию, где они кропотливо и методически изучались английскими, американскими и французскими историками. В архивах содержатся документы о попытках заключения сепаратного мира между Россией и Германией во время Первой мировой войны. Также там находятся документы, освещающие отношения Императорского правительства Германии с "русскими" революционерами в период Первой Мировой войны и первых шестнадцати месяцев после революции.

Удивительно, насколько недалёковидным в большинстве случаев было представление немецкой разведки о России. Подтверждение тому можно найти практически в каждой телеграмме, докладной записке, письме и дипломатической депеше. "Положение России не совсем ясно," - явно преувеличивая знание ситуации заявил канцлер Бетманн-Холвег на заседании Совета Министров Пруссии 19 августа 1916 года.⁴⁵ Его замешательство по поводу назначения Бориса Владимировича Штюрмера министром иностранных дел 7-го июля 1916 года вместо С.Д. Сазонова было так велико, что он даже спросил датского министра иностранных дел Скавениуса, что тот думает об этом назначении.⁴⁶ Штюрмер находился в хороших отношениях с Распутиным, и последний поддерживал его. Такое смущение со стороны немецкого канцлера было бы непонятным, если бы немцы действительно имели контакт с Распутиным.

Такая же неосведомленность немецкой стороны обнаружилась при назначении Александра Дмитриевича Протопопова - человека явно расположенного к Распутину - на пост министра внутренних дел 16-го сентября 1916 года. В октябре 1916 года канцлер Бетманн-Холвег писал Кайзеру Вильгельму II относительно Протопопова:

Я еще не в состоянии оценить всю важность назначения Протопопова. Удивительно, что октябрист стал членом кабинета министров. Но заключить, что левые хотят понемногу отдалиться от Англии, было бы преждевременно.⁴⁷

В августе 1916 года Кайзер Вильгельм II повелел барону Фон Грунау (немецкий дипломат, приписанный к Генеральному Штабу в Aix-la-Chapelle) написать канцлеру Бетманн-Холвегу, что если военные действия вдруг обратятся в пользу Германии, то следует быть готовыми захватить психологическую инициативу, чтобы добиться мирного договора с Россией:

Для этой задачи более всего подходят евреи. Нам определенно нужно найти среди них человека с нужными навыками и имеющего необходимые связи, чтобы находиться в центре событий и передавать информацию Берлину, когда бы она ни потребовалась. Не нужно мелочиться, если представится возможность добиться сотрудничества подходящего лица в Петербурге, склонного к миру.⁴⁸

Канцлер Бетманн-Холвег отвечал Кайзеру:

Что касается действий в России, как было приказано Вашим Величеством, то осмелюсь доложить, что политика использовать неофициальных лиц, евреев и т.д., как Ваше Величество и рекомендовали, проводилась нами со всей тщательностью. К сожалению, человек, подававший в этом отношении надежды, хорошо известный господин Рубинштейн из Петербурга, был посажен в тюрьму после недавнего ареста евреев.⁴⁹

Дмитрий Львович Рубинштейн - финансист и коммерсант, администратор нескольких обществ и директор Частного Коммерческого Банка в Петербурге. Он успешно руководил денежными делами Великого князя Андрея Владимировича, двоюродного брата Царя Николая II⁵⁰ и жертвовал значительные суммы на благотворительность.⁵¹ Он был знаком с Распутиным с 1914 года и часто помогал последнему, оплачивая его счета за квартиру в столице.*

Штюрмер, Протопопов и Рубинштейн - три человека, чьи имена были известны немецкой разведке, и которые напрямую были связаны с Распутиным. Но все же имя Распутина не упоминается в архивах немецкого министерства иностранных дел, не существует также никаких доказательств, подтверждающих связи Распутина с каким-либо иностранным правительством во время войны.

Распутин был против вступления России в войну, но когда она началась, он оставался преданным своей стране и пытался давать Царю советы, как избежать больших человеческих жертв. Хотя клевета, направленная на Распутина за его вмешательства во время войны, является несправедливой, многие люди верили ей, и, таким образом, подливалось масло в огонь общего настроения против него.

*Летом 1916 года Рубинштейн был арестован по приказу Комиссии по неоплаченным займам под председательством генерала Николая Степановича Батюшина. По словам министра внутренних дел Протопопова, Рубинштейн принимал участие в мошеннической операции по переводу во Францию через нейтральные страны подложных русских ценных бумаг, пущенных до войны на французском рынке, но принадлежавших немцам. Он был арестован по подозрению в государственной измене: в сотрудничестве с германскими и австрийскими банками. Но поскольку доказать факты изменнической деятельности Рубинштейна не удалось, он был выпущен на свободу.⁵²

Григорий Ефимович Распутин со своими детьми
(Марией, Варварой и Дмитрием).

Дом Распутина в селе Покровском.

Сестры-“Черногорки”. Великие княгини Милица и Анастасия (Стана) Николаевны.

Анна Александровна Вырубова.

Дом Анны Александровны Вырубовой в Царском Селе,
где встречались Государь и Государыня с
Григорием Ефимовичем Распутиным.

Григорий Ефимович Распутин,
епископ Саратовский Гермоген (Долганов),
иеромонах Илиодор (Труфанов).

1909 год.

Старец Макарий Верхотурский, святитель Феофан (Быстров),
Григорий Ефимович Распутин.

Санкт-Петербург. Улица Гороховая, дом 64, квартира 20,
в которой жил Г.Е.Распутин.

Квартира Г.Е.Распутина на
улице Гороховой. На третьем
этаже, под балконом.

Дверь двадцатой квартиры
(совр. вид).

С.В.Труфанов (бывший
иеромонах Илиодор) со
своей женой
Н.А.Перфильевой.

Отец Илиодор (С.В.Труфанов) в
Царицыне.

Резолюция Григория
Ефимовича на записке
О.В.Лахтиной, в которой
последняя призывала
его к примирению с
С.В.Труфановым.

ежеки собан
урашань сериу
мржечнова
мо онх собан
багсез

Хиония (Феония) Гусева, покушавшаяся на жизнь Г.Е.Распутина. Снимок сделан, когда Гусевой было 16 лет.

Она же после покушения на жизнь Г.Е.Распутина.

Ярославское Синодальное подворье в Санкт-Петербурге, где состоялась известная встреча епископа Саратовского Гермогена и иеромонаха Илиодора с Г.Е.Распутиным. Николаевская (Лейтенанта Шмидта) набережная, 39.

Ресторан и
ночной клуб
"Villa Rode" в
Санкт-
Петербурге.

Ресторан "Яр"
в Москве.

Александр Дмитриевич
Протопопов,
министр Внутренних дел.

Борис Владимирович
Штюмер,
премьер-министр.

Степан Петрович Белецкий,
директор Департамента полиции.

Митрополит Петроградский Питирим (Окнов).

23. Епископ Тобольский Варнава (Накропин).

Князь Феликс Феликсович Юсупов со своей женой,
Княгиней Ириной Александровной Романовой.

Юсуповский дворец в Санкт-Петербурге.

Подвальная комната в Юсуповском дворце в
Санкт-Петербурге,
где Г.Е.Распутин был отравлен и застрелен.

Петровский мост на Малой Невке,
где был найден труп Г.Е.Распутина.

VII

Последние годы Самодержавия

Монархию легко можно "развенчать". Но расставьте правильно акценты, всмотритесь в лица развенчивающих. Это люди, чья связь с Эдемом была утрачена: кого и отглас многообразия звука и танца не достигает - люди, для которых кирпичи, уложенные в ряд, приятнее, чем сложенная арка. Даже если они желают только равенства, они не могут его достичь. Где запрещено воздать честь Царю, они воздают ее миллионерам, атлетам или звездам кино, даже известным проституткам или гангстерам. Ибо духовная природа, как и природа плоти, не терпит пустоты - откажи ей в пище, и она поглотит яд.¹

Клайв Стейплз Льюис

Из-за близости к Трону Григория Распутина обвиняли в чрезмерном вмешательстве во внутренние дела страны в десятилетие, предшествующее революции. Хотя в этих обвинениях и есть некоторая правда, большинство из них были намеренно преувеличены в попытке дискредитировать Самодержавие. В действительности известен только один случай, когда Царь Николай Александрович спрашивал совета Распутина о политических назначениях. В 1911 году Император спрашивал мнение Распутина об Александре Николаевиче Хвостове, тогда молодом правителе Нижнего Новгорода, как о потенциальном кандидате на пост министра внутренних дел. Хвостова рекомендовал Царю премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин.² Хотя Распутин был принят Хвостовым без особого почтения, он все же в разговоре с Царем отзывался о Хвостове положительно.³ После убийства Столыпина в Киеве в сентябре 1911 года Государь сообщил графу Коковцову, преемнику Столыпина, что он желает назначить Хвостова. Коковцов постарался

отговорить Царя от этого назначения, предупредив, что Хвостов отличается крайними политическими взглядами, что может сказаться на доверии людей к нему. Царь внял совету Коковцова и назначил на пост министра внутренних дел юриста Александра Александровича Макарова.*

С середины 1915-го до конца 1916-го года многие из писем Императрицы к супругу содержали советы по поводу ведения войны и определенных политических назначений. Во многом эти советы состояли из открыто передаваемой Императрицей точки зрения Григория Ефимовича. Сопоставление содержания писем Императрицы и последующих действий Царя показывает, что тот факт, что Распутин давал советы, совсем не значит, что Государь следовал им. Анна Вырубова свидетельствует о попытке Распутина предупредить Царя о безумии вступления в Первую мировую войну:

...она [Императрица] и спорила, и умоляла против войны, наступление которой Государь, по-видимому, считал неизбежным... В это время пришла телеграмма из Сибири от Распутина**, которая просто рассердила Государя. Распутин был сильно настроен против войны и предсказывал, что она приведет к гибели Империи, но Государь отказался в это поверить и негодовал на такое в самом деле почти беспрецедентное вмешательство в государственные дела со стороны Распутина.⁴

1915 год стал решающим для Царской России. Война свирепствовала, а недостаток вооружения и боеприпасов принял размеры настоящей катастрофы в начале крупной германской атаки весной 1915 года.

* А.Н. Хвостов все-таки был назначен министром внутренних дел в сентябре 1915 года, но карьера его была весьма изменчивой. (см. главу 6)

** Не путать с письмом, которое он послал Царю как раз перед началом войны, когда поправлялся после покушения на его жизнь. (см. стр. 78)

В отсутствие Царя в столице, он просил, чтобы Императрица ежедневно информировала его о развитии политических событий в Петрограде:

Ты должна быть моими глазами и ушами, пока я вынужден здесь находиться... В твои обязанности входит сохранение мира и единства среди министров. Выполняя эти обязанности, ты окажешь неоценимую услугу нашей стране.⁵

Одной из трудностей Царя во время войны являлся поиск подходящих кандидатур на высокие посты в правительстве. Хотя обвинители Распутина считают, что он устранял полезных людей, которые могли посоветовать Царю хорошее, узнать таких людей было не всегда просто. Баронесса Буксгевден пишет:

В желании найти людей, учитывая интриги, Императрица сообщала Государю имена всех людей, упомянутых министрами, и тех, о ком хорошо отзывались в связи с ее благотворительной деятельностью. В разговоре со мной она однажды сказала, что одним из тяжелых испытаний в их положении было то, что среди окружающих их людей, постоянно плетущих интриги друг против друга, было очень трудно узнать, кто на самом деле дает совет искренно... Она искала наощупь, не имея возможности проверить полученную информацию, так как лично не знала этих людей, а имела лишь беглое знакомство с ними.⁶

Многие правительственные чиновники, пользовавшиеся личной поддержкой Царя, вскоре после назначения оказались "под огнем" из-за своих консервативных взглядов и предполагаемых связей с Распутиным. Иван Логгинович Горемыкин был убежденным, верным монархистом, и не прошло много времени после его назначения на пост

премьер-министра*, как Дума стала говорить о его отставке. Хотя он пользовался поддержкой Царя, Николай Александрович видел необходимость найти более молодого премьер-министра, который смог бы работать с Думой. Распутин уважительно относился к Горемыкину и его жене, и он делал все, что мог, чтобы оградить его от отставки. Хотя Императрица допускала необходимость такой замены, Распутин смотрел на это по-другому: "Он не допускает и мысли, чтоб старика** уволили; он все мучился и раздумывал об этом без конца. Он говорит, что старик так премудр..."⁷ Все же два месяца спустя увольнение Горемыкина стало *fait accompli****

Преемник Горемыкина Борис Владимирович Штюрмер**** также подпал под осуждение в Думе из-за связи с Распутиным. Василий Маклаков, правый либерал, обвинил Штюрмера в слабости, бездеятельности и приверженности "тому проклятому старому режиму."⁸ Некоторые члены Думы требовали его отставки. Штюрмер делал все возможное, чтобы распустить Думу, но он уже потерял контроль над своими министрами. 9 ноября 1916 года Императрица писала своему мужу, что "Штюрмер мог бы некоторое время оставаться на посту премьер-министра".⁹ Царь не обратил никакого внимания на этот совет, и Штюрмер был уволен на следующий день, а на его место назначен Александр Федорович Трепов.*****

В 1915 году Александр Дмитриевич Самарин заменил Владимира Карловича Саблера на должности обер-прокурора Святейшего Синода. Предполагаемое назначение Самарина возбудило серьезную тревогу в сердце Императрицы, так как он был весьма известен своей неприязнью к Распутину:

* премьер-министр с 1914 г. до 20 января 1916 года

** прозвище Горемыкина

*** свершившийся факт (фр.)

**** премьер-министр с 20 января до 10 ноября 1916

***** премьер-министр с 10 ноября 1916 по 27 декабря 1916 года

Относительно Самарина, я более чем огорчена, я прямо в отчаянии... На сердце у меня тяжело - в 1000 раз лучше удержать Саблера еще несколько месяцев, чем иметь Самарина!...¹⁰

Григ. вчера вечером в городе перед отъездом слышал о назначении Самарина... и был в полном отчаянии, так как неделю тому назад он просил тебя не торопиться с увольнением Саблера, так как скоро найдется подходящий человек.¹¹

И опять совет Распутина Царю остался без внимания, что не помешало возрасти слухам о вездесущем политическом влиянии Распутина. Возможно, общее раздражение тем, что простой мужик осмеливается давать советы правителям великой Российской Империи, послужило основанием таких слухов. Как бы то ни было, это привело к распространению наиболее фантастических историй и закончилось тем, что в обществе образовалась тенденция видеть в каждом непопулярном политическом решении влияние Распутина.

Примером этого служит история с генералом Ивановым, командующим армией на Юго-Западном фронте в начале войны. Когда генерал Иванов был освобожден от должности в марте 1916 года, получив почетную должность в окружении Императора, сразу же заговорили, что он стал политической жертвой Распутина и Императрицы. Однако, читая письма Императрицы к мужу, мы видим, что все было как раз наоборот. Императрица все время рекомендовала Иванова на более высокий пост. В ее письмах к мужу несколько раз упоминается о доброжелательном отношении Распутина к повышению Иванова.¹² 14 марта 1916 года она пробует в последний раз: "Он [Распутин] находит, что Иванов подходит на пост военного министра по причине его популярности не только в армии, но и во всей стране. В этом он определенно прав, но ты сделаешь то, что считаешь нужным". 16 марта 1916 года генерал Иванов был освобожден от командования.

На следующий день генерал Шуваев был назначен военным министром.

Одним из наиболее спорных правительственных назначений было назначение Александра Дмитриевича Протопопова на пост министра внутренних дел 16 сентября 1916 года. Протопопов был незаурядным и умным человеком, либералом по убеждениям, сделавшим карьеру в Думе. В 1916 году он был членом партии октябристов. Эта партия была правым крылом конституционных демократов (кадетов), главной партии оппозиции. Протопопов был вице-президентом Думы и возглавлял Российскую парламентскую делегацию, которая весной 1916 года посетила Великобританию, Францию и Италию.

Проезжая через Стокгольм, Протопопов встретился с Анатолием Васильевичем Неклюдовым, русским посланником в Стокгольме (1914-1917), который так описывал Протопопова:

Г-н Протопопов, член левой партии октябристов, привлек мой интерес; я так много слышал о нем как об очень умном человеке и очень независимом по отношению к правительству... Его также называли одним из редких членов Думы, имеющим опыт в крупных промышленных делах. В течение нескольких часов, которые мне довелось провести в беседе с вице-президентом Думы, он с лихвой оправдал все отзывы о нем: у него была открытая манера разговора, без напыщенности; он имел способность быстро схватывать новые идеи и был совершенно свободен от всяких предрассудков и предубеждений.¹³

Когда парламентская делегация собиралась вернуться в Россию, Протопопов встречался с Фрицом Варбургом, немецким посланником и членом известной Гамбургской семьи банкиров. Часто в исторической литературе, описывающей этот период, встречаются ссылки на эту встречу

Протопопова с германским агентом для подтверждения теории о тайных попытках России заключить сепаратный мир с Германией. Русский историк В.С. Дьякин пишет: "Встреча Протопопова и Варбурга на самом деле была случайной". Так называемые посредники заключения мира "не оставили абсолютно никаких следов в русских документах" и также "не существует документов такого рода в немецких архивах. У нас нет никаких оснований полагать, что Царское правительство или какая-нибудь "придворная камарилья", неведомая правительству, предпринимали какие-нибудь практические шаги к заключению сепаратного мира".¹⁴

Царь впервые встретил Протопопова 9 июля 1916 года, и на следующий день он записал в дневнике:

Вчера я видел человека, который мне очень понравился - Протопопова, товарища председателя Гос. Думы.¹⁵

В сентябре 1916 года Императрица писала к своему мужу:

Гр[игорий] убедительно просит назначить на этот пост Протопопова. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление, он член Думы (не левый*), а потому будет знать, как с ними себя держать... Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга.¹⁶

Однако Царь находился в замешательстве и писал своей супруге:

* Хотя коллеги считали его левым, Протопопов уже начал придерживаться более умеренных взглядов. Многие люди, включая генерала Воейкова, не могли понять этой внезапной перемены и видели в ней неискренность. Многочисленные показания Протопопова чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 году являются достаточно убедительными доказательствами его искренности по этому вопросу.

Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли... Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь - поэтому нужно быть благоразумным, особенно при назначениях на высокие должности.¹⁷

В конечном итоге Император принял решение, и 18 сентября 1916 года Протопопов был назначен директором министерства внутренних дел - временная должность перед назначением в министры, которое происходило через определенный испытательный срок.

Царь избрал Протопопова по трем причинам: во-первых, троскратный совет председателя Государственной Думы М. В. Родзянко назначить Протопопова министром; во-вторых, Король Георг V Английский написал Государю чрезвычайно теплое письмо, подчеркивая, что Протопопов "произвел как на него, так и на других государственных деятелей Англии, впечатление человека, обладающего большой политической мудростью"; в третьих, С. Д. Сазонов, министр иностранных дел, писал о Протопопове, рекомендуя его как "человека, весьма подходящего для занятия ответственной государственной должности".¹⁸

В 1917 году М. В. Родзянко заявил перед следственной комиссией, что он даже говорил Царю о Протопопове как "о человеке хорошо известном в Европе, человеке с большими знаниями, умом и компетенцией в области экономики".¹⁹ Отсюда и пошла вся путаница. Родзянко и лидеры умеренной оппозиции рекомендовали Протопопова на пост министра торговли - который они хотели забрать у князя Всеволода Николаевича Шаховского, близкого к Григорию Распутину, - назначение Протопопова на пост министра внутренних дел никогда не входило в их намерения.

Предпринимались разные попытки лишить Протопопова места в Думе. Его обвиняли в предательстве либеральных идеалов и закрепили за ним прозвище "сумасшедший" - в

надежде добиться его отставки. Царь, уязвленный этими обвинениями, восклицал:

С какого же времени он стал сумасшедшим? Вероятно, с того момента, когда я назначил его министром...²⁰

Князь Н. Д. Жевахов, товарищ обер-прокурора Св. Синода, пишет:

...Принадлежа в Думе к левым партиям, А. Д. Протопопов знал не только общую картину думского революционного заговора, но и то, чего никто не знал - все нити этого заговора, все извилистые тропинки, какие вели к свержению Престола и Династии... Вот почему он был так опасен Думе; вот почему Дума ни разу не пустила А. Д. Протопопова на думскую кафедру, опасаясь разоблачений, которые стали бы известны всей России.

А. Д. Протопопов был типичный русский человек старого закала, один из тех людей, кто не войдет в комнату, не осенив себя крестным знамением, не сядет за обеденный стол, не прочитав молитвы, не проедет мимо церкви, не сняв шапки, не заснет, если в спальне не будет гореть лампада... Это глубокое сознание зависимости от Бога даже в мелочах повседневной жизни не было у него рисовкою, а вытекало из глубоких недр его религиозной настроенности. Из этого же настроения вытекала и та его безграничная смелость, какая позволила ему, бывшему лидеру левых партий Думы, бросить последним вызов и открыто вступить с Думой в смертный бой. Победила Дума. Но эта победа, кончившаяся смертью А. Д. Протопопова*,

* После ареста и заключения в Петропавловской крепости в Петрограде Протопопов был перевезен в Москву, где расстрелян 21 августа 1918 года.

явилась и ее собственной смертью и гибелью всей России.²¹

Протопопов отказывался уйти с должности, несмотря на повторяющиеся предложения об отставке. Он скоро стал²² врагом в глазах Думы и общественного мнения в целом.

10 ноября 1916 года Государь сообщал Государыне, что собирается уволить Протопопова. Государыня горячо противилась такому решению:

Не смещай Протопопова... Это та же самая история, что и в прошлом году... Они знают, что он всецело мне предан и бывает у меня, как и Шаховской (его тоже хотят сместить)...

Милый, помни, что дело не в самом Протопопове или в ком-либо еще, но в самой Монархии и Твоем престиже, который не должно ломать.... Не думай, что на этом одном кончится - они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих.²³

В этом случае Государь переменял решение и оставил Протопопова на посту министра внутренних дел - единственный случай, когда он совершенно изменил свое решение.

Тем временем, революционная пресса все больше и больше старалась укрепить образ развратного Распутина, шепчущего советы на ухо Императрице, вынуждающей после Императора исполнять их волю. На самом деле, если он следовал советам Государыни, то потому, что ее представления совпадали с его, хотя иногда это случалось по разным причинам. Единственный известный случай, когда он последовал ее желанию, была ее просьба не увольнять Протопопова. Распутин сам, в основном, играл второстепенную роль в перевесе в пользу решения, уже принятого Государем. Когда Распутин отваживался давать непрошенный совет, его попытки почти всегда терпели неудачу и не принимались Царем.

Некоторые темные личности пытались использовать Распутина для своих собственных эгоистических целей. Одним из них был князь Андронников, которого Бернард Парес называл "одной из наиболее зловещих личностей в общественной жизни России."²⁴ Занимавшийся только собой и слывший очень безнравственным человеком, Андронников формально значился в министерстве внутренних дел, а позднее - в составе Св. Синода как чиновник по особым поручениям при обер-прокуроре. Политический оппортунист, использовавший свой пост как инструмент для удовлетворения корыстных интересов, Андронников играл на своих связях с Распутиным для получения выгод от Царя и Царицы.*

Другой темной личностью, связанной с Распутиным, был И. Ф. Манасевич-Мануйлов, которого Бернард Парес охарактеризовал так: "не разборчивый в средствах, как и Андронников, но гораздо более грозный."²⁵ Он был осведомителем министерства внутренних дел и следил за деятельностью революционеров за границей. После покушения на жизнь Распутина в 1914 году Манасевич-Мануйлов был приставлен министерством к Распутину для безопасности последнего и сопровождал его повсюду.

Однако, летом 1916 года Манасевич-Мануйлов вымогал 25 000 рублей у Московского Объединенного Банка, угрожая открыть некоторые махинации банка. Ему были выданы помеченные купюры, и позже он был арестован с этими деньгами на руках. Александр Александрович Макаров, министр юстиции, приказал ему явиться в суд. Зная, что Манасевич-Мануйлов нес личную ответственность за безопасность Распутина, Императрица опасалась, что суд неизбежно привлечет Распутина в качестве свидетеля, и в конечном счете суд обернется шоу-процессом против самого Распутина. Царь повелел остановить судебное разбирательство, что было не совсем справедливым

*Более подробное описание Андронникова и его деятельности содержится в приложении № 2.

решением, но Царь определенно чувствовал, что из двух зол это меньшее. Позже Манасевич-Мануйлов был вновь арестован. Его судили, и он был приговорен в феврале 1917 года к заключению в Петропавловской крепости. Освобожденный большевиками, он пытался бежать за границу с поддельными документами. Будучи узанным уже на границе бывшим охранником Петропавловской крепости, Манасевич-Мануйлов был расстрелян.

Хотя Распутин действительно непрямо свел Государя и Государыню с Рубинштейном, Андронниковым и Манасевич-Мануйловым, все же нет никаких доказательств какого-либо злонамерения к Трону со стороны Распутина. А раз так, то его можно обвинить лишь в ошибочном выборе людей.

В 1917 году чрезвычайная комиссия Временного правительства не смогла привести никаких доказательств вмешательства Государыни Александры Феодоровны или Григория Распутина в политические дела страны. Весь их "вклад" состоял из советов Государыни, содержащихся в личных письмах Царю, о которых тот просил сам, и написанных Распутиным просьб о пенсиях и социальных пособиях, выплата которых почему-то задерживалась.

В своих воспоминаниях М.В.Родзянко пишет, что он показывал Царю вырезку из иностранной газеты во время его аудиенции с Царем 26 февраля 1912 года. В вырезке говорилось, что на масонском съезде в Брюсселе в 1909 или 1910 году возникло мнение, что Распутин - удобное орудие для углубления масонского влияния в России.²⁶ Было или нет какое-нибудь масонское соглашение в 1910 году использовать Григория Распутина для распространения масонских политических интересов в России, сказать трудно. Единственным доказательством Родзянко была газетная вырезка. Тем не менее, после 1912 года было определенно предпринято намеренное и всеобщее усилие очернить имя Распутина. Он был орудием, клевета была стрелой, а мишенью было ни что иное, как само Самодержавие.

VIII

Отступление

*Бывает и то, что в ином есть
благодать, а сердце еще нечисто, потому
и падали падавшие: они не верили, что с
благодатию пребывает в них дым и грех.¹*

Преп. Макарий Египетский

Хотя большая часть сведений в литературе о Распутине действительно была намеренно преувеличена, совершенно неверно думать, что любая негативная информация о нем — ложь. В сегодняшнем споре в России, был ли Распутин развращенным крестьянином или оклеветанным святым, проявляется присущая человеку черта неприятия двойственности, и это качество искушает нас окрашивать все события в белый или черный цвет с тем, чтобы хотя бы в наших умах освободиться от неясности и не думать больше об этом. В действительности все сложнее.

В период с 1912 по 1916 год как клирикам, так и государственным чиновникам было рискованно ассоциировать свои имена с именем Распутина. Кроме слухов о влиянии на политические назначения, Распутина обвиняли в манипулировании церковными делами, его поддержке приписывали несколько назначений и отставок, касавшихся церковной иерархии.

Церковные деятели, чьи имена связывались с именем Распутина, в конечном итоге сами оказались добычей клеветников. Прежде всего, это, конечно, был архимандрит (позже — архиепископ Полтавский) Феофан (Быстров), а также епископ Тобольский Варнава (Накропин), епископ Саратовский Гермоген (Долганов), митрополит Петроградский Питирим (Окнов) и митрополит Московский Макарий (Невский). Были выдвинуты обвинения, голословно утверждавшие, что церковные назначения этих людей в некоторых случаях были напрямую связаны с рекомендациями Распутина и что они поддерживали с

Распутиным дружеские отношения для снискания царского расположения. На арену этой грязной борьбы было вытащено даже имя святого праведного Иоанна Кронштадтского. Однако, при пристальном рассмотрении оказывается, что на большинство обвинений не стоит обращать внимания - так они несерьезны, но, тем не менее, как и в случае с самим Распутиным, клевета бросила тень на память вышеупомянутых людей.*

Первые указания на некоторые дурные поступки Распутина исходят от человека несомненной праведности - от архиепископа Феофана (Быстрова), который позже подвергся нападкам за то, что первоначально поддерживал Распутина. Его свидетельства делает еще более весомыми то, что вначале он был доброжелательно расположен к Распутину, как и многие другие церковные иерархи, как и святой праведный Иоанн Кронштадтский. Архиепископ Феофан был неколебимым столпом Православия, "постник и молчальник... По средам и пятницам он обходился лишь хлебом и водой, а в остальные дни недели обычно воздерживался и от рыбы... Он был добр, но суров с теми, кто попирали законы Церкви."²

В 1905 году тогда еще архимандрит Феофан был назначен инспектором Санкт-Петербургской Духовной академии, а вскоре ему предложили стать духовником Царской Семьи.

В 1908 году он ездил в Сибирь по просьбе Императрицы, дабы ознакомиться с прошлым Григория Распутина. Он посетил семью Распутина в Покровском и отца Макария, известного старца Верхотурья, который знал Распутина и прежде, когда тот еще странствовал. Хотя подробности об изысканиях архимандрита Феофана остаются неизвестными, нет никаких доказательств об их негативных результатах.

Императрица Александра Феодоровна также дважды посылала свою близкую подругу Анну Вырубову посетить семью Распутина в Сибири и сообщить затем о своих впечатлениях. Во время первой поездки в 1908 году Анну

* См. приложение № 1 для краткой информации об их жизни и деятельности.

сопровождала госпожа Орлова, мать генерал-майора Александра Орлова*, еще две женщины и несколько слуг. Она пишет:

Об Императрице, я скажу, что, хотя у нее было полное доверие к Распутину, она думала, что стоит произвести некоторое исследование его частной жизни в Сибири, где он проводил большую часть своего времени... Дом был почти библейским в отношении своей совершенной простоты, все гости спали в верхней комнате на соломенных матрацах, положенных на грубом дощатом полу. Кроме кроватей, в комнатах практически не было мебели, хотя на стенах висели иконы, перед которыми теплились лампы. Мы принимали нашу простую пищу в гостиной внизу, а по вечерам туда обычно приходили четыре крестьянина, преданные друзья Распутина, которых называли "братья". Сидя вокруг стола, они пели молитвы и псалмы с деревенской верой и рвением... По моем возвращении в Царское Село я описывала эту простую и благочестную жизнь Императрице, а от себя должна была добавить, что

* Александр Орлов (1863-1908) - генерал-майор свиты Его Величества, командующий Кавказской дивизией, близкий друг Царской Семьи; умер от туберкулеза 4 октября 1908 года. Его внешность ужасно изменилась из-за болезни. Царь Николай Александрович написал письмо своей матери, вдовствующей Императрице, 17 сентября 1908 года - за 3 недели до смерти Орлова, - рассказывая ей о своем горе видеть его таким истощенным. Личный доктор Государя и Государыни Евгений Боткин осматривал Орлова. Боткин пришел к выводу, что Орлов должен был быть болен уже два года. В письме своей матери Царь называл Орлова "одним из своих немногих и лучших друзей."⁴ Орлов умер в возрасте 45 лет. Его смерть была личной трагедией для Царской Семьи. И не потребовалось много времени до появления скандальных историй об интимной связи между Орловым и Императрицей. В книге Чарльза Омесса "Распутин и Русский Двор" (George Newnes Ltd., 1918) печаталась чудовищная фабрикация того, что о. Иоанн Кронштадтский приказал Орлову покинуть Россию, и позднее он был найден мертвым при таинственных обстоятельствах в одном Каирском отеле.

по моим наблюдениям только деревенские священники, кажется, не любят Распутина, в то время как большинство деревенских жителей просто привыкло к нему и не обращают на него большого внимания.^{3*}

В феврале 1909 года архимандрит Феофан был назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной академии и был хиротонисан во епископа Ямбургского в Санкт-Петербургской епархии. Из дневника Царя Николая II видно, что епископ Феофан, старец Макарий Верхотурский и Григорий Распутин посетили Императора и Императрицу в Александровском Дворце в Царском Селе 23 июня 1909 года: "После чая к нам приехали: Феофан, Григорий и Макарий". На следующий день дочь Царя Татьяна писала: "Я была страшно рада видеть отца Макария, владыку Феофана и Григория, но жалко, что так немножко". Очевидно, что епископ Феофан и Григорий Распутин были в то время еще в хороших отношениях.

Запись в дневнике Царя, сделанная в Крыму 20 октября 1909 года, показывает, что епископ Феофан и Царская Семья тоже были в то время в тесных отношениях:

В 6 3/4 ходили ко Всенощной. В 9 час. исповедывались у епис. Феофана в нашей церкви.

И хотя епископ Феофан поддерживал Григория в ранние годы пребывания того в столице и свидетельствовал о замечательной глубине его молитвы, отношение его к Распутину совершенно переменилось к началу 1910 года.

*Императрица снова негласно послала Анну Вырубову в Сибирь в 1915 году, когда стали широко распространяться слухи о сомнительном нравственном поведении Распутина. В этот раз ее сопровождала Лили Ден, жена морского офицера Царской яхты "Штандарт", и несколько других лиц. Они провели два дня в Покровском, "гостя у Распутина и найдя его таким же, как прежде: та же жена и несколько служанок так же заняты домом и работами в поле."³

Свидетельство епископа Саратовского Гермогена проясняет ситуацию:

В начале 1910 года, времени точно не помню, я получил письмо от владыки Феофана. В письме этом последний сообщал мне, что Григорий Распутин оказался совершенно недостойным человеком. Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочащих Распутина как человека развратной жизни. Получив это письмо, я при встрече с Распутиным указал ему недостойность его поведения. Полученное мною письмо, а также мои личные неблагоприятные Распутину наблюдения за ним послужили поводом к резкому изменению моего отношения к Распутину, которого я даже перестал принимать. С отцом Илиодором Распутин находился по-прежнему в дружеских отношениях, бывал у него. Я указывал отцу Илиодору на то, что Распутин недостойн его дружбы. Илиодор мне возражал, ссылаясь на то, что сведения о Распутине, возможно, неосновательны.⁶

Письмо епископа Гермогена особенно интересно тем, что он утверждает, что открыто говорил Распутину об этих обвинениях и даже добавил от себя, и нет никаких указаний на то, что Григорий что-нибудь отрицал.

В стремлении отстоять невиновность Распутина некоторые люди предположили, что епископ Феофан сам был введен в заблуждение клеветниками. Однако, такие предположения показывают, что люди эти мало знают о самом владыке Феофане. Будучи на протяжении нескольких лет в дружеских отношениях с Григорием Распутиным, он хорошо знал все слабости его характера. Когда у него появились какие-то подозрения касательно поведения Распутина, епископ Феофан сперва пошел к Распутину сам. Поскольку и это не произвело никакого действия, то он поделился своими опасениями с другими духовными лицами, в том числе с

епископом Гермогеном, иеромонахом Вениамином (Федченковым)*, доцентом Санкт-Петербургской Духовной академии. Это подтверждено свидетельством иеромонаха Вениамина:

А дальше пошли слухи о его (Распутина) личной жизни... Доходили они и до нас с о. Феофаном, но он долго не верил им...

Позже, когда слухи подтвердились:

Епископ Феофан (он тогда уже был ректором академии) и я увещевали его (Распутина) изменить образ жизни, но это было уже поздно, он шел по своему пути. Епископ Феофан был у Царя и Царицы, убеждал уже их быть осторожными в отношении Г.Е., но ответом было раздражение Царицы, очень чувствительно отразившееся на здоровье ее. Потом выяснились совершенно точные, документальные факты, епископ Феофан порвал с Распутиным... Тогда Царь затребовал документы; часть их была передана епископом Феофаном мне на хранение. И я, сняв с них копии, отвез в Петербург митрополиту Антонию (Вадковскому) для передачи Царю. Ничто не изменило дела.⁷

В конце января 1910 года иеромонах Вениамин писал иеромонаху Илиодору:

Дорогой отец Илиодор! по поручению владыки Феофана я пишу Вам о следующем. Мы оба умоляем Вас не защищать Григория... Свидетельствуем пред Богом Всемогущим, что на исповеди у владыки Феофана открылись его пакостные дела... Любящий Вас иеромонах Вениамин.⁸

* будущий митрополит Алеутский и Северо-Американский (Экзарх Московской Патриархии в Америке)

Поскольку священники обязаны соблюдать тайну исповеди, мы не знаем, что сделал Григорий. Тем не менее, очевидно, что со стороны Распутина это были недостойные поступки.

Обвинения, исходящие от таких людей, как епископ Феофан, были достаточны для того, чтобы Царь попросил Григория оставить Санкт-Петербург и вернуться в Покровское в феврале 1910 года. Оттуда он отправился в четырехмесячное паломничество в Иерусалим и на Гору Афон. Из дневника Царя видно, что прошел почти год, прежде чем они опять увиделись.

19 декабря 1910 года епископ Феофан был переведен в Крым. Некоторые историки полагают, что этот его перевод был вызван недовольством Императрицы возраставшим негативным отношением владыки Феофана к Распутину. Хотя в этом предположении и может быть доля истины, оно все же остается лишь предположением, так как и в Крыму епископ Феофан остался духовником Царской Семьи.

Когда епископ Феофан убедился в том, что с Распутиным ничего нельзя поделать, он обратился к Святейшему Синоду с просьбой официально довести все до сведения Императорской Семьи. Другие члены Святейшего Синода отказались, говоря, что епископ Феофан - духовник Царской Семьи, и ему самому нужно исполнить этот долг. Поздней осенью 1911 года владыке Феофану была предоставлена аудиенция у Императрицы Александры Феодоровны во время ее пребывания в Крыму. Епископ Феофан не оставил никаких подробностей об их беседе, но сам сказал, что Государыня "была очень обижена" и считала, что владыка Феофан и сам стал жертвой распространявшихся о Распутине сплетен. К сожалению, у нас нет достоверных свидетельств о том, как все представлялось Императрице. Перед тем, как Царская Семья была помещена под домашний арест в 1917 году, Императрица сожгла большую часть своих дневников, и в результате не осталось никаких непосредственных свидетельств их встречи. Спустя годы большевики

предприняли попытку подделать дневники Анны Вырубовой и представить все так, будто и она тоже была на этой встрече.

Распространялись слухи, что Императрица наказала владыку Феофана немедленным переводом его в Астрахань, где жаркий климат был неподходящим для его слабого здоровья. На самом деле, Владыка еще полгода оставался в Крыму перед его назначением епископом Астраханским в июне 1912 года. Царь оставил запись о приеме владыки Феофана в Крыму 28 марта, после предполагаемого разрыва с его Семейей.

А менее года спустя владыка Феофан вернулся в центральные районы Империи и был поставлен архиепископом Полтавским и Переяславским, на кафедру, требовавшую обязательного утверждения кандидатуры Царем.

В конце 1911 - начале 1912 года сестра Императрицы Великая княгиня Елизавета Феодоровна старалась делать все возможное, чтобы уменьшить влияние Григория Распутина на Царскую Семейю. Великая княгиня Елизавета жила в Москве, где она основала Марфо-Мариинскую обитель. Известная своим христианским милосердием, она была любима и уважаема всеми окружавшими ее людьми. Ее хороший знакомый, Михаил Новоселов, доцент Московской Духовной академии и издатель важного церковного журнала под названием "Религиозно-Философская Библиотека", заинтересовался Григорием Распутиным уже в 1907 году. Будучи экспертом по разным русским сектам, Новоселов старался обличить церковные власти в том, что они не обращали внимания на то, что Распутин состоял, как он предполагал, в секте хлыстов. Его первая попытка в виде "Письма к редактору" была помещена в газете Александра Гучкова "Голос Москвы" в январе 1912 года:

*Quousque tandem!...** Эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных людей по адресу хитрого заговорщика против святыни

**Quousque tandem!* (лат.) - До каких же, наконец, пор!

Церкви государственной, растлителя чувств и телес человеческих - Григория Распутина, дерзко прикрывающегося этой святыней - Церковью. "*Quousque?*" - Этими словами вынуждаются со скорбью и с горечью взывать к Синоду чада Русской Церкви Православной, видя страшное попустительство высшего Церковного управления по отношению к названному Григорию Распутину. Долго ли, в самом деле, Синод, перед лицом которого несколько лет уже разыгрывается эта преступная комедия, будет безмолвствовать и бездействовать?...¹⁰

В январе 1912 года Новоселов опубликовал брошюру, обвиняющую Распутина в хлыстовстве. Полиция конфисковала брошюру, смешала шрифты в типографии и уничтожила саму рукопись. Из-за дружбы Великой княгини Елизаветы Феодоровны с Новоселовым и ее открытой оппозиции к Распутину Царь Николай Александрович и Царица Александра Феодоровна, по-видимому, считали, что Великая княгиня принимала активное участие в опубликовании этой брошюры. В своем письме к Царю от 4 февраля 1912 года Великая княгиня Елизавета Феодоровна пишет, что она впервые узнала об этой книжке, когда случайно встретила ее автора на следующий день после конфискации книги. Она рассказывала, что виделась с Новоселовым два или три раза в году, поскольку он пишет религиозные брошюры об известных личностях, чьи убеждения или поведение могут оказать губительное воздействие на Церковь:

Первый раз я прочитала здесь в газетах два года назад о [Григории Распутине] и была в ужасе, потому что я испугалась, что если народ узнает, что Вы приняли этого человека, то это бросит на Вас черную

тень, а когда я услышала, что должно быть продолжение, то тайно попросила автора не печатать его... я больше не могу удерживать людей печатать то, что они хотят.¹¹

Суждение Великой княгини о Распутине в тот момент основывалось целиком на слухах; сама она с ним ни разу не виделась.

Однако, если Император и Императрица в самом деле знали, что репутация Распутина расшатывала Трон, то почему они в связи с этим ничего не предпринимали? Одной из основных причин являлось присущее Государыне сильное чувство верности. Она видела, что столько ее друзей были оклеветаны просто за то, что они ее друзья. Так как это продолжалось, то она становилась более и более уверенной в том, что Распутин был оболган по той же причине. Другой причиной, вне всякого сомнения, была их благодарность Распутину за его молитвы, которые помогали их сыну; и наконец, и Государь, и Государыня желали услышать голос простого народа, голос, который, как считала Государыня, звучал в словах Распутина.

Великая княгиня Ольга Александровна пишет:

Важно помнить, что Ники и Аликс все знали о прошлом Распутина. Совершенно неверно думать, что они считали его святым, не склонным ко злу. Я снова повторяю, и у меня есть право так говорить: они не были обмануты Распутиным и не имели ни малейших иллюзий на его счет. Несчастье было в том, что народ не знал правду, а ни Ники, ни Аликс из-за своего положения не могли бороться с распространявшейся ложью.¹²

Согласно одному источнику, Государыня действительно пыталась прекратить распространение этих слухов. В 1916

году Лили Ден, одна из близких подруг Императрицы, получила телеграмму с просьбой прийти в Царское Село. Лили описывает, какой она встретила Императрицу:

Я нашла ее одну, грустную и явно чем-то обеспокоенную. Она, по-началу, не касалась предмета, тяготившего ее сердце; потом вдруг сразу заговорила о том, как это жестоко со стороны людей говорить о ней так озлобленно.

- Я знаю все, Лили, сказала она. Почему Григорий останавливается в Петрограде? Государь этого не хочет. Я не хочу. Но все же мы, вероятно, не можем отказать от него - он не сделал ничего плохого. О, почему он не видит своего безрассудства?

- Я сделаю все, что в моих силах, чтобы заставить его сделать это, - ответила я.

В своей книге "Настоящая Царица" Лили Ден рассказывает, как она потом пошла к Распутину домой, чтобы просить его покинуть Петроград ради Самодержцев. Хотя Распутин сначала согласился на ее просьбу, но переменил решение по настоянию своего личного секретаря, Акилины Лаптинской, работавшей медсестрой в госпитале в Царском Селе. У Лили появилось подозрение, что та была провокатором, подосланным с целью порочить Трон через Распутина. Лили пишет, что через несколько дней после революции Акилина была в гостях в семье одного из наиболее известных революционеров Петрограда.¹³

Царь и Царица не закрывали глаза на ошибки Распутина, но все же они были на его стороне. Жерард Шелли предлагает возможное объяснение того, как Распутин смог добиться такого расположения Царской Семьи: "Ответ на это довольно простой. Он разделял их веру и стремился к обновлению и спасению России."¹⁴ Царь и Царица были твердо уверены,

что Трон им был вверен Богом, и они были обязаны передать его своему сыну в целости. В 1915 году Императрица говорила Шелли: Все мои мысли о нем [Алексее]... Он будущий Самодержец России и защитник Православия. Для всех, кто верен Церкви и Трону, он должен стать вождем.¹⁵*

Если Царевич Алексей умрет, а Великий князь Михаил Александрович, брат Николая, по какой-либо причине не сможет взойти на трон, то Великий князь Кирилл Владимирович станет наследником Престола, - это было законное престолонаследие, как его подтверждал Царь Александр III.

К началу 1900-х годов дисциплина в семье Романовых стала ослабевать. Семья, которая очень выросла за последнюю половину 19-го столетия, оказалась тяжелым бременем для Царя Николая. Его отец, Александр III, управлял семьей железной рукой и настоял на том, чтобы поведение всех своих братьев, кузенов и дядей соответствовало их положению в качестве Романовых и потенциальных наследников Престола. Великая княгиня Ольга Александровна сообщает:

С самого начала было ясно, что он [Царь Николай II] не сможет устоять против всей этой толпы дядей и кузенов, которые, как только узда была ослаблена,

* Состояние здоровья Алексея оставалось главной заботой в семье, хотя Распутин ранее предсказал, что здоровье мальчика начнет улучшаться после того, как ему исполнится двенадцать лет, и что в конце концов он будет здоров:

...Григорий заверил Государыню, что когда Алексею исполнится двенадцать лет, его здоровье начнет улучшаться, а ко времени, когда он станет взрослым, он будет полностью здоров... После двенадцати лет Алексей на самом деле стал поправляться. Его болезнь стала все больше отступать, и к 1917 году он выглядел лучше. Он ничуть не походил на страдавших от той же ужасной болезни детей сестры Государыни принцессы Ирины, супруги принца Генриха Прусского...¹⁶

К сожалению, этому предсказанию не суждено было сбыться. Последний период жизни Алексея, с 1917 по 1918 год (когда Распутин был уже мертв), оказался одним из худших, с повторяющимися приступами гемофилии, вызванными падениями.

поступали как кому вздумается. Создавались различные группировки. В Санкт-Петербурге Великая княгиня Мария Павловна, умная, высокообразованная, честолюбивая, любящая интриги дама, ставила себя на первое место во время отъезда вдовствующей императрицы [мать Царя Николая II, Мария Феодоровна] в Гатчину, и во времена ее частых отлучек в Данию и Англию.... Многие из нас докучали Ники и даже иногда устраивали сцены в его присутствии, преследуя свои интересы, свои мелочные интриги или придираясь к чему-нибудь, что он сделал или не сделал. Это зашло так далеко, что под конец нельзя было винить Ники за то, что он избегает некоторых членов нашей семьи. Когда я оглядываюсь назад, я вижу, что слишком многие из нас, Романовых, замкнулись в мирке своих интересов, где мало что имело значение, кроме бесконечного удовлетворения собственных желаний и амбиций. Ни в чем это так хорошо не отразилось, как в пугающей неразберихе в браках, в которой участвовало последнее поколение моей семьи. Нескончаемые домашние скандалы не могли не шокировать народ - но заботился ли кто-нибудь из них, какое впечатление они производили? Никогда. Некоторые и не возражали быть сосланными за границу...¹⁷

Члены Императорской Семьи не могли вступать в брак без согласия Государя; они не могли жениться на разведенных или на незнатных людях. Но всего через несколько лет после вступления на престол Царь Николай II столкнулся со шквалом супружеских бунтов.

Сам Царь писал об этом своей матери:

Как это все больно и тяжело и как совестно перед всем светом за наше семейство! Какое теперь

ручательство, что Кирилл не сделает того же завтра, и Борис или Сергей М. не поступит также послезавтра? И целая колония Русской Императорской Фамилии будет жить в Париже со своими полузаконными и незаконными женами. Бог знает что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности!!!¹⁸

Время самого тяжелого удара, однако, еще не пришло. 7 ноября 1912 года царь Николай записал в своем дневнике следующее:

По пути домой [из Спалы в Польше], в Каннес [Франция] я получил письмо от Миши [брат царя, великий князь Михаил Александрович], в котором он сообщал мне, что женился на незнатной женщине*, с которой жил последние пять лет. Они обвенчались в сербской Православной церкви в Вене. Мой единственный брат... и он нарушил свою клятву.

Сестра царя Великая княгиня Ольга Александровна пишет:

“Вы представляете, что все это значило для Ники? Михаил был его единственным оставшимся в живых

* Женой великого князя стала Наталья Шереметьева, дочь московского юриста. Она вышла замуж за торговца по фамилии Мамонтов, но их брак закончился разводом. Затем она вышла замуж за капитана Вулферта из кавалерийской стражи - полка, который возглавлял великий князь Михаил Александрович. Мадам Вулферт развелась со своим мужем и стала любовницей князя Михаила. Пара уехала за границу и в конце концов была обвенчана в Вене сербским православным священником. Великому князю Михаилу Александровичу и его морганатической супруге было запрещено возвращаться в Россию. Только после начала первой мировой войны царь Николай согласился, чтобы его брат с супругой [которой был пожалован титул графини Брассовой] вернулся в Россию. Новоиспеченная графиня так и не была принята ни царем Николаем с царицей Александрой, ни вдовствующей императрицей Марией Феодоровной.

братом. Он так бы мог помочь Ники. Я опять скажу Вам, что нас всех следует винить. Из трех сыновей дяди Владимира один [Кирилл]* был изгнан, другой, Борис, совершенно открыто жил с любовницей, а третий, Андрей, никогда особо не помогал моему брату. Но все же эти трое были сыновьями старшего великого князя и, после Алексея и Михаила, продолжали право наследования. Не было ни одного члена семьи, к которому Ники мог бы обратиться, за исключением, быть может, Сандро, моего зятя, но даже с ним дела временами обстояли сложно..."¹⁹

Когда-то дружелюбные и теплые отношения семьи Царя Николая Александровича и Великого князя Владимира Александровича становились натянутыми, что усугублялось годами разъединенности и расстоянием между Двором в Царском Селе и остальными родственниками в Санкт-Петербурге. Оттепель все же появилась в отношениях этих двух сторон семьи Романовых в 1915 году. В дневнике от 6 сентября Великий князь Андрей Владимирович рассказывает о визите Императрицы к его матери, Великой княгине Марии

*В 1905 году Великий князь Кирилл Владимирович женился на своей разведенной двоюродной сестре, Виктории Мелите, у которой было двое детей от первого брака с Великим князем Эрнестом Гессенским, братом Императрицы Александры Феодоровны, не получив на то необходимого по закону обязательного разрешения Царя. Царь Николай, поддерживая закон, выслал своего кузена из России, лишив его всех званий и титулов, оставив лишь титул великого князя. Тем не менее, в 1910 году Царь сменил гнев на милость: Великому князю были возвращены все его звания вместе с разрешением вернуться с женой на Родину. Многие считают, что когда в 1917 году Великий князь Кирилл во главе группы гвардейцев отправился к зданию Думы, дабы присягнуть Временному правительству (предположительно до того, как он узнал, что Царь отрекся), он тем самым нарушил присягу, данную Царю. Однако сам Великий князь настаивал на том, что он поступил так, потому что предчувствовал возможность мятежа в его войсках и считал, что это был единственный поступок, с помощью которого он мог установить как дисциплину, так и хотя бы минимум повиновения гражданским властям. В июне 1917 года Великий князь Кирилл уехал в Финляндию, а потом во Францию. В 1924 году он объявил себя Царем в изгнании.

Павловне. Впервые Императрица Александра навестила их семью без сопровождения Царя Николая. Две женщины говорили о политических трудностях, которые переживала Россия в начале второго года войны. Присутствовавший на встрече Великий князь Андрей сообщает:

Аликс видит все совершенно так же, как и все мы, и все, что она говорила, было ясно, определенно и правильно. Этот эпизод в жизни нашей семьи важен в том смысле, что дал нам возможность понять Аликс. Почти вся ее жизнь была у нас окутана каким-то туманом непонятной атмосферы. Сквозь эту завесу фигура Аликс оставалась совершенно загадочной. Никто в сущности ее не знал, не понимал, а потому создавали догадки, предположения, перешедшие впоследствии в целый ряд легенд самого разнообразного характера. Где была истина, трудно было решить...Мы увидели ее в новом свете, увидели, что многое из легенд не верно, что она стоит на верном пути...²⁰

Однако, прошло меньше года, и старая вражда вспыхнула вновь. Великая княгиня Мария Павловна позвонила Михаилу Родзянко, Председателю Думы, и срочно вызвала его во дворец. По словам Родзянко:

...Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове и об Императрице. При упоминании ее имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну, что благодаря ей создается угроза Царю и всей царской фамилии, что такое положение больше терпеть невозможно, что надо изменить, устранить, уничтожить...

Желая уяснить себе более точно, что она хочет сказать, я спросил:

- То есть, как устранить?

- Да, я не знаю... Надо что-нибудь предпринять, придумать... Вы сами понимаете... Дума должна что-нибудь сделать... Надо ее уничтожить...

- Кого?

- Императрицу.

- Ваше Высочество, - сказал я, - позвольте мне считать этот наш разговор как бы небывшим, потому что если Вы обращаетесь ко мне как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к Государю Императору и доложить Ему, что Великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить Императрицу.²¹

Справедливости ради следует отметить, что склонность Родзянко к самосохранению и его стремление выглядеть убежденным монархистом вполне могли сказаться на точности передачи вышеприведенного диалога. Однако его непоколебимая верность вполне может быть под вопросом; как отмечает Дворцовый комендант В.Н.Воейков, в 1912 году Родзянко во время поездки в Германию открыто критиковал Царя и его окружение перед своими соотечественниками, с которыми он был едва знаком.²²

Государь и Государыня были намерены передать Трон своему сыну Алексею Николаевичу, но все зависело от здоровья мальчика. Похоже, единственное, что помогало ему, - это молитвы Распутина. Однако, к 1910 году близость Распутина к Царской Семье осуждалась все больше и больше из-за его любви к спиртному и предполагаемого недостойного поведения с женщинами. Но Муня Головина*, одна из наиболее верных и пылких сторонниц Григория Распутина, рассказывала про свою первую встречу с Распутиным:

* Именно Муня Головина представила князя Феликса Юсупова - одного из будущих убийц Распутина - в 1909 году Распутину.

Я увидела Гр. Еф. в первый раз в Казанском соборе, у меня было тогда большое горе, я стояла перед иконой и не могла молиться, и вдруг я слышу, кто-то ответил мне на мои мысли. Я обернулась и увидела странника в сером армяке, а он наклонился ко мне и еще несколько слов сказал, и я увидела, что он знает не только то, что я сейчас думаю, а и то, что было раньше, и я сразу так в него уверовала, что у меня никогда после не было колебаний...²³

Когда ее спросили об отношениях Григория с женщинами, Муня ответила:

У меня к нему не бывает смущения, и я от него ничего подобного никогда не видала...²⁴

Мать же Муни, Любовь Валериановна, смотрела на вещи немного по-другому:

Я Гр. Еф. люблю безгранично... но - сколько раз я ему говорила: "Гр. Еф., доживу ли я до того времени, когда вы будете вести себя корректно с дамами?!" Я так счастлива, что он никогда не позволял себе ничего такого по отношению к Марусе (дома Муню зовут Маруся, а "Мунькой" прозвал ее Р.). Но должна вам сказать, между пр[очим], что это у него развилось с годами, и наши дамы во многом сами виноваты. Когда мы с ним познакомились, это было в 1910 г., он был как раз в опале. Были тут разные интриги, В[еликий] к[нязь] Николай Николаев[ич] много этому поспособствовал, tout court, его из Дворца уволили, и только Аня [Вырубова] продолжала его принимать, и к нам в дом он был вхож. Тогда, *mon Dieu**, как он был

* Боже мой (фр.)

скромен и по отношению к моим дочерям, и вообще у нас дома был образцом вежливости и скромности.²⁵

Сестра Любови Валериановны, Ольга Валериановна*, оставила записи о некоторых недостойных сторонах жизни Распутина. Поженившись без Царского позволения, Ольга Валериановна и Великий князь Павел Александрович (дядя Царя Николая II), провели в ссылке во Франции почти десять лет, до 1912 года, когда им было разрешено возвратиться в Россию. Однако Ольга Валериановна вначале не была принята Царской Семьей. В 1914 году Любовь Валериановна и Муня познакомили Ольгу Валериановну с Григорием Распутиным в надежде, что он поможет примирить ее с Царской Семьей. Первое ходатайство о ней Григория потерпело неудачу. В своем дневнике Ольга Валериановна записала:

... в глазах Императрицы я все та же интриганка, желающая играть роль и одурачивающая даже его, Григория Ефимовича!²⁶

Спустя неделю Ольга Валериановна вновь встречалась с Григорием Распутиным - в доме своей сестры. Эта встреча оказалась довольно неприятной. В своем дневнике она записала:

Григ. Еф. заперся со мною в любинной спальне, и я ничего не понимаю. Говорил, что любит меня так, что ни о чем другом думать не может, целовал меня, обнимал, и мой глаз не мог не заметить его волнение. Взял у меня по секрету 200 рублей! Господи, что это за люди!²⁷

Возникает естественный вопрос: если Распутин действительно обладал тем религиозным пылом, о котором он пишет, то как и почему могло произойти его падение? Это вопрос,

* Ольга Валериановна Карнович, бывшая графиня Хогенфельсен, позднее княгиня Палей, вторая жена Великого князя Павла Александровича, дяди Царя Николая II.

ответ на который требует как понимания русского характера, так и знания контекста всей жизни Распутина.

Пытаясь рассуждать о проблемах “русского характера”, Сюзанна Масси, автор книги *“Земля Жар-птицы: Красота старой России”*, заявляет: “Русские знают темную сторону человека, но они также понимают чрезвычайную способность человеческой души на самопожертвование и любовь, и принимают обе эти стороны человеческой жизни с большим спокойствием, чем мы на Западе”. Хотя наблюдение Масси достаточно ценно, оно ограничено внешней стороной проблемы. Подобно большинству западных авторов, она практически не касается духовного основания русской души - Православной Церкви; традиционного источника русской способности понимания добра и зла, сосуществующих в человеческой природе.

Идея, что “с благодатию пребывает дым и грех” хорошо известна православным христианам, а очищение души на протяжении веков было основой веры, молитвы и аскетической практики как монахов, так и ревностных мирян. И это была не бесцельная самоэкзекуция, но желание обнаружить и потушить те малые искры греха и потакания своим слабостям, которые без присмотра могли бы распространиться подобно лесному пожару и разрушить годы духовных трудов. Отпадение от благодати редко происходит в форме резко-катастрофического отступления от столпа истины; во многих случаях оно является постепенным “скольжением по наклонной”, часто настолько постепенным, что даже близкие нам люди могут не замечать этого - какое-то время.

Православная Церковь учит, что как бы ни была наполнена благодатью жизнь человека, до самой смерти нельзя ослаблять духовное внимание. Ревностная религиозная жизнь не является гарантией от духовных падений. По мере продвижения человека к Богу дорога становится более крутой, а падения - более болезненными. С этой точки зрения, взгляд

Православной Церкви на человеческую природу чрезвычайно реалистичен. Он представляет собой жесткий подход, который рассматривает человеческую потребность непрерывной духовной борьбы как противоположность западной протестантской тенденции заменить духовную брань той идеей, что достаточно одной веры, чтобы быть христианином. Данная тенденция, неспособная примирить сосуществование благодати и греха, отмечает ранние духовные дары Распутина как вымышленные. На самом деле, хотя Бог несомненно дает благодать и даже духовные дары тем, кто искренне пытается вести христианскую жизнь, наличие этих даров еще не означает безгрешности человека, ими обладающего; более того, если христианин не продолжает своей духовной борьбы, то дары могут быть у него отняты.

Похоже, что Распутин на самом деле первоначально обладал даром прозорливости, сильной молитвы и несомненной способности проповедывать. Также хорошо заметить, что после 1909 года, когда по всей видимости моральные падения Распутина участились, мы более не находим столько трогательных и сильных свидетельств ни о его проповеди, ни о способности исцелять посредством молитвы, за исключением замечательного случая с молитвой о выздоровлении Царевича Алексея, болезнь которого обострилась после несчастного случая на лодке в Польше в 1913 году; и также последнего предсказания о судьбе России.

Православный ответ на вопрос о падении Распутина заключается в том, что, по мере того, как возросло давление и искушения, связанные с его увеличивающейся известностью в Петербурге, он стал менее требователен к своему духовному состоянию. Дочь Распутина Мария замечает по этому поводу: «Вначале мой отец был очень осторожен и всячески избегал этих соблазнов.»²⁸ Мало-помалу ее отец скатывался в трясину самооправдания; алкоголь приводил к распущенности и демонстрации в обществе грубого и самонадеянного поведения.

Многие авторы пытаются составить список этих происшествий с именами, датами и местом; почти бесполезная попытка. Большинство докладов является сущей клеветой и легко опровержимы, другие противоречивы, либо приводятся ненадежными свидетелями. Самый надежный способ - это записать несколько случаев, которые, похоже, не вызывают сомнений и, помимо этих случаев, ограничиться общим мнением и бесспорной честностью духовника Царской Семьи архиепископа Феофана, дочери Распутина Марии и таких людей как Любовь Головина, которая была очень благожелательна к нему в начале, но позже с грустью и нежеланием замечала его нравственные недостатки.

В 1912 году в полицейских докладах внезапно стали появляться сведения о предполагаемых свиданиях Григория Распутина с проститутками:

Пошел по Гончарной улице, где в доме № 4 встретил неизвестную барыньку, по-видимому, проститутку, и зашел в упомянутый дом, где помещалась гостиница, пробыл с ней двадцать минут.²⁹

Или:

Отправился на 1-ю Рождественскую улицу, подходил к нескольким проституткам и с одной из них отправился в гостиницу, д. № 2 по Суворовскому проезду, и через 1/2 часа вышел один и отправился домой.³⁰

Многие принимают эти донесения за чистую монету и не имеют желаний в них усомниться. Полицейская картотека, хранящаяся в Российском государственном архиве, содержит несколько таких ссылок на свидания Распутина *предположительно* с проститутками. Однако, при сопоставлении этих донесений с другими полицейскими донесениями, обнаруживается одно их любопытное различие: практически в каждом донесении того времени приводятся

фамилии всех, с кем встречался Распутин, но ни одного конкретного имени тех, кого называли проститутками, в донесениях нет. Установить их личности для полиции не составило бы труда, так как она имела право останавливать кого угодно. Невзирая на то, правда или нет содержится в этих докладах, дочь Распутина Мария утверждает, что поведение ее отца не было безупречным:

Я ни в коем случае не намереваюсь отрицать, что во время пребывания моего отца в Санкт-Петербурге у него были любовницы, и, что, по временам, он вел беспутную жизнь. Окруженный разными женщинами, здоровый и зрелый мужчина с естественными желаниями, он вполне мог поддаться многочисленным соблазнам. Тем более, что окружавшие его люди предпринимали настойчивые попытки усилить эти желания и создать еще больше соблазнов и возможностей... Вначале мой отец был очень осторожен и всячески избегал этих соблазнов. Однако позднее он позволил увлечь себя на "*Villa Rode*" - известное ночное кабаре Санкт-Петербурга, где он довольно часто проводил время в отдельном кабинете, который обычно держали свободным для него и его друзей.³¹

Вместе с заслуживающими доверия сообщениями о сомнительном поведении Распутина, о нем было написано множество вздорных материалов, не малую часть которых составляет недавно "открытый" "Тайный дневник Григория Распутина 1915-16 годов". Весь дневник является явной подделкой, это легко понять с самого начала:

Так вошел я во горы Афонской. И был недавно еще, до моего свидания с великими, и там, в чистом забытии, душа моя возносилась на небеса. И был я тогда чист, как младенец, ибо со своими наблюдениями, - еще не опасное место. И там, на Афоне, впервые червь зашевелился у моего сердца.

И было это так. Однажды, после вечерней зари, сидел я у подножия горы, и рядом со мной сидели две женщины - мать и дочь, молитвенницы.³²

Тому, кто написал эту ложь, очевидно, неизвестно было, что Распутин не только не был грамотным и не мог вести дневник, но и то, что за всю историю Афонского монашеского полуострова на него никогда не разрешалось ступать женщине!

В то же время как преувеличенные и сфальсифицированные истории о недолжном поведении Распутина могут заполнить несколько книжных полок, существует два задокументированных происшествия, которые, хотя позже были значительно раздуты его врагами, похоже, действительно имели место: случай в ресторане "Яр" в Москве и случай на борту парохода "Товарпар", следовавшего в Покровское; обе истории произошли в 1915 году.

"Яр" был известный цыганский ресторан в районе Петровского парка в Москве. Роберт Брюс-Локхарт, британский вице-консул в России в то время, пишет о влиянии цыганской музыки, которая принесла ресторану его божественную репутацию:

Цыганская музыка более опьяняющая, более опасная, чем опиум, женщины или вино!... В их песнях есть столько тоски, перед которой ни славянские, ни кельтские народы устоять почти не могут. Лучше, чем слова, она выражает сдерживаемые и приглушенные желания людей. Она вызывает чудную меланхолию, которая наполовину лирична, наполовину чувственна. Есть в этом что-то от безграничных просторов русских степей. Это совершенно отлично от всего англо-саксонского. Она ломает всякие пределы сдержанности. Она может сделать человека стяжателем или даже преступником...³³

26 марта Распутин был, как говорили, причиной публичного скандала в “Яре”. Он приехал в Москву за день до этого, и на следующий вечер, сопровождаемый журналистом и двумя дамами, он пошел в ресторан “Яр”, где, согласно обвинениям, напился, грубо отзывался о Царице, говоря, что она у него под каблуком и даже, по общему мнению, раздевался на публике. Однако, эти обвинения весьма маловероятны: Брюс-Локхарт тоже был в “Яре” тем вечером и утверждает, что Распутин находился в небольшом частном номере, а не в общей зале ресторана.³⁴

К этому времени Распутин находился под постоянным наблюдением полиции. Когда он отправился из Петербурга в Москву, Московское отделение Охраны получило телеграмму из Санкт-Петербурга:

25 Марта курьерским № 1 выехал Москву Григорий Распутин кличка наблюдения “Темный” установить неотступно совершенно секретное наблюдение случае выезда сопровождайте. Телеграфируйте мне № 139. Полковник Глобачев.³⁵

Однако первый отчет об этом инциденте был сделан только два с половиной месяца спустя в письме, адресованном Начальнику Полиции Владимиру Федоровичу Джунковскому, от начальника Московского отделения Охраны:

5 июня 1915 г. № 291834.
Совершенно секретно. Лично

Его превосходительству г-ну товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов (Джунковскому).

По сведениям пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы полковника Семенова, 26-го марта сего года около 11 час. вечера в ресторан “Яр” прибыл

известный Григорий Распутин вместе с вдовой потомственного почетного гражданина Анисьей Ивановной Решетниковой, сотрудником московских и петроградских газет Николаем Никитичем Сосдовым и неуставленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты "Новости сезона", потомственного почетного гражданина Семена Лазарева Кугульского и пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал "матчиш" и "кэк-уок".

Затем в донесении говорится, что опьяневший еще более Распутин сам начал плясать и фамильярничать с певичками в таком роде:

"Этот кафтан подарила мне "старуха" (Императрица), она его и сшила... Эх, что бы "сама" сказала, если бы меня сейчас здесь увидела".

Полковник Мартынов продолжает свой доклад:

...он (Распутин) будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести разговоры с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: "люби бескорыстно"... На замечания заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя пред женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10-15 руб., беря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила и все прочие расходы по "Яру". Около 2 часов ночи компания разъехалась.

Об изложенном, вследствие телеграфного приказа от 31 минувшего мая за № 1330, имею честь донести Вашему Превосходительству.

Полковник Мартынов³⁶

Через два дня Полковник Мартынов послал Джунковскому другое письмо:

7 июня 1915 г. №. 300768.

Совершенно секретно.

Лично.

Его превосходительству г. товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов (Джунковскому).

В дополнение к донесению моему от 5-го сего июня за № 291834 имею честь представить при сем Вашему Превосходительству одну из собственноручных записок Григория Распутина, из числа розданных им, певичкам женского хора ресторана “Яр”, при посещении им этого увеселительного заведения 26 марта сего года. Записка написана карандашом на обрывке листа писчей бумаги и крайне неразборчиво по малограмотности ее автора, но, по-видимому, читается так: “Твоя красота выше гор. Григорий”.

Полковник Мартынов³⁷

К этому письму прикреплен маленький конверт с запиской, небрежно написанной на клочке бумаги почерком Распутина. Кроме двух писем, записки и предположений полковника Мартынова нет больше ничего в архиве Российской Федерации относительно этого дела.

Распутин любил цыган и их музыку. Весьма вероятно, что он выпил слишком много в тот вечер. Сама дочь Распутина, Мария, подтверждает, что ее отец начал сильно

пить в последние годы жизни.³⁸ Роберт Брюс-Локхарт заявлял, что можно было слышать шум и женские голоса, идущие из отдельного номера Распутина в "Яре". Московская полиция не хотела предпринимать какие-либо действия по собственному почину, и был вызван Джунковский. Используя это как еще одну возможность опорочить Распутина, он приказал его арестовать. Роберт Брюс-Локхарт был свидетелем того, как Распутин уходил из помещения, "огрызаясь и обещая отомстить", так как его уводила полиция.³⁹

Любопытно, что расследование полковника Мартынова не приводит никаких письменных свидетельств никого из компании Распутина в тот вечер - ни Решетниковой, ни Кугульского, ни Соедова.

Анисья Ивановна Решетникова была хорошей знакомой Распутина, и он обычно останавливался в ее доме под номером 35 на Большой Царицынской улице всякий раз, когда приезжал в Москву. Однако, Решетникова была 78-летней вдовой и вряд ли бы любила шумные попойки!*

Царь Николай Александрович отдал распоряжение Владимиру Федоровичу Джунковскому**, товарищу министра внутренних дел и губернатору Москвы, расследовать инцидент в "Яре" и доложить о нем непосредственно ему. Джунковский подал официальный доклад 1 июня 1915 года. Царь призвал Распутина к ответу. Сам Распутин признавал только, что был пьян, но утверждал, что это было спровоцировано намеренно другими. Распутин в свое оправдание говорил, что он, как и все люди, грешник.

*Жилыцы, живущие в настоящее время в здании бывшей собственности Решетниковой (ныне Большая Пироговская улица), рассказали автору, что живут в доме, известном как "дом любовницы Распутина". Представьте себе их изумление, когда они узнали, что "любовнице" было 78 лет! Однако, показательна такая известность дома.

** Джунковский В.Ф. (1865-1938), старинный соратник Императора по Преображенскому полку, служил губернатором Москвы (1905-1913) и товарищем министра внутренних дел (1913-1915). После Революции 1917 года Джунковский служил в ВЧК, ОГПУ и в НКВД, но в итоге был репрессирован Сталиным.

Распутин рассказал Белецкому, начальнику полиции, что никогда не видел Царя таким взбешенным.⁴⁰

В начале 1915 года Государь приказал Распутину покинуть столицу и отправиться в Покровское. Сестра Государя Ольга Александровна утверждает, что, когда дело касалось Распутина, последнее слово всегда оставалось за Царем:

...Зная Ники, как знала я, я должна настоять на том, что Распутин не имел и крошечного влияния на него. Именно Ники в конце концов положил конец визитам Распутина во Дворец. Опять же Ники посылал его назад в Сибирь, причем не раз. А некоторые письма Ники к Аликс недвусмысленно говорят, что он [Государь] думал о советах Распутина...⁴¹

Пытаясь дискредитировать Распутина, Джунковский рассказывал преувеличенные истории о случае в "Яре" прессе, членам Государственной Думы и некоторым Великим князьям. Эта информация в конечном счете появилась в ряде статей против Распутина в газете "Биржевые новости" с 14 по 18 августа 1915 года. В результате Джунковский был уволен 19 августа 1915 года. В своем увольнении он обвинял Распутина и Императрицу.

Но в письме от 15 сентября 1915 года, Императрица Александра Феодоровна писала:

Надоел этот отвратительный город. Сильно огорчена из-за того, что мое имя всегда упоминают так, как будто это я изгнала Орлова* и Джунковского из-за нашего Др[уга].⁴²

*Владимир Николаевич Орлов (1868-1927), генерал-лейтенант, начальник военно-походной канцелярии Е.И.В. (1906-1915); открыто критиковал Распутина; в 1915 году назначен помощником наместника на Кавказе.

Позднее московский градоначальник генерал Александр Александрович Адрианов послал Анне Вырубовой письмо, в котором рассказывал, что “по им самим проведенному расследованию, Распутин не принимал участия ни в каких неприличиях или непристойностях в “Яре””.⁴³ Это, однако, могло быть попыткой со стороны генерала Адрианова завоевать расположение Анны Вырубовой, или, может быть, самой Царской Семьи, но могло быть и результатом беспристрастного расследования - нам то неизвестно.

В 1915 году Александр Алексеевич Хвостов*, министр юстиции, начал проводить расследование деятельности Распутина, чтобы определить, есть ли причины для отдания приказа о его аресте, как предложил Михаил Родзянко. “Исследовав этот вопрос с такой точки зрения”, - заявил Хвостов на заседании Совета Министров 24 августа 1915 года, - “я абсолютно убедился в том, что нельзя сделать каких бы то ни было обвинений против него [Распутина], которые бы оправдали вмешательство судебных властей”.⁴⁴

После происшествия в “Яре” врагами Царя были предприняты новые попытки дискредитации Монархии. Николай Дмитриевич Тальберг служил в министерстве внутренних дел в последние годы правления Романовых и был самым молодым Государственным Советником страны. Вот его рассказ:

Иду я как-то в 1916 г. из Зимнего Дворца и вижу: около ресторана прогуливается знакомый мне агент Охраны. Видно, что не просто прогуливается, а у него какое-то дело. Спрашиваю. Отвечает: в ресторане Григорий Распутин с Великой княжной /.../. Но я только что видел Ее Высочество во Дворце, она не может быть здесь! Жду. Наконец из ресторана выходит пара. Распутин настоящий. С ним женщина с темной вуалью, так что лицо не видно. Она похожа на Ее Высочество, но явно не она! Спрашиваю агента: кто ему сказал, что с Распутиным Ее

* Не путать с ранее упомянутым Алексеем Николаевичем Хвостовым, министром внутренних дел, который пытался дать взятку Распутину.

Высочество? Ответ: мой начальник. Тогда мне стало ясно, что даже члены Царской администрации искусственно создавали легенды, порочащие Царскую Семью и ее окружение.⁴⁵

Сегодня в России известно, что в некоторых, быть может, во многих, приписываемых Распутину непотребствах виноват двойник. В своей книге "Мой отец" Мария Распутина упоминает, что ей было известно о людях, которые выдавали себя за Распутина: они появлялись в местах, пользующихся дурной славой, вводили людей в обман, что перед ними сам Распутин, вели себя непристойно, а затем исчезали.

М.В. Родзянко рассказывал о существовании таких самозванцев следующее:

Считаю небезынтересным упомянуть, что мне рассказывал граф Д.М. Граббе.* Его пригласил к завтраку известный князь Андронников, обделявавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина [поскольку Распутин был уже мертв]. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли на Распутина: борода, волосы, костюм - все было под Распутина. Андронников пытливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что он вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся.⁴⁶

Хотя вполне вероятно, что бывали случаи, когда кто-то выдавал себя за Распутина, нет никаких доказательств в пользу мнения, будто бы "двойник" был виновником *всех* неблагоприятных поступков, приписываемых Распутину.

Другой доклад сообщает о безобразном поведении Распутина на борту парохода, направлявшегося в Покровское 9 августа 1915 года. Распутин и его сын Дмитрий вернулись в Тюмень из Петрограда. В Тюмени Распутин навестил своего

* атаман войска Донского.

друга Дмитрия Дмитриевича Стряпчева, в доме которого он оставил своего сына, в то время как сам отправился искать пароход, который бы доставил его до дому.

Официальные документы относительно инцидента на пароходе "Товарпар" существуют на самом деле. В секретном письме Андрея Станкевича, губернатора Тобольска, князю Н.Б. Щербатову, министру внутренних дел, написано следующее:

9-го августа Григорий Распутин при восьмичасовом переезде на пароходе "Товарпар", переполненном публикой, из Тюмени в село Покровское напился пьян и учинил невероятное безобразие. К сожалению, ни на пароходе, ни на пристани не было чина полиции, и показания свидетелей пришлось собирать враздробь, а командир парохода, далеко ушедшего, и сейчас еще не допрошен.

Тем не менее, из прилагаемых свидетельств, в особенности написанного шведом-этнографом Гартевельдом, имеется полная картина недопустимого публичного беспорядка, произведенного Распутиным..⁴⁷

Нижеприведенное свидетельство было записано 13 августа 1915 года по просьбе губернатора Тобольска Юлиусом Гартевельдом, шведским подданным, плывшим на "Товарпаре":

9-го августа в 11 часов утра я с моей женой выехал на пароходе "Товарпар" из г. Тюмени в г. Тобольск. На пароходе находился в каюте № 14 Распутин, который, по словам капитана парохода М.К. Матвеева, возвращался из Петрограда в село Покровское. После отхода парохода от Тюменской пристани в салоне первого класса появился Распутин и уселся пить чай. Он был одет в розовую парчовую рубаху /очень грязную/, на ногах были ночные

туфли, но в разрезе брюк военного образца... Поведение Распутина в это время было странное, и движения его были нервны и порывисты, но все это имело нормальный характер, и Распутин вел себя, что называется, "чин чином". Вскоре в салон I-го класса вышла моя жена с знакомым господином, с которыми Распутин немедленно вступил в оживленную беседу и предложил им свою книгу под названием "Мои мысли". На книге Распутин сделал надпись: "любовь выше гор"... Разговор часто прерывался, так как Распутин несколько раз уходил в свою каюту. Результаты этих отлучек сказались в постепенном, но быстром опьянении Распутина. Уже около двух часов Распутин оказался в состоянии полной невменяемости... Наконец, около 3-х часов дня уже окончательно пьяный Распутин притащил в салон I-го класса около пятнадцати солдат рядовых, ехавших с ними на пароходе. Он усаживал солдат за общий табльдот и требовал, чтобы они пели ему песни. При этом он говорил солдатам, что ему "дана такая власть из Петрограда", желая тем побудить робеющих зайти в первый класс. Робко и застенчиво, при общем недоумении пассажиров, солдаты вошли в салон. Некоторые дамы убежали, испугавшись. В эту минуту появился капитан и энергично потребовал немедленного удаления солдат, которые ему беспрекословно повиновались. После ухода солдат между Распутиным и капитаном произошла перебранка. Пьяный Распутин ни с того ни с сего набросился на официанта со словами: "Ты жулик, ты украл из моей каюты 3.000 рублей". На слова официанта, который сказал, что он будет жаловаться в суд, Распутин громогласно заявил: "со мною не судись, меня и в Петрограде боятся"... Утомившись, Распутин пошел к себе в каюту... лег на своем диване и начал петь песни, которые сопровождалось дикими завываниями... он то плакал, то хохотал... Все это

можно объяснить только чрезвычайной степенью опьянения. Окно каюты Распутина было открыто, и толпа смотрела на беснующегося Распутина, получая таким образом даровое представление. Настроение толпы по отношению к Распутину было презрительно-насмешливое... Гам и хохот все время стояли у окна... Когда пароход подходил к Покровскому, Распутина не удалось привести окончательно в чувство, и матросы должны были вывести его на берег. Толпа хохотала и улюлюкала...

Подтверждаю, что показание это дано мною по чистой совести и вполне соответствует истине.

Подлинный подписал шведский поданный композитор этнограф Юлиус Наполеон Вильгельмов Гартевельд.

Адрес: Москва, Королевское Шведское Консульство.⁴⁸

Верно: Чиновник особых поручений IV кл.

при министре Внутренних Дел Л.З. Яблонский

Николай Самсонович Шелехов, помощник волостного писаря из Екатеринбурга, тоже был на борту парохода "Товарпар" с Григорием Распутиным и свидетельствует, что "слышал, что в каюту Распутина на пристани в Тюмени занесли ящик коньяку..."⁴⁹

Александр Иванович Михалев, тюменский купец, тоже был на "Товарпаре", и тоже был опрошен:

Он [Михалев] видел Распутина на пристани до отхода еще парохода, и он ему показался в нетрезвом виде... В Покровском Распутина вывели на берег матросы, а багаж его выбросили. На пароходе было много публики. После Распутина в каюте его остались две пустые бутылки из-под коньяка, а на полу была лужа воды, *уверяли*, что Распутин в каюте, пьяный, отправлял естественные надобности....⁵⁰

Последнее свидетельство, существующее в Санкт-Петербургских архивах, принадлежит Алевтине Ивановне Будриной, жене титулярного советника губернатора Тобольска. Она рассказывает:

9 августа 1915 г. я села на пароход "Товарпар" в Тюмени для следования в г. Тобольск... Когда я вновь вышла из каюты, мне пассажиры начали рассказывать, что Григорий Распутин предлагал всем свои книги и раздавал. Книги эти я увидела на столе в салоне, взяла одну и читала, решив попросить ее / это была изданная книжка Г.Р. "Мои мысли и воспоминания"/. Вскоре поднялся из III-го класса Г. Распутин в пьяном виде. Увидав его таким, я положила книгу, решив уже не просить ее, и вышла в коридор... Несколько времени спустя я, выйдя из каюты в коридор, увидела нескольких солдат и Гр. Распутина, приглашающего их в столовую "кушать рябков". Солдаты сильно смущались, но он, подталкивая их, начал усаживать за стол. Доложили капитану, тот пришел, велел выйти солдатам и, обращаясь к Распутину, сказал: "Григорий Ефимович, разве Вы не знаете, что по закону нижние чины не могут быть в I-м классе?" Распутин начал ходить за капитаном, стонать и говорить: "за что ты меня обидел, ты кровно меня обидел". Капитан скрылся от него на верхнюю палубу. Тогда Распутин в коридоре I-го класса привязался к официанту и сказал, что тот украл у него три тысячи. За официанта вступился какой-то господин, и все начали крупно разговаривать. Распутин кричал: "я никого не боюсь, ты будешь судиться со мной в Петрограде"... Так крича, они спустились в III-й класс, и там начался ужасный шум. Нам сказали, что Григория Распутина побили. Вскоре он поднялся в I-й класс совершенно пьяный... После этого я увидела Григория Распутина уже в Покровском селе, где его едва-едва разбудили

и привели в себя. Шатаясь, растрепанный, лохматый, он вышел на берег и тотчас же уехал на своей лошади с дочерью домой. Подписала жена титулярного советника Алевтина Ивановна Будрина, г. Тобольск.⁵¹

Верно: Чиновник особых поручений IV кл.
при министре Внутренних Дел Л.З. Яблонский

В первые годы своего пребывания в Петербурге Распутин производил на людей другое впечатление. Полковник Дмитрий Николаевич Ломан, штабс-офицер для поручений при Дворцовом управлении в Царском Селе, позже говорил о Распутине в ранние годы:

Познакомившись с Распутиным, стал его посещать с женою [Ольгой Васильевной], а равно и он бывал у меня, но встречи наши не были часты. В то время Распутин вел себя безукоризненно, не позволял себе ни пьянства, ни особого оригинальничанья. Распутин произвел на меня очень хорошее впечатление. Подобно доктору, ставящему диагноз при болезни физической, Распутин умело подходил к людям, страдающим духовно, и сразу разгадывал, чего человек ищет, чем он волнуется. Простота в обращении и ласковость, которую он проявлял к собеседникам, вносили успокоение..⁵²

Позже один церковный иерарх напишет:

До тех пор, пока он ужас этой трагедии сознавал, не все еще было потеряно; но он впоследствии дошел до оправдания своих падений, - и это был конец.⁵³

Распутин в это время был уже не тем человеком, который пришел в Санкт-Петербург в конце 1903 года. Годы давления, как со стороны тех, кто ожидал от него каких-то услуг, так и

со стороны клеветников, его собственное недостойное поведение - все это сказывалось на Распутине. Он сгибался под тяжестью искушений столичной жизни, где даже его личная жизнь, в ретроспекции, есть ни что иное, как жизнь постоянно на глазах общества.

IX

Законы поправы

*В убийстве Распутина не было ничего героического... Это было отвратительное преднамеренное убийство. Только подумайте, какие два имени и по сей день в первую очередь упоминаются в связи с ним - Великий князь, один из внуков Царя Освободителя, и потомок одного из наших великих домов, чья жена была дочерью Великого князя. Это показывает, как низко мы пали!*¹

*Великая княгиня Ольга Александровна,
сестра Государя Николая II*

Юсуповы были, вероятно, самой богатой семьей в дореволюционной России. В феврале 1914 года их семейный престиж возрос еще более из-за брака молодого князя Феликса Юсупова с племянницей Царя, княжной Ириной, дочерью сестры Царя, Великой княгини Ксении Александровны и Великого князя Александра Михайловича.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Императрицы, была близким другом Юсуповых. Ее имение в Ильинском, недалеко от Москвы, находилось неподалеку от имения Юсуповых в Архангельском. Сергей Оболенский, двоюродный брат Феликса Юсупова, рассказывает, каким образом подружились Феликс и Великая княгиня Елизавета Феодоровна:

Когда мне было восемнадцать, все Санкт-Петербургское общество ужаснулось трагедии, которая была так близка Двору. Старший брат Феликса, Николай Юсупов, был чрезвычайно красив собою... В то время в Санкт-Петербурге было три сестры, пользовавшиеся большим успехом в обществе; одна из них, графиня Марина Хайден... более других выделялась своей красотой. Она была

соблазнительна, очень популярна и большая кокетка. У нее состоялась помолвка с бароном Мантеуфелем, лейтенантом конной гвардии. В это время она встретила Николая Юсупова, который захотел на ней жениться. Его родители отказывались и думать об этом, а Феликс старался отговорить его. Она, тем временем, осталась помолвленной с Мантеуфелем и отправилась в Париж за своим приданым. Однако, Николай под каким-то предлогом отправился туда же, а когда Мантеуфель услышал, что их видели вместе в различных ресторанах, то и сам устремился туда. Произошло несколько бурных сцен... Мантеуфель вызвал Николая на дуэль, которая должна была состояться в Санкт-Петербурге. Почти все влиятельные лица Санкт-Петербурга, знавшие Юсуповых, старались предотвратить дуэль. 22 июня 1908 года в Санкт-Петербурге Николай и Мантеуфель встретились у барьера в двадцати шагах, что ужасно близко. Николай был убит сразу. Мантеуфель женился на той даме. Это был страшный удар для тети Зинаиды. Двор находился в настоящем шоке. Трагедия глубоко потрясла Феликса, который пережил глубокий религиозный кризис. Великая княгиня Елизавета Феодоровна поддержала его. Ее муж, Великий князь Сергей Александрович, был убит бомбой революционера, а сама она, раздав все свое состояние бедным людям, стала монахиней и посвятила жизнь помощи обездоленным. Именно она оказала огромное влияние на религиозное мировоззрение Феликса.²

Неизвестно, как сильно повлияла Елизавета Феодоровна на "усмирение" распутного молодого человека. К.С.Льюис, известный английский христианский апологет и профессор литературы, в бытность свою соискателем докторской степени в Оксфордском университете, подробно излагает одно

интересное наблюдение касательно Юсупова в дневнике за 1927 год :

Хилсборо
9 Фев. 1927

[А.Д. Карлейль]* рассказал мне еще больше об убийце Распутина, который не мог сдать ни одного экзамена и предложил Фарку (**), что “конечно, он полагает, не составит труда все устроить в случае такой знатной персоны”. Когда ему сказали, что организация наших экзаменов чрезвычайно демократична, он воскликнул: “Но что же мне делать? Мои родители не позволят мне жениться, если у меня не будет какого-нибудь диплома. Они просто пошлют меня в какой-нибудь другой университет”. В конце концов Фаркухарсон и Карлейль сами сделали и вручили ему сертификат, обставив все весьма важно и торжественно.³

Феликс Юсупов, который познакомился с Григорием Распутиным с помощью Муни Головиной в 1909 году, был весьма враждебно настроен как к Распутину, так и к самой Императрице Александре Феодоровне, обвиняя их в отставке своего отца, Феликса старшего, с поста генерал-губернатора Москвы, который он занимал в течение нескольких месяцев в 1915 году.

Юсупов, склонный к преувеличениям, писал:

Видя шпионаж и измену, царившие повсюду, мой отец предпринял драконовские меры, чтобы очистить Москву от такого оккультного господства врага [т.е., от немецкого влияния]. Но большинство

* Александр Джеймс Карлейль (1861-1943) был капелланом Университетского колледжа в Оксфорде с 1893 г.

** Артур Спенсер Фаркухарсон (1871-1942), ставший соискателем доктората в 1898 году в Оксфорде, был деканом по назначению ученых степеней в Университетском колледже в Оксфорде.

министров, получивших свои посты благодаря влиянию Распутина, были германофилами... и мешали исполнению всех его приказов.⁴

Георгий Катков, профессор и историк Оксфордского Университета, уверяет, что подлинной причиной для смещения Юсупова-старшего был его отказ принять меры против разгрома толпой народа нескольких коммерческих предприятий, у владельцев которых были немецкие или просто иностранные фамилии. Прогерманским князь Феликс Юсупов называет Кабинет Министров, назначенный без всякого вмешательства Распутина в июле 1915 года, в который входили князь Николай Щербатов, Александр Кривошеин, Петр Харитонов и Алексей Поливанов. Эти министры были решительно настроены против Юсупова-старшего и считали, что он в качестве генерал-губернатора Москвы "не только нежелателен, но и неприемлем".⁵

В воспоминаниях князя Феликса Юсупова говорится о враждебном чувстве, которое питали в его семье к Государыне. Согласно Юсупову, Императрица Александра Феодоровна прекратила все отношения с матерью князя, Зинаидой Николаевной Юсуповой, летом 1916 года. Зинаида Юсупова испросила аудиенцию у Императрицы, чтобы предостеречь последнюю против Распутина... Вот как сам Юсупов рассказывает об этом: "Ее Величество приняла ее [Зинаиду] очень холодно, и, как только она узнала о цели визита, она предложила ей покинуть Дворец. Моя мать заявила, что не собирается уходить до тех пор, пока не скажет все, что должна сказать," - пишет Юсупов... Когда она закончила, Императрица, которая слушала ее в молчании, поднялась и проводила ее словами: "Я надеюсь, что никогда больше не увижу Вас".⁶

Склонность Феликса Юсупова к преувеличениям не позволяет определить, насколько точным является его описание встречи в 1916 году его матери и Императрицы. Если это, в самом деле, более или менее правдивое отображение той встречи, то оно может объяснить крайнюю

враждебность, которую Юсупова затаила к Императрице с того момента. Ее проявление можно найти в письмах, которые она писала своему сыну за несколько недель до убийства Григория Распутина. 25 ноября 1916 года она напоминает ему о том, что она предлагала два года назад: “отстранить Управляющего” [их семейное название для Царя] “на все время войны” и добиться “невмешательства” Императрицы “в государственные дела”. Юсупова, очевидно, не видела ничего плохого в том, что сама вмешивалась в эти самые дела. “Теперь я еще раз повторяю, что до тех пор, пока не решатся эти два вопроса, ничего нельзя будет добиться мирными средствами”. 3 декабря 1916 года она возобновляет свои советы, указывая, “что будет очень просто сделать [Императрицу] неспособной причинить какой-нибудь еще вред, объявив ее больной. Это необходимо, - добавляет она, - нам нужно торопиться”.⁷ Зинаида Юсупова призывала ни к чему иному, как к государственному перевороту.

Молодой князь Феликс Юсупов серьезно отнесся к словам матери. К началу ноября 1916 года он уже начал собирать группу людей, чьей целью было избавиться от Григория Распутина.

Одним из первых, чьей поддержкой заручился Юсупов, был его друг детства, Великий князь Дмитрий Павлович, двоюродный брат Царя Николая II. Великий князь Дмитрий Павлович и его сестра Великая княгиня Мария Павловна (младшая) после ссылки их отца во Францию воспитывались Великой княгиней Елизаветой Феодоровной и ее мужем, Великим князем Сергеем Александровичем. Их отец, Великий князь Павел Александрович, любимец всей Царской Семьи, после смерти первой жены женился вторично на разведенной женщине, что было недопустимо для близких родственников Царя и возможных наследников Престола, и по закону влекло за собой высылку из России. Дмитрий и Мария остались в России во время пребывания отца во Франции.

Хотя сама Великая княгиня Елизавета Феодоровна не была вовлечена в заговор против Распутина, она, возможно, была осведомлена о том, что Дмитрий и Феликс планировали

предпринять что-то против него. Сестра Дмитрия Мария пишет:

Перед принятием решения присоединиться к заговору Дмитрий нанес тете Элле [Елизавете Феодоровне] визит в Москве. Он разговаривал с ней до тех пор, пока не почувствовал, что знает теперь, в каком состоянии была Государыня*. И только после этого, убедившись сам, что было мало надежды на благополучный исход, он решил присоединиться к тем нескольким людям, готовым предложить свою развязку... После встречи с Дмитрием, и, обдумав ситуацию со всех сторон, она [Великая княгиня Елизавета Феодоровна] решила предпринять последнюю попытку повлиять на Императорскую Чету...⁸

* Письмо Императрицы своей фрейлине, молодой Графине Анастасии Хендриковой, от 22 октября 1916 года особенно ярко отражает настоящее душевное состояние Императрицы Александры Феодоровны в то время. Письмо написано в период, когда ее называли "неуравновешенной" даже некоторые из ее родственников.

Дорогая моя Анастасия,

Сожалею, что твое расположение духа снова ухудшилось; но все же таких моментов не избежать. Если бы могли всегда сохранять душевное равновесие (как нам и, в самом деле, следовало бы), мы были бы совершенны. Это одна из самых трудных вещей. И когда наше физическое состояние оставляет желать лучшего, наше настроение портится, и благодать Божия на время покидает нас. Но не тревожься: с помощью молитвы ты снова оправишься. Было бы очень легко жить, если бы благодать всегда была с нами; нужно преодолевать и понуждать себя формировать характер. Приступы гнева нужно сдерживать. Должно много трудиться для достижения совершенства. Имей мужество и молись, как нас учили. Зло всегда старается победить нас и смущает нас в моменты, когда мы малодушны. Жизнь - это вечная борьба, и Всемогущий Бог поможет нам победить, если мы смиренны пред Ним и вверяем себя Его воле...

Потерпев неудачу в своем намерении, Великая княгиня Елизавета Феодоровна возвратилась в Москву. Мария Павловна, ее подопечная, пишет:

Она [Великая княгиня Елизавета Феодоровна] рассказала мне все подробности своей последней поездки в Царское Село... Государя не было, когда она прибыла в Царское Село. Она получила от своей сестры - Императрицы - холодное приветствие, и ее отображение мрачного, мятежного настроения Москвы и необходимость немедленных перемен привели к мучительной сцене. На следующее утро она получила короткую записку от Императрицы, просящую ее уехать. Их представления, - писала Императрица, - так сильно отличаются, что никогда для них не будет возможным прийти к соглашению... Моя тетя вернулась в Москву очень подавленной.⁹

Но Государыня по-другому видела результаты этой встречи. Четыре дня спустя после отъезда ее сестры она писала своему мужу:

Милый, верь мне, нам следует слушаться советов нашего Друга. Он так горячо, денно и ночью молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, - как я в этом глубоко убеждена, и в чем мне удалось убедить Эллу [Елизавету], - и так будет впредь - тогда все будет хорошо.¹⁰

Этот контраст во мнениях интересно отметить, потому что Государыня, очевидно, была уверена, что ей, наконец, удалось расположить сестру в пользу Распутина. Однако, глядя на последующие события, кажется, что скорее всего Елизавета Феодоровна поняла, что ей никогда не удастся переубедить сестру. Тогда она, возможно, перестала нападать на Распутина и хранила молчание, и, таким образом, у

Императрицы создалось впечатление, что ей, наконец, удалось убедить ее. Как бы там ни было, из дневника Царя известно, что 1 декабря 1916 года, поужинав с Царской Семейей, Елизавета Феодоровна покинула Царское Село и отправилась на вокзал в сопровождении Государыни и ее дочерей, что вряд ли могло быть результатом “неприятной сцены”.

Владыка Анастасий, викарный епископ Москвы и близкий друг Елизаветы Феодоровны, встретился с ней сразу же по ее возвращении в Москву. В проповеди, которую он сказал в память Великой княгини в 1920-х годах, он процитировал, по его словам, высказывание Елизаветы Феодоровны: “Этот ужасный человек хотел отделить меня от моих родных. Слава Богу, ему это не удалось”... - слова, которые представляют собой убедительное свидетельство того, что, несмотря на неудачу миссии Великой княгини, между сестрами не возникло горькой неприязни.¹¹

Вероятно, наиболее беспристрастной и спокойной оценкой ситуации является мнение Великой княгини Ольги Александровны:

Только моя мать и тетя Элла в действительности принимали интересы Ники близко к сердцу, - но ни мама, ни тетя не знали всех подробностей. Они тоже основывали свои суждения на слухах, но, по крайней мере, совершенно искренне были обеспокоены положением вещей.¹²

Помимо Великого князя Дмитрия Павловича, Феликс Юсупов заручился поддержкой другого знакомого в заговоре против Распутина - капитана Сергея Сухотина - и старался заручиться помощью члена Думы Василия Алексеевича Маклакова, брата бывшего министра внутренних дел и видного деятеля кадетской партии. Феликс Юсупов был разочарован исходом их встречи, по словам Маклакова:

- Я не собираюсь убивать его сам, - сказал Юсупов. Это должны сделать революционеры. Они уже много поубивали высокостоящих чиновников.

А Распутин во много раз более опасен, чем они все.

Маклаков объяснил ему, что не в интересе революционеров избавляться от человека, так компрометирующего Монархию.

- Мы могли бы найти кого-нибудь, кто сделал бы это просто за деньги. Я готов заплатить за это сколько угодно, - ответил Юсупов.

Эта фраза разозлила Маклакова: Вы думаете, я содержу бюро наемных убийц? - спросил он.

Маклаков отговаривал своего посетителя обращаться к такому грязному способу и позволил приходить к нему еще, так как он может "уберечь его от бесполезных ошибок".¹³

Тогда Феликс Юсупов обратился к другому депутату, но, в этот раз, из крайне правого крыла Думы. Это был Владимир Митрофанович Пуришкевич, защитник Самодержавной власти Царя и русской традиции, непримиримый антисемит. Он ненавидел Думу, считая ее опасной копировкой Запада, уступкой, на которую Царя вынудили пойти. Позднее он вступил в ее члены, но делал все возможное, чтобы сорвать ее заседания, с освистыванием, дискредитацией и т.д. Интересно заметить, что во время войны Пуришкевич по собственному почину организовывал поезда для доставки на фронт провизии, книг, одеял и медикаментов.

Мария Распутина сказала о Пуришкевиче следующее:

Душой заговора был, я уверена, старший из трех сообщников, депутат Владимир Пуришкевич. Когда жители Санкт-Петербурга впервые поверили в

политическое влияние моего отца, к нему несколько раз приходил этот демагог, считавший, подобно многим другим политикам такого типа, что это его миссия - оказывать господствующее влияние на судьбу России. Его амбиции в то время были направлены на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, который в сентябре 1916 года был пожалован Государем товарищу президента Думы Александру Протопопову. С того дня визиты Пуришкевича прекратились, и я помню, как отец иронизировал по этому поводу. Но Пуришкевич, который был готов на что угодно для удовлетворения своих амбиций, уже с того времени начал считать моего отца препятствием, которое он был полон решимости устранить.¹⁴

Речь Пуришкевича против Распутина в Думе 19 ноября 1916 года, которую слышал и Юсупов, была чрезвычайно бурной. Пуришкевич согласился присоединиться к заговору, после чего Юсупов заручился поддержкой доктора Станислава Лазоверта, врача госпитальных поездов Пуришкевича.

Юсупов писал, что было решено применить яд как вернейший способ убить Распутина без следов. Местом казни была выбрана комната в подвале его фамильного дворца в Санкт-Петербурге на Мойке.¹⁵

Ранее в том же году Распутин, обеспокоенный собственной безопасностью, посетил генерала Александра Спиридовича, помощника дворцового коменданта, и просил того приставить к нему несколько агентов охраны. Спиридович вспомнил слова Распутина:

Несомненно, они убьют меня, милый мой! И Вы все тоже погибнете! Они убьют всех вас. Папу и Маму [Императора и Императрицу] они убьют тоже.

Григорий Распутин произнес эти слова с такой силой, что Спиридович, который до того момента не был склонен к мистицизму, говорил о том, что двоих других людей - свидетелей этой сцены - охватило чувство острой тоски:

Они ясно поняли, что Распутин на самом деле только что произнес пророчество.¹⁶

Позже, в 1916 году, Распутин диктовал другое, похожее пророческое послание, озаглавленное: "Дух Григория Ефимовича Распутина-Нового из села Покровского":

Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января я уйду из жизни. Я хочу русскому народу, Папе, русской Маме, детям и Русской Земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, Русский Царь, некого опасаться. Оставайся на твоём Троне и царствуй. И ты, Русский Царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне, и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства. Русской Земли Царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей Семьи, т.е. детей и родных не проживет дольше двух лет. Их убьют. Я ухожу и чувствую в себе Божеское указание сказать Русскому Царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я им

заплатил моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде. Григорий ¹⁷

Арон Симанович, секретарь Распутина, говорит, что отнес письмо Императрице. Хотя она никак прямо не отреагировала на его содержание, Симанович говорит, что она попросила не показывать его Царю, вероятно, боясь, что оно может негативно сказаться на его душевном спокойствии, особенно в то время, когда он был полон забот о событиях на фронте. Симанович говорит, что он вручил письмо на хранение митрополиту Питириму и уверяет, что после убийства Царской Семьи письмо было ему возвращено вместе с другими записями Распутина. Бернард Парес, известный английский писатель и историк, вспоминает, что видел фотографию этого письма в 1934 году в Париже. ¹⁸

16 декабря 1916 года Григорий Распутин получил приглашение от князя Феликса Юсупова прийти во дворец Юсуповых для встречи с его женой. Хотя он и был предупрежден Анной Вырубовой и Александром Протопоповым о том, что рискованно выходить на улицу поздно вечером из-за грозившей его жизни опасности, Распутин все же согласился пойти к Юсуповым. Перед тем как заехать за Распутиным, доктор Лазоверт впрыснул цианистый калий в несколько сладких пирожных, которые собирались предложить Распутину, а также налил яд в стаканы с вином. Место действия было подготовлено.

Доктор Лазоверт, переодетый шофером, привез Феликса Юсупова к дому Распутина на улице Гороховой, 64. Чтобы не привлекать внимания консьержа, Юсупов вошел в дом по лестнице черного хода и постучал в дверь квартиры № 20. Несколько минут спустя Юсупов, Распутин и Лазоверт были уже в пути ко дворцу Юсуповых. По приезде они были встречены звуками граммофона. Это была американская песенка "Янки Дудл Денди". Юсупов сказал Распутину, что у его жены гости, и она присоединится к ним, как только они уйдут. Затем он проводил Распутина вниз, в подвальную

комнату, которая была переделана в столовую. Распутин был очарован находившимся там лабиринтообразным буфетом. Возможно, он и стал что-то подозревать, так как отказался сначала от чая и вина. В своей книге Юсупов утверждает, что он все же уговорил Распутина съесть несколько отравленных пирожных. Дочь Распутина Мария отвергает версию Юсупова, утверждая, что ее отец никогда не любил и не ел ничего сладкого.

Далее повествование Юсупова становится сомнительным. По его словам, Распутин не только съел пирожные с цианидом, но и выпил отравленного вина. Тем не менее, ничего не произошло. Этого уже довольно, чтобы возбудить подозрение читателя. Даже несколько миллиграммов цианида смертельны. Смерть наступает через несколько секунд из-за парализации дыхательных путей. Впрочем, нет сомнений, что Распутин ел помолвившись и благословив пищу и питье, и - по слову Христа: *"и если что смертоносное выпьют, не повредит им"* (Мк. 16, 18).

Согласно Юсупову, Распутин никак не реагировал на действие яда, и Юсупов взбежал наверх сообщить об этом остальным заговорщикам. Ему сказали вернуться вниз и предложить Распутину еще пирожных и вина. После нескольких отлучек наверх из-за неэффективности яда нервы заговорщиков были на пределе, а доктор Лазоверт упал в обморок.

Когда Юсупов последний раз вернулся, Распутин увлекся хрустальным распятием, и, пока он рассматривал его, Феликс Юсупов приблизился к нему сзади, нервно сказал: "Лучше помолись!" и выстрелил ему в спину. Григорий повалился на ковер. Другие заговорщики, услышав шум, устремились вниз по лестнице в подвал, один из них случайно толкнул выключатель, и комната погрузилась в полнейший мрак. Когда свет снова зажгли, они увидели Распутина, лежащего на спине с закрытыми глазами. После обследования тела доктор Лазоверт объявил, что Распутин мертв. Было около 3-х часов ночи.

Великий князь Дмитрий Павлович и капитан Сергей Сухотин после этого уехали. Сухотин надел шубу и шапку Распутина, чтобы случайные прохожие могли потом подтвердить, что видели Распутина, покидавшего дворец. Юсупов, Пуришкевич и Лазоверт пошли наверх. Вскоре Феликс Юсупов решил спуститься вниз - взглянуть на тело. Он потряс его, но Распутин лежал, не шевелясь. Затем, к ужасу Юсупова, веко Распутина дернулось, и он, поднявшись, схватил Юсупова за шею. Юсупов в ужасе взбежал по лестнице наверх, зовя на помощь Пуришкевича. Распутин поднимался из нижнего помещения по ступенькам лестницы и достиг потайной двери, выходившей на двор. В приливе невероятной силы он выбил дверь и побежал, пытаясь пересечь двор. Пуришкевич, прицелившись на бегу, два раза выстрелил из револьвера, но мимо. Однако следующие два выстрела попали в цель, и Распутин упал на землю. Пуришкевич подбежал к телу и стал бить Распутина по голове тяжелыми сапогами. Два солдата помогли подтащить тело Распутина к дому, где Юсупов в припадке бешенства напал на него и стал избивать палкой.

Юсупов пишет:

Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало. Все Божеские и человеческие законы в эту минуту были попорчены.¹⁹

Пуришкевич подтверждает ужасы происшедшего:

[Юсупов,] очевидно, не хотел верить в то, что Распутин - уже мертвое тело, и, подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску... стоило чрезвычайных усилий оттянуть Юсупова. Наконец, князя оттащили... и под руки подняли его наверх, всего сплошь забрызганного

кровью... в кабинет... На него было страшно смотреть, до такой степени ужасен был его вид и со стороны внешней, и со стороны внутренней, с блуждающим взглядом, с подергивающимся лицом, и бессмысленно повторявшим [свое собственное имя]: - Феликс, Феликс, Феликс, Феликс!..²⁰

Капитан Сергей Сухотин и Великий князь Дмитрий Павлович вернулись к тому времени на машине Великого князя. Они подтащили тело Распутина к машине и втокнули его в отделение для багажа. Затем они отвезли тело к Петровскому мосту на Малой Невке и бросили в прорубь.

Когда появились первые слухи об исчезновении Распутина, Феликс Юсупов, боясь, что он будет обвинен в преступлении, сам пошел к министру юстиции Макарову с целью выяснить, сколько тому уже известно. Макаров стал расспрашивать Юсупова о бывшей у всех на устах истории о том, что накануне Пуришкевич у дворца Юсупова хвастливо заявлял жандарму, что он убил Распутина. На это Юсупов ответил, что Пуришкевич слишком много выпил в тот вечер.

Кроме того, Юсупов хотел добиться аудиенции у Императрицы, чтобы отвести от себя дальнейшие подозрения, но она отказалась принять его, говоря, что все, что он желает ей сказать, может быть сказано в письме.

Татьяна Мельник, дочь врача Царской Семьи Евгения Боткина, пишет:

Вскоре после убийства Юсупов просил аудиенции у Ее Величества, в которой ему было отказано, так как у Ее Величества, как она говорила моему отцу, явилось подозрение, что эта аудиенция окончится покушением уже лично на нее..²¹

Письмо, составленное Юсуповым, Великим князем Дмитрием Павловичем и Владимиром Пуришкевичем, было отправлено Государыне в тот же день.²²

17 декабря 1916 года

Ваше Императорское Величество,

Спешу исполнить Ваше приказание и сообщить Вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то ужасное обвинение, которое на меня возлагают.

По случаю новоселья ночью 16-го декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей, несколько дам. Великий князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12 ко мне протелефонировал Григорий Ефимович, приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер и спросил, откуда он мне звонит. Он ответил: "Слишком много хочешь знать," и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много голосов. Вот все, что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче.

Вернувшись от телефона к своим гостям, я им рассказал мой разговор по телефону, чем вызвал у них неосторожные замечания. Вы же знаете, Ваше Величество, что имя Григория Ефимовича во многих кругах было весьма непопулярно.

Около 3-х часов у меня начался разъезд и, попрощавшись с Великим князем и двумя дамами, я с другими пошел в свой кабинет. Вдруг мне показалось, что где-то раздался выстрел. Я позвонил человека и приказал ему узнать, в чем дело. Он вернулся и сказал: "слышен был выстрел, но неизвестно откуда". Тогда я сам пошел во двор и лично спросил дворников и городских, кто стрелял. Дворники сказали, что пили чай в дворницкой, а городской сказал, что слышал выстрел, но не знает, кто стрелял. Тогда я пошел домой, велел позвать городского, а сам протелефонировал Дмитрию Павловичу, спрося, не стрелял ли он. Он мне ответил след., что, выходя из дома, он выстрелил неск. раз в

дворовую собаку, и что с одной дамой сделался обморок. Тогда я ему сказал, что выстрелы произвели сенсацию, на что он мне ответил, что этого быть не может, т.к. никого кругом не было.

Я позвал человека и пошел сам на двор, и увидел одну из наших дворовых собак убитой у забора. Тогда я приказал человеку зарыть ее в саду.

В 4 часа все разъехались, и я вернулся во дворец Вел. князя Александра Михайловича, где я живу.

На другой день, т.е. сегодня утром, я узнал об исчезновении Григория Ефимовича, которое ставят в связи с моим вечером. Затем мне рассказали, что как будто видели меня у него ночью, и что он со мной уехал. Это сушая ложь, т.к. весь вечер я и мои гости не покидали моего дома. Затем мне говорили, что он кому-то сказал, что поседет на днях познакомиться с Ириной. В этом есть доля правды, т.к., когда я его видел в последний раз, он меня просил познакомить его с Ириной и спрашивал, тут ли она. Я ему сказал, что жена в Крыму, но приезжает числа 15 или 16-го декабря. 14-го вечером я получил от Ирины телеграмму, в которой она пишет, что заболела и просит меня приехать вместе с ее братьями, которые выезжают сегодня вечером.

Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся, и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся.

Остаюсь глубоко преданный Вашему Величеству,
Феликс.²³

По последовавшему позже собственному признанию Юсупова, все в письме было стопроцентной выдумкой. Императрица не позволила себя обмануть и велела генералу Максимовичу, помощнику командующего Императорской главной квартирой, поместить обоих, и Юсупова, и Великого князя Дмитрия Павловича, под домашний арест. Предпринятое ею действие было осуждаемо многими другими членами

Семьи Романовых, так как только Император имел право отдавать приказы об аресте кого-нибудь из Императорской Семьи. Тем не менее, оба были помещены под арест, и этот приказ был подтвержден Царем по его возвращении в столицу 19 декабря.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, так ни разу и не встретившаяся с Распутиным, писала Царю из Москвы:

16 [и 17*] декабря 1916 г.

...Сюда дошло известие, что Феликс убил его (Распутина), мой маленький Феликс, я знала его ребенком, который всю свою жизнь боялся убить даже животное, который не хотел становиться военным, чтобы никогда не иметь возможности пролить кровь. И я представляю себе, через что он должен был пройти, чтобы совершить такое деяние, и как, движимый патриотизмом, он решился спасти своего суверена и страну от того, что причиняло страдания всем. Я телеграфировала Дмитрию, не зная, где был мальчик, но не получила ответа, и с тех пор длится какое-то молчание. Я не хочу знать всех деятелей, какие там, говорят, были замешаны. Все были сосланы в разные стороны; и слава Богу, что это так - преступление остается преступлением, но это, будучи особенным, может считаться дуэлью и рассматриваться как акт патриотизма, а для таких дуэлей закон, я думаю, мягче.²⁴

18 декабря, после попытки ходатайства за Юсупова перед Царем, Великая княгиня Елизавета Феодоровна послала две телеграммы: Дмитрию Павловичу и Зинаиде Юсуповой. Они были перехвачены и переданы дворцовому коменданту Владимиру Николаевичу Воейкову, который вручил их Императрице. Они гласили:

*Великая княгиня Елизавета Феодоровна датировала это письмо тем самым днем, в который совершилось убийство Распутина, она закончила его по возвращении в Москву 17 декабря 1916 года, когда узнала об убийстве Распутина.

“Москва, 18-12, 9.30. Великому князю Дмитрию Павловичу. Петроград. Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Элла.”

“Москва, 18-12. 8.52. Княгине Юсуповой. Кореиз. Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елизавета.”²⁵

Анна Вырубова пишет:

Две телеграммы были доставлены Их Величествам. Их близкая родственница “благословляла” Феликса за его патриотический акт. Это позорное сообщение совершенно убило Императрицу. Она потеряла самообладание и плакала безутешно, а я ничего не могла сделать, чтобы ее успокоить.²⁶

Ее письмо и две телеграммы показывают, что Великая княгиня, еще до того как было найдено тело Распутина 19 декабря, знала, что он был убит, хотя Императрица Александра Феодоровна сохраняла надежду, что он был украден, но оставался невредим: “Я все еще полагаюсь на Божие милосердие, что его только увезли куда-то...”²⁷

Наиболее примечательным и волнующим фактом во всем этом было то, как Великая княгиня Елизавета Феодоровна, известная своей исключительной любовью и милосердием (она посетила тюрьму и простила террориста, убившего ее мужа в 1905 году), смогла спустя 11 лет послать поздравления в связи с убийством человека, которого она лично даже не

знала. Трудно себе представить ее оправдывающей любое убийство, но ее мольба к Царю о том, что на происшедшее следует смотреть как на дуэль, отражает тяжелые душевные переживания по поводу возраставшей непопулярности Монархии и желание спасти Феликса, друга семьи. Вероятно, она невольно надеялась, что смерть Распутина спасет репутацию Трона. Однако эти наивные надежды увенчались ее собственной мученической кончиной от рук большевиков в 1918 году - на день позже жестокой расправы над Семейей ее сестры в Екатеринбурге.

В 1993 году роялистский журнал, издающийся во Франции, опубликовал рассказ, который, как подразумевалось, открывал подлинные обстоятельства убийства Распутина. Автор сделала вывод, что настоящим убийцей Распутина был Великий князь Дмитрий Павлович. Она это обосновывала тем, что он получил самое тяжелое наказание. Он был сослан на Персидский фронт, тогда как Феликс Юсупов, который фактически совершил первый выстрел, был сослан только в свое имение в Ракитном. Автор говорит, что Дмитрий Павлович не отдал револьвер Юсупову, как говорится в его книге, а выстрелил сам.²⁸

Двоюродный брат Феликса, Сергей Оболенский, тоже утверждает, что Феликс был слишком мягкий, чтобы совершить убийство. В своей книге "Человек своего времени" Оболенский рассказывает интересную историю об абиссинском слуге по имени Тесфи, которого Феликс Юсупов с своей супругой Ириной приобрели во время медового месяца в Египте. Хорошо образованный, совершенно бесстрашный и безгранично преданный Феликсу, Тесфи был постоянно рядом с ним, сопровождая его в ссылку, и в конечном счете уехал с Юсуповыми в Англию.

Оболенский пишет:

У меня есть чувство, что именно Тесфи окончательно добил его [Распутина]. Феликс был

таким мягким человеком, что я не могу его себе представить действующим так хладнокровно, как он описал. С другой стороны, Тесфи мог сделать для него все что угодно, и, в то время как высокое положение освобождало Феликса от судебного преследования обычными властями, Тесфи был бы казнен немедленно. Итак, я подозреваю, что Тесфи сделал все по просьбе Феликса, а Феликс взял ответственность на себя, чтобы спасти его.²⁹

Являясь не очень убедительным предположением, этот рассказ все же интересен тем, что первый раз упомянуто имя слуги-абиссинца.

Труп Григория Распутина был найден утром 19 декабря в Малой Невке. Обвинитель апелляционного суда Петрограда Завадский отдал приказ перевезти тело в Чесменскую богадельню, находящуюся на полпути между столицей и Царским Селом. Вскрытие проводилось только двумя днями позднее, так как тело, находившееся подо льдом, сильно замерзло. Результаты вскрытия подтвердили, что Григорий Распутин умер от трех выстрелов, каждый из которых, по мнению докторов, был бы смертелен сам по себе. Один - в область сердца, второй - в спину и третий - сзади, в шею, что согласуется с последующими заявлениями убийц.³⁰

“Вскрытие не обнаружило наличие какого-нибудь яда,” - пишет генерал-майор А.И. Спиридович.³¹ Это совпадает с мнением В.А. Маклакова, который был убежден в том, что доктор Лазоверт испугался и на самом деле принес Юсупову безвредный порошок вместо цианистого калия.³²

Любопытно отметить, что доктор Лазоверт упал в обморок во время ожидания заговорщиками смерти Распутина. Если это правда, что Лазоверт, на самом деле, подменил цианид безобидным порошком, то вероятно, его обморок был скорее вызван укорами совести из-за предательства своих друзей, чем напряжением от задерживающейся смерти Распутина. Это также объясняет, почему Юсупов был действительно уверен, что имеет дело с самим дьяволом - человеком,

который просто не умирает. И в третьих, это объясняет, почему яд не был найден у Распутина во время вскрытия. Существует одно свидетельство о том, что доктор Лазоверт признался на смертном одре другому доктору в том, что в последний момент он не смог заставить себя преступить клятву Гиппократата и подменил цианистый калий безвредными кристаллами. Этим можно объяснить и нормальное состояние Распутина, когда он, предположительно, принял достаточно яда, чтобы ³³убить двенадцать человек, и нервный обморок Лазоверта.

Много противоречивых отчетов было напечатано о состоянии тела Распутина после того, как оно было извлечено из вод Малой Невки. Некоторые утверждают, что Распутин был еще жив, когда его бросили в воду, а его правая рука замерзла, пытаясь изобразить крестное знамение. Автор одной книги также утверждал, что Распутин был кастрирован Юсуповым, когда тот находился в приступе ярости после убийства. Отчет официального вскрытия, произведенного профессором Дмитрием Косоротовым 29 декабря 1916 года, опровергает оба отчета:

19 декабря я был предупрежден и приглашен письмом судебного следователя на вскрытие тела Распутина, назначенное на утро 21 декабря в часовне Чесменской богадельни...

При вскрытии найдены весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена и сплющена вследствие ушиба тупа при падении с моста.* Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней

* Представляется, что на самом деле это было результатом избияния Распутина Юсуповым резиновой палкой, о чем в то время доктор Косоротов не знал.

в правой половине. Кровотечение было весьма обильное. На трупe имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и еще рана в упор, в лоб (вероятно, уже умиравшему или умершему). Грудные органы были целы и исследовались поверхностно, но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым. Упомяну кстати, что исследование трупа производилось при очень неудобной обстановке, при керосиновых лампах, причем для осмотра полостей груди и живота приходилось вносить лампу в самую полость.

Мне часто приходилось производить различные трудные и неприятные вскрытия. Я - человек с крепкими нервами и, что называется, видал виды. Но редко мне приходилось переживать такие неприятные минуты, как в эту жуткую ночь. Труп производил на меня неприятное впечатление. Это козлиное выражение лица, эта громадная рана на голове были тяжелы даже для моего испытанного глаза. Особенное впечатление произвела на меня эта торопливость при производстве вскрытия. Туда приходила одна молодая полная дама и затем еще одна молодая женщина, которые настаивали на том, чтобы все по возможности было скорее закончено. Об этом же меня просили и следственные власти, но я нашел необходимым сделать свою работу методично и добросовестно. По моему мнению, Гр. Распутин был убит выстрелом из револьвера. Одна пуля была извлечена; другие же выстрелы сделаны на близком расстоянии, и пули прошли навывлет, так что нельзя дать заключения о том, сколько человек стреляло.

Мы пили чай после вскрытия, чтобы немного отдохнуть от этого тяжелого зрелища, и я ясно помню недоуменные взгляды, которые бросали друг на друга представители следственной власти. Гр. Распутин был крепкого сложения: ему было 50 лет, и я припоминаю, как мы в разговоре между собой, делясь впечатлениями, говорили, что он прожил бы еще столько же. Несомненно, что Распутин был убит в пьяном виде: от трупы несло коньяком. Мозги его были нормальной величины и не носили следов каких-либо патологических изменений.

Я считал своим долгом не предавать гласности всех этих данных до суда; но в настоящий момент предварительное следствие по делу об убийстве Распутина-Новых прекращено новым министром А.Ф. Керенским, и поэтому я могу о нем высказаться.³⁴

Профессор Дмитрий Петрович Косоротов

После вскрытия тело Распутина было перенесено в часовню богадельни, где была совершена панихида. Погребение состоялось 21 декабря 1916 года в 9 часов утра в Царском Селе. Государь, Государыня, их четыре дочери, Анна Вырубова, семья покойного и несколько близких друзей были немногими, кто присутствовал на похоронах. Распутин был похоронен в земле, которую купила Анна Вырубова, собираясь выстроить приют для инвалидов войны. Отец Александр Васильев, бывший в то время духовником Царской Семьи, прочитал молитвы по усопшему.

Через два дня после отречения Царя от Престола в марте 1917 года Александр Керенский, министр юстиции Временного правительства, отдал приказ об эксгумации тела Распутина. Подняв гроб с места упокоения, его поместили в деревянный футляр от фортепьяно и несколько дней прятали в дворцовых конюшнях. Затем был получен новый приказ

от Керенского - тело Распутина должно быть тайно погребено в окрестностях Петрограда. Однако, 11 марта 1917 года на дороге в лесу, недалеко от главной Лесной дороги в Пескаревке, грузовик, перевозивший тело, сломался. И тогда приняли решение уничтожить тело. Собрали в кучу ветки, облили бензином, и огонь поглотил тело Григория Распутина.³⁵

В 1918 году семинарист Леонтий Филиппович, будущий архиепископ Чилийский и Аргентинский, рассказывал о своем посещении места захоронения Распутина в Царском Селе:

Подходя к этому месту [к гробу Распутина], мои спутники попросили сказать мое ощущение при присутствии на этом месте. Мы подошли к глубокой разрытой яме. Не из чувства симпатии к Григорию Распутину, ибо я всегда относился к нему с предубеждением, почему-то вдруг душу объяла непонятная жгучая тоска и печаль, так что я попросил своих спутников поскорее уйти с этого места. Отойдя, они мне также поведали о таком же ощущении. Этого странного явления я до сих пор объяснить не могу...³⁶

Министр внутренних дел А.Д. Протопопов отмечает, что Император "принял его смерть спокойно".³⁷ Еще более значительные наблюдения сделал Дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков: "С самого первого доклада - о таинственном исчезновении Распутина, до последнего - о водворении его тела в часовню Чесменской богадельни, я ни разу не усмотрел у Его Величества скорби и скорее вынес впечатление, будто Государь испытывает чувство облегчения".³⁸ Как бы там ни было, в своем дневнике в день похорон Григория Распутина Царь писал о грустной картине, вызванной видом "гроба с телом незабвенного Григория".³⁹

23 декабря 1916 года Царь приказал Юсупову оставаться в имении его семьи в Курской губернии. Царь также приказал

Великому князю Дмитрию Павловичу немедленно отправляться в Персию, приписав его к штабу командующего русскими войсками генерала Баратова. Этот приказ вызвал большую тревогу среди родственников Дмитрия Павловича. Великая княгиня Мария Павловна (старшая), вдова дяди Царя Николая II - Великого князя Владимира Александровича, предложила подать Царю прошение за Дмитрия Павловича. 29 Декабря 1916 года петиция, подписанная 16 членами Императорской Семьи, была представлена Царю:

Ваше Императорское Величество.

Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы Великого князя Дмитрия Павловича. Мы сознаем, что он болен физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно. Вы, бывший его опекун и Верховный попечитель, знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей Родине. Мы умоляем Ваше Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья Великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии ввиду отсутствия жилищ, эпидемий и других бичей человечества. Пребывание там для Великого князя Дмитрия Павловича равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего Императорского Величества, верно, проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас, и для которого Вы были добры, как отец.

Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству переменить Свое решение и преложить гнев на милость.

Царь кратко на это ответил, написав на полях:

Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай.⁴⁰

Сестра Дмитрия Павловича, Мария Павловна (младшая) сказала следующее по поводу ответа Царя:

Тогда Великая княгиня Мария Павловна (старшая) вместо того, чтобы молча принять пометку Государя, каждому выказывала свое недовольство. Очень скоро весь город знал наизусть короткое предложение, которое стояло на полях того письма.⁴¹

Великий князь Александр Михайлович (Сандро), тесть Феликса Юсупова, видел положение вещей в ином свете. Он относился неприязненно к Распутину, но отказался подписать общую петицию за Дмитрия Павловича и писал позднее об одной поездке на поезде вместе с дочерью и зятем, когда он узнал ужасные подробности убийства Григория Распутина. Великий князь Александр Михайлович написал:

Я хотел тогда, как желаю этого теперь, чтобы Феликс раскаялся бы в своем поступке и понял, что никакие громкие слова, никакое одобрение толпы не могут оправдать в глазах истинного христианина этого преступления.⁴²

Гнев Императрицы пал в особенности на Великого князя Дмитрия Павловича, к которому Император и Императрица с детства относились как к члену своей Семьи, и который вплоть до самого убийства внешне проявлял к ним симпатию и любовь.

Его сестра, Мария Павловна (младшая), передает беседу, которая состоялась у нее с Феликсом Юсуповым после убийства:

Намерения Двора, - сказал Юсупов, - все еще непонятны, но, - добавил он, - гнев Императрицы, кажется, направлен, главным образом, на Дмитрия; она была вне себя от того, что она называет - и сама в это верит - было неблагодарностью Дмитрия по отношению к ней и к Государю, и обвиняет его ни в чем ином, как в измене.⁴³

Великий князь Дмитрий Павлович был направлен на Персидский фронт. Позднее он присоединился к Британским экспедиционным войскам, находившимся в Месопотамии. Его ссылка оказалась, по-видимому, самым удачным происшествием в его жизни: этим он был спасен от участи, постигшей многих его родственников, оставшихся в России.

Любопытно то, что в семейной петиции за Великого князя Дмитрия Павловича упоминается о его слабом здоровье, в то время как сестра Дмитрия Павловича, Мария Павловна, нигде не упоминает о том, что у ее брата в то время были какие-нибудь физические расстройства. Письмо Анны Родзянко, жены председателя Думы, к матери Феликса Юсупова, подробно описывает его ссылку:

Я могу сообщить тебе подробности относительно того, куда назначен Вел. кн. Дмитрий. Я слышала это от графа Бобринского, который только что приехал с Персидского фронта. Погода там прекрасная. Все цветет, совсем тепло. Никаких эпидемий. Солдаты обожают его и защитят от всякой опасности...⁴⁴

Долгое время после убийства все заговорщики продолжали отрицать свою причастность к происшедшему. Примечательный рассказ оставлен Великим князем Николаем Михайловичем, известным историком, дядей княгини Ирины, жены Феликса Юсупова. 19 декабря 1916 года Великий князь Николай Михайлович пришел во дворец Великого князя Дмитрия Павловича, где нашел убежище

Феликс Юсупов. По прибытии он приветствовал их обоих в циничной, свободной манере: "Привет, убийцы!" Однако, Феликс Юсупов утверждает, что он никогда не открывал правду Николаю Михайловичу.⁴⁵ Но это противоречит записям в дневнике Николая Михайловича, где содержатся все детали убийства (о которых рассказать мог только его участник), включая и ужасную сцену, когда Феликс, покрытый кровью, "начал бить.... изо всей силы, мертвого по лицу, сломав его нос и обезобразив лицо".⁴⁶

Великий князь Николай Михайлович делится своим впечатлением о Юсупове:

Итальянцы 14-го и 15-го столетий гордились бы такой личностью... Что касается меня, то я в замешательстве и, откровенно говоря, мучаюсь, ведь это муж моей племянницы... На мой непрерывный вопрос: возможно ли, что совесть не мучает его? - в конце концов, он убил человека... приходит все тот же ответ: Ничуть... Это то, что я не могу понять... Если Распутин был зверем, что тогда можно сказать о молодом Юсупове?⁴⁷

Юсупов сам рассказывает:

Голос моей совести никогда меня не мучил; мысли о Распутине никогда не мешали мне спать по ночам.⁴⁸

Сергей Сергеевич Кострицкий, зубной врач Царской Семьи, вспоминает холодное и циничное впечатление, которое произвел на него Феликс Юсупов во время беседы, которая состоялась у них после убийства. Кострицкий спросил Юсупова, не беспокоила ли его совесть, ведь как бы там ни было, а он только что убил человека. Юсупов холодно ответил: "Никогда... я убил собаку".⁴⁹

В письме к своей теще, Великой княгине Ксении Александровне, сестре Царя Николая II, Юсупов писал:

Ракитное
2 января 1917 г.

Дорогая Мамаша,

Очень, очень благодарю тебя за письмо. Мне запрещено писать, поэтому не мог этого сделать раньше. Боялся, что перехватят по дороге. Меня ужасно мучает мысль, что Вдовствующая Императрица М.Ф. [Мария Феодоровна] и ты будете считать того человека, который это сделал, за убийцу и преступника, и что это чувство у Вас возьмет верх над всеми другими. Как бы Вы ни признавали правоту этого поступка и причины, побудившие совершить его, у Вас в глубине души будет чувство: "а все-таки он убийца"!

Зная хорошо все, что этот человек чувствовал до, во время и после, и то, что он продолжает чувствовать, я могу совершенно определенно сказать, что он не убийца, а был только орудием Провидения, которое дало ему ту непонятную нечеловеческую силу и спокойствие духа, которые помогли ему исполнить свой долг перед Родиной и Царем, уничтожить ту злую, дьявольскую силу, бывшую позором для России и всего мира, и перед которой до сих пор все были бессильны. Ирина на это смотрит так же, как и я. Это большое утешение.⁵⁰

Феликс

В самом деле, Ирина смотрела на все так же, как и Феликс. В письме своей матери из ссылки в Ракитном она говорит:

Ракитное
16 февраля 1917 г.

Дорогая Мама,

Так бы хотела поехать с Тобой в Петроград, но Феликс не пускает. Говорит, что очень опасно туда ехать. Ты спрашиваешь в письме, когда мы ждем следователей? Они уже были! Все это было очень

смешно... Феликс отказался говорить снова то, что говорил в Петрограде на дознании, он только отвечал на разные новые вопросы, которых ему в П. не предлагали. Говорил с ними больше двух часов. Оказалось, что меньшую часть времени они допрашивали Феликса, а большую часть Феликс допрашивал их о разных вопросах. Когда они записали все, что Феликс говорил, он снова с ними виделся и опять расспрашивал их о разных вопросах.

После этого случилось самое большое чудо. Их решили пригласить к обеду! Все время было очень смешно. Прокурор сидел около мамы Ф., а следователь около меня. За обедом следователь был очень бестактен: он рассказывал, как он на охоте убил “собаку” вместо волка! Когда спросили прокурора, любит ли он охоту, то он отвечал, что никогда в жизни никого не убивал, даже не любит таких разговоров. Потом мама Ф. рассказывала про “распутицу”, которая бывает здесь весной. *Exceedingly!* [Очень смешно!]

После обеда мы пустили граммофон, чтобы их повеселить.

Вообще - *I enjoyed myself*.⁵¹

“Вообще - было весело!”...Ее муж только что участвовал в убийстве человека, а Ирина Юсупова находит смешным намек на убийство Распутина.

У Дмитрия Павловича было такое же отношение. Три месяца спустя после убийства он все еще убеждает своего отца в том, что “чист от липких пятен крови, и его совесть спокойна”. Только после революции он признался в своем “преднамеренном и хорошо обдуманном участии в убийстве Распутина.”⁵²

Еще одно письмо проливает свет на характер Дмитрия Павловича. После убийства Григория Распутина он писал Феликсу Юсупову:

Казвин (Персия) 23 апреля 1917 г.

Милый, хороший, верный друг!

Да, случилось то, что ты и я считали возможным. Благодаря глупому и близорукому упрямству одной женщины наступила окончательная катастрофа, и, конечно, смела "Царское" и, вместе с этим, всех нас, так как имя Романовых теперь - синоним всякой грязи, мерзости и бесчестия. Я смотрю на будущее довольно печально. Если бы я не верил в милость Божию и в то, что все кончается, что должны наконец наступить лучшие дни, я бы давно потерял мужество... О, если бы ты знал, как болезненно временами я хотел бы поговорить с тобой, как тщетно я хотел бы поделиться моими мыслями и идеями. Мы так много пережили вместе, и так редко, чтобы два человека сошлись на такой странной, на такой необычной почве. Ты понимал меня так хорошо, ты знал, как помочь мне в трудные моменты. Ради Бога, напиши мне письмо. Что случилось, что происходит?... Что касается меня, то, конечно, первым моим побуждением было вернуться, но потом я передумал это, так как увидел, что мое немедленное возвращение будет слишком поспешным решением даже в отношении Временного правительства, так как их мнение по этому вопросу мне абсолютно неизвестно. По отношению же к "Царскому" я решил, что такое возвращение будет просто морально гадким. Это будет значить, что, как только я услышал о падении власти, которая сослала меня, я немедленно воспользовался этим, чтобы поспешить назад... Откровенно, я не особенно спешу теперь возвратиться в Россию. Что я буду делать там? Вернуться и сложить покорно мои руки на животе, спокойно выносить всякого рода мерзкие инсинуации только потому, что мое имя "Романов"

и я прямой потомок Царя - Освободителя - я просто не в состоянии. Однако, я твердо верю, что если буду нужен, я не буду забыт. Разве я не прав? И снова я должен обуздывать мое огромное желание увидеть тебя и говорить с тобой... Кончаю это письмо, мой дорогой - мой, скажу я без боязни преувеличения, дражайший друг. Я хочу выразить тебе мою дружбу. Часто мои мысли³³ с тобой...

Твой любящий друг. [Дмитрий]

В своем письме Великий князь Дмитрий Павлович называет Императрицу "глупой, близорукой и упрямой женщиной". Анна Вырубова вспоминает, насколько другим было его отношение всего за месяц до убийства:

Это были чувства невыразимого облегчения, когда мы оставили Ставку в ноябре 1916 года и поехали в Царское Село. В Императорском поезде с нами был молодой Великий князь Дмитрий Павлович, который уже тогда, возможно, был вовлечен в ужасный заговор против Их Величеств. Тем не менее, молодой человек создавал впечатление дружбы с Императрицей, сидя рядом с ней и развлекая ее часами забавными сплетнями и историями.⁵⁴

Однако в последующие годы, в отличие от Юсупова, Дмитрий Павлович выражал ощущение раскаяния за то,³⁵ что позволил втянуть себя в убийство Григория Распутина.

Феликс Юсупов смотрел на это по-другому, как подтверждает сестра Дмитрия Павловича Мария Павловна в своей версии визита во дворец к Дмитрию Павловичу с Великим князем Николаем 19 декабря:

Обед подали в комнату Дмитрия, где он ожидал меня со своим товарищем-заговорщиком Феликсом

Юсуповым и с одним из наших дядей, Великим князем Николаем... Когда подали кофе, пришли несколько наших кузенов навестить Дмитрия, а я увлекла Юсупова в другую комнату для частной беседы. С его первых слов я поняла, что его отношение к совершенному делу совершенно отлично от отношения Дмитрия. Он был опьянен значительностью роли, которую сыграл, и видел в ней большое политическое будущее. Я не спрашивала его ни о каких подробностях, так как знала, что заговорщики дали друг другу слово чести никогда не разглашать того, что случилось в ту ночь... ⁵⁶

Великий князь Гавриил Константинович (1887-1939), двоюродный брат Царя Николая II, пишет:

Озирая назад, я должен признаться, что мы ошибались, радуясь убийству Распутина. Убийство послужило сигналом к началу революции. Русский Великий князь не должен был пятнать своего имени соучастием в убийстве, каким бы ни был его мотив. Это было не христианское дело. Кажется, что сам Дмитрий осознал это в свое время; я слышал, что он некоторое время не осмеливался причащаться, полагая, что он не достоин священного Таинства.⁵⁷

В то время как убийцы и их сторонники бесстыдно пировали по поводу убийства Распутина, были и другие, кто, подобно сестре Царя Ольге Александровне, были напуганы:

Чего они хотели достичь? ...убийство должно было представить Распутина в виде некоего дьявольского воплощения, а его убийц - как каких-то сказочных героев. Это отвратительное убийство явилось величайшей плохой услугой, оказанной ими человеку, которому они клялись служить - я имею в

виду Ники. Вовлеченность двух членов* семейства лишь проявила тот ужасный упадок, существовавший в высшем слое общества.⁵⁸

Распутина не стало. Но кто мог предвидеть надвигавшийся кошмар? Менее чем через полтора года после его смерти исполнилось его последнее предсказание, и Династия Романовых сошла со сцены истории.

*Феликс Юсупов и его жена Ирина после Революции отправились в Париж, где открыли салон мод "ИРФЕЛ" (аббревиатура, полученная соединением первых букв их имен). Они жили на деньги, вырученные от продажи тех семейных драгоценностей, которые им удалось вывезти с собой из России, а также на средства от продажи двух полотен Рембрандта и коллекции антикварных табакерок. Кроме того, в 1934 году они получили 25 тыс. фунтов стерлингов, выиграв судебную тяжбу против компании MGM, которая выпустила фильм "Распутин, Сумасшедший монах", в котором высказывалось предположение, что Ирина была изнасилована Распутиным. Юсупов умер в Париже в сентябре 1967 года в возрасте 80 лет. Великий князь Дмитрий Павлович женился на Одри Эмери, американке с большим наследством, которая была младше его на 12 лет, и провел несколько лет в Палм Бич, во Флориде, торгуя вином и шампанским. В конце 1930-х годов он заболел туберкулезом и отправился в Швейцарию на лечение. Однако, он так и не выздоровел и умер там в 1942 году в возрасте 50 лет.

ЭПИЛОГ ПОДВОДЯ ИТОГИ

Это в самом деле может показаться банальным - так беспокоиться о суде истории, но для меня это важно; не потому, что я родилась в семье Романовых, но потому, что ни одной справедливой оценкой не должно пренебрегать ради будущих поколений: справедливость прежде всего.¹

*Великая княгиня Ольга Александровна,
сестра Царя Николая II*

Во время подбора материала для этой книги в Государственном архиве Российской Федерации, я встретился с одним британским журналистом, приехавшим в Россию, чтобы написать о Распутине. Он привел с собой переводчика и с жаром принялся вводить в компьютер то, что его помощник переводил на английский язык: полицейские доклады о слежке за Распутиным. Лицо писателя выражало явное удовлетворение всякий раз, когда он слышал что-нибудь о кутежах Распутина и его подружках. Я находился в нескольких метрах от него за другим столом, когда вдруг мое внимание привлекла одна фраза. Переводчик читал, что Распутин (который в рассказе упоминался выпившим), зашел в церковь, где пробыл полтора часа. В этом месте писатель перебил его и сказал: "хорошо, хорошо... но что там есть еще о проститутках?.." По-видимому, его не интересовало, был ли Распутин в самом деле пьян и, вообще, зачем он отправился в церковь и провел там полтора часа. Я спросил его об этом, и он ответил, что начальник дал ему распоряжение привезти что-нибудь "сенсационное" о Распутине: ничто другое его просто не интересовало...

Спустя несколько месяцев я обедал с пылким молодым националистом, который, зная, что я пишу книгу о Распутине, очень активно пытался убедить меня в том, что

найденные мною отрицательные отзывы были сущей клеветой. Он уверял меня, что даже свидетельства надежных людей были ошибочны, так как они видели не Распутина, а его двойника...

Очевидно, что основанием серьезного исторического взгляда не может являться ни богатый фантазиями журналистский подход, ни слишком страстное рвение защитить репутацию Царской Семьи. Что касается репутации Царской Семьи, жизнь святых Царственных мучеников сама является их защитой. В письмах Государыни из заточения в Тобольске*, за несколько месяцев до того, как вся Семья была расстреляна большевиками, нет ничего, что подтверждало бы "негативное" влияние Распутина. Напротив, Государыня пишет Анне Вырубовой:

10 декабря 1917 года

...Он [Царь] просто удивителен. Такая кротость, несмотря на все ужасные страдания за страну. Настоящее чудо. Остальные все в хорошем настроении, храбрятся, не жалуется, а Алексей - ангел.А насчет меня - моему сердцу спокойнее, когда я веду такую тихую жизнь. Я имею полное доверие и веру, что все будет хорошо, что это уже самое худшее, и что скоро солнце ярко засияет. Но сколько еще будет жертв, сколько невинной крови еще прольется! О, Боже, спаси Россию! Это крик души утром, днем и ночью... Я себя чувствую старой,

*Согласно Пьеру Жильяру, Распутин предсказал, что Царская Семья увидит Покровское. 1 августа 1917 года Царская Семья села на поезд в Петрограде и отправилась в Тобольск в сопровождении вооруженного эскорта. 4 августа они прибыли в Тюмень, где пересели на пароход "Русь" для заключительного этапа пути. На следующий день они проезжали Покровское и видели двухэтажный дом Распутина. Второй раз это случилось 14 апреля 1918 года, когда Государь, Государыня, их дочь Мария Николаевна и доктор Боткин проезжали Покровское по пути в Екатеринбург. В тот день Царь записал в дневнике: "Поменяли лошадей в деревне Покровское. Долго стояли прямо напротив дома Григория и видели всю их семью, глядевшую на нас через окно".

о, такой старой, но я все еще мать этой страны, и я страдаю ее болью так же, как болью своих собственных детей, и я люблю ее, несмотря на все ее ужасы и грехи. Никто не может вырвать ребенка из сердца матери и так же нельзя вырвать страну, хотя черная неблагодарность России к Государю разрывает мне сердце. Хотя, все-таки, и не всей страны. Боже, помилуй и спаси Россию. ...В моем сердце любовь и прощение ко всему, хотя по временам я и не так терпелива, как должна бы быть. Я сержусь, когда люди бесчестны, и когда они без причины причиняют боль и обижают тех, кого я люблю. Папа, наоборот, терпит все.³

март 1918 года

...Как я люблю мою страну со всеми ее недостатками. Она становится мне все дороже и дороже, а я каждый день благодарю Бога за то, что Он позволил нам остаться здесь, а не выслал куда-нибудь. Верь в людей, дорогая. Нация сильна, молода и податлива, как воск. Просто сейчас она в плохих руках, и царствуют темнота и анархия. Но Царь Славы придет и спасет, укрепит и даст мудрость тем людям, которые сейчас обмануты.⁴

21 марта 1918 года

Атмосфера вокруг нас явно накалилась. Мы чувствуем, что приближается буря, но знаем, что Бог милостив и заботится о нас. Наше положение становится все более мучительным. Сегодня у нас будет небольшая служба дома, за что мы благодарны, но, тем не менее, тяжело, что не разрешено ходить в церковь... Как грустно вспоминать то, что нам пришлось сжечь все наши письма, и твои тоже, и другие, настолько же дорогие. Но что оставалось делать? Человеку не должно привязывать свою душу к земным вещам, но слова, написанные любящей

рукой, проникают в самое сердце, становятся частью жизни... Хотя мы знаем, что буря все ближе и ближе, наши души находятся в мире. Все, что ни случится, будет по воле Божьей.⁵

Нет никаких оснований полагать, что общение с Распутиным негативно сказывалось на духовном состоянии членов Царской Семьи. Напротив, их христианская вера лишь возрастала по мере восхождения на Голгофу.

Что касается Распутина, то одна из самых трезвых оценок его, на наш взгляд, была дана неоднократно упоминавшимся архиепископом Феофаном (Быстровым) Полтавским, духовником Царской Семьи, в его свидетельстве перед чрезвычайной комиссией Временного правительства в 1917 году:

«Он [Григорий Распутин] не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал. Окружение, которое хотело, чтобы это случилось, оставалось равнодушным и считало все происшедшее чем-то несерьезным. Но в духовном отношении такое падение должно привести к очень большим последствиям...»⁶

Некоторые люди высказали мнение, что если бы Распутина не было, то настроенные против Монархии нашли бы вместо него кого-нибудь еще. Княгиня Екатерина Радзивилл, не симпатизировавшая ни Императорской Семье, ни Распутину, писала:

Если бы не было Распутина, нашли бы кого-нибудь или что-нибудь другое для того, чтобы

дискредитировать Царя и его Супругу. Революция витала в воздухе задолго до того, как она произошла.⁷

Несколько лет спустя князь Н.Д.Жевахов отмечал:

Не был Распутин в моих глазах “святым”... Не был он и тем преступником, каким сделала его народная молва... Но, каковы бы ни были преступления, он все же неповинен в том, в чем повинны его физические и моральные убийцы - в клятвопреступлении и измене присяге Божьему Помазаннику, неповинен в том страшном грехе, который навлек на Россию праведный гнев Божий.⁸

Соглашается с этим и митрополит Петроградский Питирим:

...Я должен сказать, что хотя авторитет Распутина в глазах Государя и Государыни и действительно был высок, но Распутин не пользовался своим авторитетом для преступных целей, и самые ярые его враги не в состоянии будут указать ни одного преднамеренного преступного деяния с его стороны. Если бы его имя не сделалось мишенью для обстрела Монархии, то он сошел бы со сцены так же, как сошли со сцены и его предшественники.

...Все это хорошо сознавали, но все боялись прослыть “распутинцами” и тем громче кричали о преступлениях Распутина, чем больше желали отмежеваться от него и не запятнать своей репутации. А в чем выражались конкретные преступления Распутина, этого никто не мог сказать, и когда я об этом спрашивал, то никто не мог мне ответить, а отделялся лишь общими фразами. Не Распутин погубил Россию, а Ставка и Дума, но туда никто не заглядывал.

... Говорили, что Распутин сменяет и назначает министров. Может быть, и была доля правды в том, что он рекомендовал Государю того или другого министра. И, однако же, этот ужасный человек, имя которого прогремело на весь свет как синоним зла, который якобы вызвал революцию, этот самый человек не рекомендовал Государю ни одного из тех лиц, которые сменили "распутинских ставленников" и образовали Временное правительство, погубившее Россию. И уж во всяком случае Распутин любил Царя и Россию больше, чем эти преступники. Да, это был болезненный нарост на государственном организме, и было бы лучше, если бы его не было, однако видеть в Распутине главное зло в жизни России за последние годы - значит не знать ни истории, ни психологии революции...⁹

В конечном итоге, Анна Вырубова предлагает наиболее убедительную формулу, чтобы рассеять сложившийся вокруг Распутина, как романтический, так и бесчестящий его образ:

Россия, как Франция восемнадцатого века, прошла через дикое безумие, из которого она только сейчас начинает выходить в раскаянии и боли. Это безумие никоим образом нельзя отнести только на счет так называемых революционеров. Оно проникало и Думу, и высшие слои общества, и самих членов Императорской Семьи, - все они так же виновны в гибели России, как самый кровожадный террорист. То, что произошло в эти темные годы, было просто наказанием Божиим за грехи всего народа. Когда Его карающая рука так очевидно вознеслась над всем народом, как осмеливается кто-то относить эти бедствия только на счет большевиков? Мы, русские, взираем на ужасное состояние нашей некогда великой страны, видим миллионы умирающих от голода на Волге и Украине,

читаем пугающий список убитых, ввергнутых в тюрьму, в ссылку и слабовольно кричим, что Царь был виноват, Распутин был виноват, тот мужчина или та женщина были виноваты, но не признаемся никогда, что мы все были виноваты: в измене Богу, своему Государю, своей Родине. И покуда мы не перестанем обвинять других и не покаемся в своих грехах, до тех пор не озарит рассвет милосердия Божия эту истощенную и бесплодную пустыню, которая когда-то была могущественной Россией...¹⁰

Великая княгиня Ольга Александровна желала справедливой и беспристрастной оценки для своей Семьи; того же хотела для своего отца Мария Распутина - совершенно естественное желание, которое мы попытались исполнить. Мы искренне надеемся, что в будущем историки продолжают эту работу, дабы Россия наконец смогла поставить точку в рассказе об одном из самых трагических периодов ее истории, что также позволит перевернуть страницу повествования о жизни загадочного человека - Григория Распутина.

Приложение 1

Распутин и Церковь:

Взгляд на утверждения об участии Григория Распутина в делах различных церковных иерархов.

Церковные деятели, чьи имена связывались с именем Распутина, и сами оказались жертвами клеветников. Среди оклеветанных - епископ Тобольский Варнава (Накропин), епископ Саратовский Гермоген (Долганов), митрополит Петроградский Питирим (Окнов) и митрополит Московский Макарий (Невский). Были выдвинуты обвинения, голословно утверждавшие, что церковные назначения этих людей были напрямую связаны с рекомендациями Распутина, и что они поддерживали с Распутиным дружеские отношения для снискания Царского расположения. На арену этой грязной борьбы было вытащено даже имя святого праведного Иоанна Кронштадтского. Однако, при пристальном рассмотрении оказывается, что на большинство обвинений не стоит обращать внимания - так они несерьезны, но, тем не менее, как и в случае с самим Распутиным, клевета бросила тень на память вышеупомянутых людей.

Епископ Варнава Тобольский

Имя епископа Варнавы (Накропина) тесно связано с именем Распутина. Сын садовника, будущий епископ родился в 1859 году недалеко от Олонца - на юге Архангельска. Он не получил общего образования, но от природы был наделен острым умом. Через год после пострижения в монахи, в 1897 году, был рукоположен во священника. Долгое монашеское обучение и самостоятельное изучение писаний святых Отцов помогли ему подготовиться к принятию епископского сана. Его доброта, простота и дар слова привлекли к нему многих верных последователей и послужили источником большой популярности среди прихожан Свято-Троицкого Ново-Голутвинского монастыря в Коломне.

28 ноября 1911 года архимандрит Варнава был назначен викарием Каргопольским Олонецкой епархии, а 13 ноября 1913 года рукоположен во епископа с назначением на Тобольскую кафедру.

И появились слухи, что он стал епископом Тобольским благодаря поддержке Григория Распутина, а кроме того, развернулась активная кампания по обвинению епископа Варнавы в краже денег. Из всех достоверных источников известно, что епископ Варнава был высоко почитаем и любим не только своими прихожанами, но и множеством светских и церковных лиц. Если Распутин действительно и поддерживал его перевод с принятием сана епископа, то он, определенно, был в этом не одинок, и такую проницательность следует поставить в заслугу Распутину.

Степан Петрович Белецкий, бывший начальник полиции, дал следующие показания чрезвычайной следственной комиссии:

Варнава имел пытливый ум, острую наблюдательность, и... хорошо знал Священное Писание и догматы... Я не имею в виду, что у него не было недостатков, но они покрывались его весьма многочисленными добродетелями.²

Александр Николаевич Волжин, обер-прокурор Св. Синода (с 1 октября 1915 г. по 7 августа 1916 г.), имел разговор с князем Н.Д. Жеваховым о епископе Варнаве. Волжин сказал, что ему очень нравится епископ, и добавил, что он "умен, прекрасно говорит с народом, великолепно служит..." Он спросил, почему епископ Варнава был так гоним, на что Жевахов ответил: "Его травят за то, что считают "распутинцем."³

Владыка Варнава был известен своими проповедями, в которых он не раз резко выражал свое отрицательное отношение к абортам. Он уверял, что страдания России являлись результатом всех аборт, сделанных в стране:

Часто спрашивают: скоро ли война кончится? Но время ли это спрашивать? Сравнялось ли количество убитых сынов с числом невинных младенцев, убитых безрассудными матерями еще в утробе?⁴

Наиболее тесной связью епископа Варнавы с Распутиным была их обоюдная вовлеченность в споры по поводу канонизации митрополита Тобольского Иоанна (Максимовича).*

В 1721 году Царь Петр I, чтобы усилить государственный контроль над Церковью, издал известный Духовный Регламент, отменяющий Патриаршество (которое существовало на Руси с 1589 до смерти Патриарха Адриана в 1700 году), и заменяющий его Святейшим Синодом, состоящим из 12 членов (включая обер-прокурора), четверо из которых были постоянны: митрополиты Санкт-

* Свт. Иоанн Тобольский родился в 1651 году в знатной семье на Украине в городе Нежине под Черниговом. Он получил образование в Киевской Духовной академии и по окончании ее остался там в качестве преподавателя. Был пострижен в Киево-Печерской лавре и получил послушание проповедника и эконома. В 1695 году архиепископ Феодосий Черниговский вызвал о. Иоанна в Чернигов и поставил его архимандритом Елецкого монастыря. В 1696 году архиепископ Феодосий умер. Архимандрит Иоанн стал новым архиепископом Черниговским и возглавлял епархию в течение 15 лет.

В Чернигове он основал учебное заведение, ставшее первой семинарией в России. В 1712 году был переведен в город Тобольск с повышением в сан Митрополита. Он был горячим сторонником миссионерской деятельности, строил церкви по всей Сибири и заслужил любовь и уважение своей паствы.

10 июня 1715 года митрополит Иоанн совершил свою последнюю Литургию, после чего пригласил духовенство и нищих к трапезе, за которой сам прислуживал. Затем удалился в свою комнату и предался уединенной молитве. Когда пришло время звонить к Вечерне, один монах пошел попросить благословение Митрополита звонить в колокола. Однако ответа не было. Собралось духовенство, приехал губернатор. Не получив ответа из кельи, они взломали дверь. Митрополит Иоанн мирно почил во время молитвы, стоя на коленях перед иконой Черниговской Божией Матери. По его желанию, он был захоронен в Успенском Соборе города Тобольска в приделе, освященном во имя препп. Антония и Феодосия Киево-Печерских.

Петербургский, Московский, Киевский и экзарх Грузии. Все члены Св. Синода назначались Царем. Должностной чиновник, называемый обер-прокурор, представлял Царя и присутствовал на всех заседаниях Синода, и служил непосредственной связью между Царем и Синодом.

В начале 1915 года епископ Варнава обратился к Св. Синоду с просьбой канонизировать митрополита Иоанна (Максимовича) в 200-летнюю годовщину его упокоения. Жители Тобольска также подали прошение об этом Царю Николаю, а Царь направил его на рассмотрение Владимиру Карловичу Саблеру (обер-прокурору Св. Синода с 1911 г. по июль 1915 г.). Св. Синод дал разрешение епископу Варнаве вскрыть мощи митрополита Иоанна. 8 июня 1915 года епископ Варнава вместе с митрополитом Макарием Московским и духовенством тобольского собора вскрыли

Двадцать шесть лет спустя, в результате восстановительных работ, его могила обнажилась. Тогда над ней был выстроен придел и освящен во имя святого, чье имя носил Митрополит - свт. Иоанна Златоустого.

В соборе были вывешены дощечки с перечислением всех исцелений, происшедших по его ходатайству. Люди как святыню уносили землю с могилы, а по многочисленным просьбам Божественную Литургию для тяжелобольных стали служить в алтаре, под которым был погребен митрополит Иоанн. Свидетельствовали, что по его молитвам многие неизлечимые больные либо исцелились, либо спокойно и безболезненно почил.

10 июня 1916 года, более 200 лет спустя после смерти, митрополит Иоанн Тобольский был канонизирован Русской Православной Церковью. В книге, написанной за одиннадцать лет до канонизации, можно прочесть:

Митрополита Иоанна уже давно почитали въ Сибири какъ великаго праведника; ходять рассказы о чудесныхъ исцеленіяхъ его предстательствомъ. И не только народъ, но и архипастыри Тобольскіе поддерживаютъ это чрезвычайное отношеніе къ памяти митрополита Иоанна.

В 1826 году архиепископ Тобольский писал:

“Митрополиту Иоанну Максимовичу здесь такъ велика вера, что многія носятъ чудеса, и что даже самый сей приделъ построенъ въ честь его будто бы исцелившимся отъ него....”

мощи митрополита Иоанна Тобольского и поместили их в саркофаг и в кипарисовый гроб, привезенный из Москвы.⁷

Однако процесс канонизации вскоре приобрел политическую окраску. Среди членов Св. Синода появились разногласия; не столько из-за канонизации Св. Иоанна Тобольского, сколько из-за предполагаемого влияния епископа Варнавы и Григория Распутина. Хотя Синод был расположен в пользу канонизации митрополита Иоанна, проголосовали из-за политических трудностей отложить канонизацию до окончания войны, признав такое ходатайство "неблаговременным"... Отсрочка Синода, объяснявшаяся политическими причинами, печалила Государыню:

Разве можно признавать веру благовременной или неблагоприятной? Вера всегда благовременна...⁸

Архиепископ Чилийский и Аргентинский Леонтий (Филипович, †1971) пишет:

... дело о прославлении [митрополита Тобольского Иоанна] Св. Синод первый возбудил и Государь утвердил, а когда Св. Синод под предлогом войны это дело отложил и ему напомнил через Императора епископ Тобольский Варнава, то из протеста Св. Синод ответил отказом, что не время сейчас, что вызвало вполне законное удивление у Императора, что для такого святого дела может быть не время, когда оно должно быть всегда.⁹

В июне 1915 года без формального согласия Св. Синода, но с одобрения Государя Николая (являвшегося верховным покровителем Церкви), епископ Варнава объявил о скором прославлении мощей митрополита Иоанна.

Епископ Варнава был вызван Св. Синодом в Петроград отвечать за свои действия. Он предстал перед Св. Синодом 8 сентября 1915 года. Во время беседы епископы и Александр Самарин* сидели, епископ Варнава стоял. Как описывала

*Обер-прокурор Св. Синода с 5 июля по 26 сентября 1915 г.

эту сцену Императрица в письме к Государю Императору, Александр Самарин “развалившись в кресле, скрестив ноги, расспрашивал епископа про нашего Друга. Владыка Варнава вел себя с замечательной энергией, защищая нас и нашего Друга... Решение вынесено не было, и владыке Варнаве было велено остаться в Петрограде для второго слушания.”¹⁰

Императрица Александра Феодоровна была возмущена поведением Самарина. В письме к Царю она пишет, что епископ Варнава сказал Самарину: “ты главный покровитель Церкви”; а С[амарин] дерзко ответил: “ты ее раб...” Прошу тебя, не допусти, чтобы прогнали В[арнаву], он великолепно постоял за нас и Гр[игория] и доказал им, что они намеренно действуют в этом против нас... Горемыкин был сильно оскорблен, возмущен и несказанно шокирован, когда узнал, что губернатор сказал В[арнаве], что я сумасшедшая баба, а Аня мерзавка и т.д. - Как он может после этого оставаться? Ты не должен допускать таких вещей. Это последние козни дьявола, чтобы посеять всюду смуты, - но это ему не удастся...”¹¹

Второе слушание дела епископа Варнавы было запланировано на 10 сентября 1915 года. Ему был представлен список из девяти вопросов, которые ему будут заданы. Вопросы касались отношений епископа Варнавы с Распутиным и всего, что могло бы спровоцировать скандал. Он, в свою очередь, передал их Государю и Государыне. Императрица немедленно предостерегла Супруга:

В[арнава] умоляет тебя поспешить с заменой Самарина, ибо он и Синод собираются натворить еще больше ужасов, а его самого, бедного, снова вызывают туда на пытку.¹²

Епископ Варнава не явился на второе слушание, ссылаясь на то, что он должен навестить больную сестру в Петрозаводске. Императрица пишет:

История с Варнавой зашла слишком далеко - он не пошел в Синод второй раз, т.к. не хотел слушать осмеяния твоих приказов. Митрополит зовет твою телеграмму "глупой". Такую дерзость допускать нельзя - ты должен действовать метлой и вымести всю грязь, накопившуюся в Синоде. Весь этот шум из-за В. только для того, чтобы трепать имя нашего Друга в Думе. Когда С. принимал эту должность, он заявил своей партии в М., что соглашается исключительно только с целью избавиться от Гр., что он сделает все от него зависящее, чтобы в этом преуспеть...¹³

Самарин был уволен с должности обер-прокурора Св. Синода 26 сентября 1915 года. Св. Синод согласился с желанием Царя, и митрополит Московский Макарий (Невский) был назначен Св. Синодом провести канонизационные богослужения свт. Иоанну Тобольскому. Богослужение состоялось 9-10 июня 1916 года в Успенском соборе города Тобольска. Кроме митрополита Макария присутствовали еще двенадцать иерархов.

В течение сорока дней после канонизации свт. Иоанна Тобольского Всенощное бдение и две ежедневные Божественные литургии совершались в Успенском соборе. Неутомимый 57-летний епископ Варнава был на всех этих службах.

5 октября 1916 года епископ Варнава был возведен в сан архиепископа Тобольского и Сибирского.

На следующий год архиепископ Варнава был освобожден от всех своих архиерейских обязанностей по собственной просьбе и 7 марта 1917 года назначен настоятелем Высокогорской Пустыни Нижегородской епархии.

Епископ Варнава был арестован ЧК после большевистской революции, но вскоре отпущен. Он умер 13 апреля 1924 года.

Его отпевал сам святой Патриарх Тихон. Епископ Варнава был похоронен в Москве.¹⁴

Близость отношений между Распутиным и епископом Варнавой была сильно преувеличена. Большинство слухов, направленных против Епископа, являются следствием его постоянного усердия добиться канонизации митрополита Иоанна Тобольского. Епископа Варнаву несправедливо обвиняли в том, что, пытаясь помешать решению Синода отложить канонизацию, он действовал вместе с Григорием Распутиным.

Епископ Саратовский Гермоген

Епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (Долганов) был, как и архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), сначала сторонником Распутина, но позже стал одним из его самых серьезных критиков. Епископ Гермоген родился в 1858 году в богатой купеческой семье недалеко от города Херсона на Черном море. Он принял монашеский постриг в 1892 году, а в 1901-м стал епископом. В 1903 году был назначен епископом Саратовским и Царицынским.

Владыка Гермоген, настроенный против Распутина еще с 1910 года по собственным наблюдениям и по разговорам с епископом Феофаном (Быстровым), к 1911 году также настроил и отца Илиодора (который в то время заслуживал некоторого доверия) открыто выступить против Распутина, и они вдвоем пытались заставить Распутина навсегда покинуть Санкт-Петербург. 16 декабря 1911 года Распутин был приглашен на Ярославское подворье в Санкт-Петербурге, где остановился епископ Гермоген, член Св. Синода. Встреча была нужна для того, чтобы обвинить Распутина в недолжном поведении. На встречу были приглашены несколько "свидетелей", включая Ивана Александровича Родионова (казацкого журналиста и члена Думы), Митю Козельского, почитавшегося многими людьми юродивым, купца Чернышева и двух священников: Ледовского и Сошественского, а также профессора Стефана Твердынского.

Родионов после рассказывал Родзянко, председателю Думы, как ситуация вышла из-под контроля. Епископ Гермоген называл Распутина лицемером и обвинял его в распутстве, говоря, что это бесчестит Царя и его Семью. Затем он потребовал, чтобы Григорий уехал в Покровское и никогда не возвращался в Санкт-Петербург. Распутин отказался подчиниться требованию Епископа. Родионов рассказывает, что Распутин затем грозил епископу Гермогену, говоря, что "разделается с ним по-своему и раздавит его".¹⁵ Вне себя от гнева, Епископ проклял Распутина, который затем бросился с поднятыми кулаками на владыку Гермогена. Опасаясь, что в припадке ненависти Распутин действительно может ударить Владыку, Родионов, выхватив шашку, поспешил с отцом Илиодором и остальными присутствовавшими на помощь. С трудом им удалось оттащить Распутина от Владыки. Распутин выбежал на улицу, грозя отомстить.

Несмотря на то, что говорят разные источники о последствиях этого случая, на самом деле не предпринималось никаких немедленных действий против тех, кто участвовал в этом происшествии. В то время проходила сессия Св. Синода, и епископ Гермоген, член Синода, использовал возможность, чтобы осудить поведение Распутина. Он обвинил также остальных членов Синода в трусости и ушел с одного заседания, отказываясь и дальше принимать участие в том, что он назвал сотрудничеством с Распутиным. Слова владыки Гермогена распространились по всей столице и вызвали еще большее разделение. Епископ Гермоген и монах Илиодор стали затем засыпать Царя телеграммами, умоляя его не принимать больше Распутина. 17 января 1912 года Владимир Карлович Саблер, Обер-Прокурор Св. Синода, сообщил епископу Гермогену, что Царь приказал последнему вернуться в свою епархию.

Однако епископ Гермоген отказался подчиниться приказу Императора и, вместо того, послал Царю письмо, умоляя его избавить Трон от влияния Распутина. Результат оказался обратным: за неподчинение Царскому приказу владыка

Гермоген был направлен на покой в Жировецкий монастырь. Епископ Гермоген сослался на плохое здоровье, но Саблер ответил, что если Епископ не уедет туда добровольно, то будет выслан насильно. В воскресенье, 22 января 1912 года, епископ Гермоген сел в поезд и навсегда простился с Санкт-Петербургом.

Михаил Родзянко вскоре после отъезда епископа Гермогена имел аудиенцию у Царя и спросил его о причинах его решения отправить Владыку в ссылку. Царь ответил:

Я ничего не имею против епископа Гермогена. Считаю его честным, правдивым архипастырем, прямодушным человеком... Он будет скоро возвращен. Но я не мог не подвергнуть его наказанию, так как он открыто отказался подчиниться моему повелению.¹⁶

Это показывает, что решение Царя удалить епископа Гермогена было вызвано неподчинением Епископа, а не его выпадом против Распутина. Владыка Гермоген был добрым монархистом и искренно любил Царя. Все же его публичные выступления против Григория Распутина послужили на руку революционным элементам столицы и принесли больше вреда Монархии, чем Распутину.

В своих воспоминаниях митрополит Православной Русской Церкви в Западной Европе Евлогий (Георгиевский) пишет:

Аскет, образованный человек, добрейший и чистый, епископ Гермоген был, однако, со странностями, отличался крайней неуравновешенностью, мог быть неистовым. Почему-то он увлекся политикой и в своем увлечении крайне правыми политическими веяниями потерял всякую меру. Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров

перевешали. Он ополчился против Распутина, когда убедился в его безнравственном поведении...¹⁷

В 1917 году Временное правительство восстановило епископа Гермогена: он был назначен Епископом Тобольским в то время, когда Царская Семья находилась там в заключении.

Интереснейшее свидетельство о епископе Гермогене было высказано Борисом Николаевичем Соловьевым, который был женат на дочери Распутина Марии. После убийства Распутина и последующего падения Монархии Соловьев в начале 1918 года отправился в Тобольск предположительно с целью освободить Царскую Семью, содержащуюся там большевиками под стражей. Однажды вечером Соловьев навестил епископа Гермогена. Владыка Гермоген был удивлен, увидев Бориса Николаевича, и пригласил его на чашку чая. Во время их разговора Епископ рассказал нечто необыкновенное:

Я знаю, - говорил он, - что великий крест ты на себя взял, женившись на дочери Григория в такое время. Но верю, что ты будешь для нее верной и крепкой защитой... Слушай, ты отлично знаешь историю моих отношений с покойным Григорием. Я его любил и верил в него, вернее в его миссию внести что-то новое в жизнь России, что должно было укрепить ослабевшие связи между Царем и народом на пользу и благо последнего. Но его самовольное отступление от нашей программы, противоположный моему путь, по которому он пошел, его нападки на аристократию и на таких людей, как Великий князь Николай Николаевич, которых я всегда считал опорой Трона, заставило вначале меня отвернуться от него, а затем, видя его усилившееся влияние при Дворе и учитывая, что при этом условии его идеи будут еще вредоноснее, я начал энергичную кампанию против него. В азарте этой борьбы я многого не замечал.

Я не видел, например, что моя борьба усиливает вредные элементы среди оппозиции Государственной Думы. Я не видел, что, словно сатана, искушавший Христа, вокруг меня вертится, неустанно внушая мне ненависть, упорство и злобу, это подлинно презренное существо, Илиодор! Результаты ты помнишь? Громкий скандал: побежден и отправлен в ссылку в Жировецкий монастырь, где, когда волнения души улеглись и я обрел возможность спокойно размышлять, я с ужасом увидел итог моего выступления. Борясь за Трон, я своей борьбой только скомпрометировал его лишний раз! Сколько мук и терзаний пережил я потом! И вот 1916-й год, декабрь месяц, Григорий убит!.. Тебе расскажу я, как я узнал эту новость.

Я служил обедню в монастыре. Богомольцев было мало, и службу я окончил сравнительно рано. Благословив присутствовавших, я разоблачился, одел шубу и в сопровождении своего келейника пошел к себе в келью. На пути, как обычно, меня встретил о. гостинник с отобранной для меня корреспонденцией, немногими письмами и газетами, которые я регулярно выписывал. Поблагодарив о. гостинника, я прошел к себе, где келейник раздел меня, дал домашний подрясник и туфли. Так как время близилось к обеду, то я тут же благословил его идти на монастырскую кухню, что он и исполнил.

Я остался один. Одев туфли, вооружившись очками, принялся за чтение газет. Первое, что мне бросилось в глаза, было сообщение о смерти Григория Распутина... Я невольно подумал: вот, он гнал меня, из-за него нахожусь сейчас на положении ссыльного, но возмездие было близко, и кара Божья обрушилась на него, он убит!

Вдруг, я никогда не забуду этого момента, я ясно услышал громкий голос Григория за спиной: "Чему

обрадовался?.. Не радоваться надо, а плакать надо! Посмотри, что надвигается!”*

Я обомлел в первую минуту от ужаса... Уронив газету и очки, я боялся повернуться, да и не мог сделать этого... Словно остоленел. Наконец, перекрестившись, я быстро встал, оглядел келью - никого! В прихожей тоже никого! Опустившись на кресло, я не знал, что предпринять! В это время раздался стук в дверь и обычная молитва: “Господи Иисусе!..” - “Амины!” - с трудом ответил я. Вошел с едой мой келейник. Не успел он переступить порога, как я его осыпал вопросами, не встречал ли он кого-либо по дороге и в коридоре и не разговаривал ли он с кем-нибудь, на что получил отрицательный ответ.

Я не мог ничего есть, тщетно стараясь объяснить себе этот странный случай... Наконец, я задал себе вопрос: “Чей голос слышал я?” Ответ был один: “Григория!” Я не мог в этом ошибиться.

Не мне тебе рассказывать, ты это не хуже меня знаешь, что Григорий был особенным человеком, и много чудесного связано с его личностью. Одно скажу, я с трудом дождался вечера, после которой я совершил по нем панихиду, духовно примирившись с ним...¹⁹

В 1918 году Патриарх Тихон перед лицом революционного атеизма дал свое благословение на продолжение крестных ходов повсеместно в России. Однако Тобольские большевики запретили такие крестные ходы и угрожали арестовать

* Похоже, Распутин обладал предчувствием грядущих бед. Однажды в 1916 году, когда Распутин проходил по берегу Невы мимо Петро-Павловской крепости, у него было видение того, что на самом деле случилось всего год спустя: “Я вижу, как там мучают множество людей; не по одиночке, а целыми толпами: груды, кучи тел, несколько Великих князей и сотни графов. Нева будет красной от крови.”¹⁸

епископа Гермогена, если он не подчинится. Владыка Гермоген не обратил никакого внимания на эти угрозы и вместе со своим духовенством и большой группой верующих вывел крестный ход из главного собора и повел вокруг стен Кремля. Тобольский Кремль располагается на большом холме, возвышающемся над городом, и с этой удобной позиции был виден дом губернатора, где содержалась под стражей Царская Семья. Епископ Гермоген подошел один к краю кремлевской стены, поднял большой деревянный крест и благословил их.

За три дня до Пасхи епископ Гермоген был арестован и помещен в тюрьму в Екатеринбурге. Для ходатайства об освобождении Епископа прибыла делегация вместе с его братом, священником Ефремом Долгановым. Власти сначала согласились освободить его в обмен на 10.000 рублей. Однако быстро переменили решение и увеличили сумму выкупа до 100.000 рублей. Деньги были даны Екатеринбургскими купцами, а их получение позже подтверждено распиской.

На следующий день делегация пришла в местный Совет в надежде, что епископ Гермоген будет освобожден. О них больше никто ничего не слышал. Наиболее вероятно, что они были арестованы и переправлены вместе с владыкой Гермогеном, чтобы предстать перед судом в Тобольске. В любом случае, даже учитывая, что их тела так и не были найдены, можно утверждать, что они были убиты.

16 июня 1918 года в Тюмени епископ Гермоген был помещен на борт парохода. Судно направлялось в Тобольск, когда большевики получили известие, что Белая Армия приближается к городу. Большевики привязали 35-ти килограммовый камень к шее владыки Гермогена. Руки и ноги его были связаны, и он был брошен в реку Каму. Его тело было найдено на берегу реки недалеко от села Григория Распутина Покровское и перевезено в Тобольск, где он был захоронен в Софийском соборе, в той же самой могиле, где был захоронен новоканонизированный Тобольский святитель Иоанн (Максимович). Несколько лет спустя коммунисты залили этот участок цементом.

10/23 июня 1994 года в день свт. Иоанна Тобольского Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил заново отреставрированный Софийский собор в Тобольске. Местные церковные власти Тобольска надеются найти могилу новомученика епископа Гермогена в ближайшем будущем.

Митрополит Петроградский Питирим

Вследствие предполагаемых связей с Распутиным от клеветы сильно пострадал еще один церковный иерарх - митрополит Петроградский Питирим (Окнов). Сплетни о Митрополите вращаются вокруг трех основных утверждений: 1) что он получил сан митрополита Петроградского только благодаря близкой дружбе с Григорием Распутиным; 2) что он был растратчиком церковных денег; и 3) что он был явным гомосексуалистом, и что у него был любовник, которого он материально содержал. Эти утверждения встречаются фактически в каждом описании этого человека, но без всяких веских доказательств в их поддержку.

Мирское имя митрополита Питирима - Павел Васильевич Окнов. Родился он в Риге, в Латвии в 1858 году. Его отец был протоиереем в рижском соборе. После окончания средней школы в 1879 году молодой человек поступил в Киевскую Духовную академию. В 1883 году, после ее окончания, Павел был пострижен в монахи и получил имя Питирима. Его духовный отец, известный старец иеросхимонах Алексий (Шепелев) из Голосеевской Пустыни недалеко от Киева, пытался отговорить его от пострига, предостерегая, что монашество будет для него исключительно тяжелым крестом. Возможно, из-за его мальчишечьих мягких манер, естественной робости и скромности.

16 августа 1883 года о. Питирим был назначен преподавателем догматического богословия и немецкого языка в Киевской Духовной академии. В 1887-м он был назначен инспектором Ставропольской семинарии, а в 1890-м стал ректором этой семинарии. Через год, по просьбе Митрополита Санкт-Петербургского, он был назначен

ректором Санкт-Петербургской семинарии и возведен в сан архимандрита. Жизнь в столице и положение ректора семинарии обязывали его постоянно быть на виду в обществе, что давалось ему с трудом из-за его природной застенчивости.

Несмотря на вышеупомянутый недостаток, его подлинное благочестие и организаторские способности снискали глубокое уважение и получили широкое признание в обществе, и в 1894 году архимандрит Питирим был хиротонисан во епископа и стал викарием Черниговским на Украине. Во время пребывания в Чернигове епископ Питирим был весьма любим и уважаем в епархии. Это подтверждается многими записями в архивах Черниговской епархии. В 1897 году владыка Питирим получил свою кафедру - был назначен епископом Тульским. В 1904-м епископ Питирим был переведен в Курскую епархию и вскоре возведен в сан архиепископа.

Князь Н.Д. Жевахов, впервые встретивший владыку Питирима в 1906 году во время изучения жизни свт. Иоасафа Белгородского, пишет:

...Как ни приветлив был Преосвященный Питирим, однако я не мог не заметить, что Владыка делал чрезвычайные усилия для того, чтобы казаться спокойным... В действительности же он был до того расстроен, так нервно истерзан, что с трудом говорил от мучительных спазм в горле. Я не решался спросить о причинах волнения Владыки и только впоследствии узнал, что таково было обычное состояние духа Преосвященного, всегда жившего под гнетом всяческих подозрений, в атмосфере неправды, недоговоренных слов и невысказанных сомнений.²⁰

Сам Владыка Питирим так говорил о своем прошлом:

Я никогда не имел друзей, ибо никогда не умел сливаться с окружающими: везде я был чужой, и

меня не понимали... Среда деспотична; она требует жертв, каких я не мог давать без измены обетам, данным Богу.

Меня поражало, что даже епископы, достигшие того сана, который сам по себе вызывал у мирян благоговение и почитание, старались приспособляться к настроению мирян, вместо того чтобы оберегать то настроение, с каким миряне приходили к ним. Старались казаться светскими, не зная светских правил, вставлять в разговор иностранные слова, не зная иностранных языков, красоваться манерами и тщеславиться тем, чем принято тщеславиться в мирской среде... Зачем все это нужно монаху, отрекшемуся от мира, да еще епископу?! Неужели они не знают, что в глазах мирян удельный вес каждого монаха заключается только в его молитвенной настроенности и истинном благочестии, и что он уже не монах, если озабочен тем впечатлением, какое производит... Ведь к нам приходят не в гости, не для того, чтобы поболтать, а приходят с измученной душой, с истерзанными нервами, с великим горем; приходят за помощью и поддержкой, а не для гостинных разговоров...²¹

В 1913 году архиепископ Питирим был переведен в Самарскую и Ставропольскую епархию, а 26 июня 1914 года назначен Экзархом Грузинской Церкви.

На Кавказе владыка Питирим был очень любим своими прихожанами. Однако то, как он относился к ним, вызывало неудовольствие Св. Синода в Санкт-Петербурге. От епархии архиепископа Питирима было подано прошение проводить церковные службы на родном языке (на грузинском и на осетинском). Однако Св. Синод не согласился удовлетворить эту просьбу, полагая, что настоящим к ней мотивом послужило сепаратистское стремление добиться политической автономии. В свою очередь владыка Питирим не согласился с таким решением Синода, говоря, что те, кто

имеет такие стремления, не имеют отношения к религии. Большинство его паствы с трудом понимало русский язык (не говоря уже о церковно-славянском), и архиепископ Питирим был первым Экзархом Грузинской Церкви, который изучил практически все местные языки.

Царь Николай II встретился с архиепископом Питиримом во время посещения Кавказа в 1914 году. Тот произвел на Царя хорошее впечатление, и Царь захотел перевести его в столицу. Анна Вырубова, самая близкая наперсница Императрицы Александры Феодоровны, подтверждает это:

Император встретил его [Питирима] в конце 1914 года, когда пребывал на Кавказе; Питирим был тогда Экзархом Грузии. Не только Император, но и вся его свита были очарованы скромностью, благочестием и познаниями экзарха, и когда немного позднее Императрица встретила Императора в Воронеже, он рассказал ей, что планирует возвести владыку Питирима на кафедру Митрополита Петроградского. Почти сразу же после этого назначения наушники стали связывать это повышение с влиянием Распутина, но на самом деле эти двое людей никогда не имели более близких отношений, чем формальное знакомство.²²

Тем не менее, Распутина обвинят в этом назначении. Сам митрополит Питирим рассказывал:

С Распутиным я стал встречаться только в Петербурге, а назначен был сюда по рекомендации Наместника Его Величества на Кавказе графа Воронцова-Дашкова и после личного посещения Государем Императором Кавказа. Его Величеству было угодно посетить собор, присутствовать на богослужении, выслушать мое приветственное слово... Тогда же Его Величество и выразил пожелание видеть меня на кафедре Петербургского

Митрополита. Меня испугало такое преднамерение, и я решился просить Государя оставить меня на Кавказе, с которым уже успел сродниться... Однако перевод состоялся.²³

Хотя его подвергали допросу непосредственно насчет его предполагаемых связей с Григорием Распутиным, его ответ почему-то оставлялся без внимания биографами Распутина. Встреча между митрополитом Питиримом и Петром Михайловичем фон-Кауфманом-Туркестанским, бывшим министром народного просвещения, членом Государственного Совета, открыла интересную перспективу. До этой встречи Петр Михайлович относился с предубеждением к митрополиту Питириму. По прибытии на подворье, Петр Михайлович был тепло встречен Владыкой, и они повели беседу о хаосе в политической ситуации в России. Будучи главноуполномоченным Красного Креста, Петр Михайлович был очень близок к Царю и часто бывал в Ставке. Но Императрица была не так благосклонна к нему, и в конце концов он был отстранен от своего поста. Петр Михайлович думал, что за всем этим стоял Григорий Распутин, и считал его главной причиной беспорядков в России. Он затем критиковал митрополита Питирима за непротивление влиянию Распутина.

Владыка все время хранил молчание. Когда Петр Михайлович кончил говорить, Митрополит сказал:

Вот Вы подчеркивали свою близость к Государю, говорили, что бывали у Его Величества даже без вызова, по Вашему личному почину, почему же Вы не раскрыли глаза Государя на Распутина... Кроме Вас были и другие близкие, был протопресвитер Шавельский, который по целым дням и каждый день находился в общении с Государем... Почему же он не сделал такой попытки, почему все сваливают ответственность только на одного Митрополита Петербургского? Знаете ли Вы, сколько раз видел

Митрополит Петербургский Государя за время своего пребывания на столичной кафедре?! Только четыре раза, и притом по десять минут каждый раз.

Когда же Императрица, ясно отдававшая себе отчет в этом явлении, приглашала меня для бесед на общие церковно-государственные темы, тогда общество стало обвинять меня во вмешательстве в политику и находить, что единственной дозволенной темой моего разговора с Царем и Царицей мог быть только Распутин.

...Я должен сказать, что хотя авторитет Распутина в глазах Государя и Государыни и действительно был высок, но Распутин не пользовался своим авторитетом для преступных целей и самые ярые его враги не в состоянии будут указать ни одного преднамеренного преступного деяния с его стороны. Если бы его имя не сделалось мишенью для обстрела Монархии, то он сошел бы со сцены так же, как сошли со сцены и его предшественники. Нужно было замалчивать это имя так же, как в свое время замалчивалось имя графа Эйленбурга в Германии, а не раздувать его славу, все равно, добрую или худую, ибо обе были одинаково вредны и для государства опасны.

Все это хорошо сознавали все, но боялись прослыть "распутинцами" и тем громче кричали о преступлениях Распутина, чем больше желали отмежеваться от него и не запятнать своей репутации. А в чем выражались конкретные преступления Распутина, этого никто не мог сказать, и когда я об этом спрашивал, то никто не мог мне ответить, а отделывался лишь общими фразами. Не Распутин погубил Россию, а Ставка и Дума, но туда никто не заглядывал. Мне больше всех доставалось

из-за Распутина, я страдал из-за этого имени больше, чем другие, ибо мной пользовались дурные люди, играя именем Распутина.

Говорили, что Распутин сменяет и назначает министров. Может быть, и была доля правды в том, что он рекомендовал Государю того или другого министра. И однако же этот ужасный человек, имя которого прогремело на весь свет как синоним зла, который якобы вызвал революцию, этот самый человек не рекомендовал Государю ни одного из тех лиц, которые сменили “распутинских ставленников” и образовали Временное правительство, погубившее Россию. И уж во всяком случае Распутин любил Царя и Россию больше, чем эти преступники. Да, это был болезненный нарост на государственном организме, и было бы лучше, если бы его не было, однако видеть в Распутине главное зло в жизни России за последние годы, значит не знать ни истории, ни психологии революции, на страницах которой имя Распутина даже не упоминалось.²⁴

К одной из любимых сплетен, используемых биографами Распутина для дискредитации митрополита Питирима, относится история с молодым человеком по имени Иван Зиновьевич Осипенко, служившим секретарем у Митрополита. Его считали или любовником, или незаконным сыном Питирима.

Истории о приписываемом ему гомосексуализме никогда не подтверждались. Обвинения в гомосексуализме и растрате церковных денег всегда были любимым орудием клеветников против монахов, потому что половое воздержание и растрата церковных денег, оправданная или нет, - наиболее быстрые средства для того, чтобы посеять сомнение в умах людей. Кроме того, монахи, как правило, стараются избегать самооправдания, и их клеветникам не грозит публичное обвинение в клевете.

Князь Н.Д. Жевахов прямо спросил Митрополита о его отношении к Осипенко, но ответ Митрополита отсутствует фактически в каждой книге о Распутине:

Расскажите мне о нем, - спросил князь Н.Д. Жевахов... Об Иване Зиновьевиче ходило столько сплетен... Откуда он, давно ли Вы его знаете, правда ли, что он был Вашим келейником, а потом сделался секретарем...

Митрополит ответил:

Нет, келейником Ваня никогда не был, он был певчим в архиерейском хоре. Это круглый сирота, без отца и матери, кто-то из родных или знакомых его определил Ваню в хор, а потом и бросил его. После спевок или церковных служб его товарищи разойдутся к себе по домам, кто к родителям, кто к родным, а Ване некуда было деваться, я и пожалел сироту, и приютил его. У него был хороший голос, мне хотелось помочь ему выбиться на дорогу, я и заставил его брать уроки пения и оплачивал эти уроки. Так время шло, Ваня привязался ко мне и не хотел отходить от меня. Куда шла иголка, туда тянулась за ней и нитка. С годами голос его пропал, нужно было подыскать ему другое занятие, я и пристроил его к своей канцелярии.

О, как строги к нам, монахам, миряне! У них семьи, у них дети, которых они любят, которых ласкают и утешаются их любовью, и никто их не осуждает за это. А за нами зорко следят, мы точно в одиночном заключении, можем иметь общение с людьми только на расстоянии. Но ведь и мы люди, и у нас есть сердце, к которому иной раз хочется прижать ребенка, когда он тянется к нам, утешиться

его лаской, залюбоваться его чистотой. За что же я должен был гнать от себя Ваню, когда он смотрел мне в глаза и держался за меня обеими руками, не имея никого, кто был бы к нему близок? За то, что его называли моим сыном и напрасно обижали, за то, что приписывали ему преступления, которых он не совершал?! Если бы Вы знали, как иногда тяжело было дышать этой атмосферой лжи и неправды, этого внешнего низкопоклонства и раболепства, где было так мало искренности, где отовсюду веяло таким холодом, как хотелось перемены, как стремилась душа к общению с невинностью и чистотою, как бежала навстречу детской, неиспорченной душе...²⁵

Митрополит Питирим был деятельным руководителем. В отличие от других членов Св. Синода, он проявлял большую инициативу, объезжая свою епархию, посещая военные госпитали, увещевая больше платить приходским священникам и обеспечивать пенсию для духовенства. Он был единственным членом Синода, оказывавшим помощь возраставшей православной миссионерской деятельности в Западной Европе и переводившим основные православные творения на местные языки. В этом он далеко обогнал свое время. Спустя 80 лет православные общины на Западе все еще стремятся к достижению этих же целей.

Тем не менее, достаточно странно, что о. Георгий Шавельский*, протоиерей Армии и Флота, настаивал на том, что митрополит Питирим был "совершенно бесцветным и непримечательным", "не ученый, не благочестивый", и не имевший "никаких даров или особой деятельности". По словам Шавельского, митрополит Питирим "служил

* Это, возможно, отражало предвзятое отношение самого Шавельского. Годы спустя, когда к власти пришло Временное правительство, о. Георгий Шавельский шокировал многих людей, возглавив движение, известное как "церковный большевизм".²⁶

Литургию самым театральным образом... никому из служивших в Царском Селе это не нравилось”.²⁷

В конце февраля 1917 года группа выпивших солдат вторглась в резиденцию митрополита Питирима, заявляя, что они ищут оружие. Вскоре после этого пришла еще одна группа, и митрополит был арестован по приказу министра юстиции при Временном правительстве А.Ф. Керенского. В то время как машина сквозь толпы заплотнившихся улицы революционно настроенных людей пробиралась к Думе, какой-то человек вскочил на подножку автомобиля и, схватив митрополита Питирима за рукав его рясы, пытался вытащить его из машины. Между этим человеком и конвоем завязалась борьба. Нападавший был убит выстрелом. Воспользовавшись замешательством народа, машина выехала из толпы и в конце концов прибыла к зданию Думы. Сам Керенский встретил митрополита Питирима и содержал его под стражей четыре часа. Затем объявил, что Митрополит должен покинуть Петроград, и предоставил ему возможность выбрать себе направление. Митрополит Питирим избрал Пятигорск, где он жил в добровольной нищете в подворье Второ-Афонского монастыря.

Шел 1919 год, наступало Рождество. Маленькая церковь была заполнена прихожанами, служил митрополит Питирим. Князь Н.Д. Жевахов так передает свое впечатление:

Трудно передать то впечатление, какое охватывало меня всякий раз, когда я переступал порог этой церкви, так напоминавшей ветхую часовенку, затерявшуюся в захолустье, в деревенской глуши. Та же бедная, громоздкая церковная утварь, те же лубочного письма иконы в неуклюжих киотах, те же поношенные, подлинявшие облачения, те же два певчих на клиросе - пономарь и диакон... Везде пыль, везде отпечаток нерадения, косности, неуважения к святыне. Я не сводил глаз с Митрополита и следил за каждым его движением, и сердце сжималось от

боли при виде того несоответствия, какое рождалось между Митрополитом и обстановкой, его окружавшей. И каким суровым обвинением прозвучали в моем сознании упреки тем, кто допустил такое несоответствие. Этот убогий храм на 20 человек, эти изломанные, согнутые, кривые ставники и покрытые тряпками аналои, эти тяжелые канделябры вместо дикирия и трикирия, скуфейка вместо митры, удушливый запах перегорелой бумаги вместо ладана - все это производило удручающее впечатление...

[Тем не менее,] митрополит Питирим совершал Божественную Литургию так дивно, так благоговейно, с таким высоким подъемом религиозного чувства, с таким проникновенным поминанием сущности Евхаристической Жертвы, что уносил с собою на небо всех молящихся вместе с ним.

Но вот кончилась Литургия... Митрополит вышел на амвон и обратился к молящимся с проповедью. Он говорил о Рождестве Христовом, о Вифлеемских яслях, о смирении как основе всякого подвига и величайшей движущей силе, и эта проповедь была так удивительна, явилась выражением таких страданий, лично пережитых и переживаемых.... что произвела потрясающее впечатление и заглушалась громкими рыданиями молящихся в храме. Плакал и Митрополит. Эта проповедь явилась и лебединою песнью Владыки. Ни раньше, ни после я таких проповедей не слышал.²⁸

Тем временем большевики приближались к Пятигорску. 31 декабря 1919 года владыка Питирим и князь Жевахов сели на поезд в Екатеринодар. Они прибыли в Екатеринодар 1 января и были приняты митрополитом Киевским Антонием (Храповицким), который отдал свою комнату митрополиту

Питириму. Однако состояние здоровья владыки Питирима ухудшилось, и он почил о Господе 21 февраля 1920 года. Перед кончиной митрополит Питирим исповедался и причастился Святых Таин, и был соборован митрополитом Антонием с причтом.

Спустя два дня митрополит Антоний, епископ Сергей Новороссийский и восемь иерархов совершили заупокойную Литургию, еще пятнадцать иерархов присутствовали на отпевании. Митрополит был похоронен в екатеринодарском соборе. Такой была христианская кончина одного из наиболее обесславленных и оклеветанных людей, связанных с Григорием Распутиным.

Митрополит Макарий Московский

Считавшийся клириками и прихожанами еще при жизни святым, митрополит Московский Макарий (Невский) также подвергался жесткой критике за его предполагаемую связь с Григорием Распутиным.

Прежде чем стать Митрополитом Московским, владыка Макарий был известен по всей России как выдающийся миссионер Алтайского края, где он провел более 30 лет, изучая местные языки и обучая Православию местных жителей на их родных языках. Благодаря упорным усилиям о. Макария (Невского), о. Михаила (Чевалкова) и первого православного миссионера на Алтае о. Макария (Глухарева), население Алтая получило свой письменный язык, школы, книги и библиотеки.

В 1891 году о. Макарий был назначен Епископом Томским и Барнаульским, а в 1906 году - Архиепископом этих же районов.

Владыка Макарий стал Митрополитом Московским в 1912 году в возрасте 77 лет. Ходили слухи, что Григорий Распутин в самом деле оказал влияние на перевод в Москву владыки Макария. Даже если это и правда, то это можно вменить Распутину в заслугу, учитывая хорошую репутацию Владыки Митрополита. Хотя раньше они никогда не встречались,

потребовалось немного времени, чтобы враги Распутина избрали своей мишенью и митрополита Макария.

Степан Петрович Белецкий, бывший начальник полиции, рассказал чрезвычайной следственной комиссии в 1917 о митрополите Макарии следующее:

Что же касается митр. Макария, то я с ним познакомился во время Высочайших приездов на Московские торжества и из представлений с Виссарионовым Владыке для испрошения его благословения; я вынес от всего облика Владыки глубокое впечатление, оставшееся у меня надолго в воспоминании, в особенности от его старческих, добрых и всепрощающих глаз. Зная, что он не был до перехода в Москву знаком с Распутиным и что Распутин, приехавший впервые на торжества 1912 года, хотя и старался затушевать свой приезд в Москву, но, тем не менее, горел желанием повидать Владыку и собирался к нему явиться, я предупредил об этом Владыку. Владыка к этому отнесся спокойно, и, не изменяя ни выражения лица, ни своих глаз, только тихо и тем же голосом ответил: "говорят, что он дурной человек, но раз он хочет моего благословения, то я в нем никому не отказываю".²⁹

Всякий раз, когда Распутин приезжал в Москву, он останавливался в доме Анисьи Ивановны Решетниковой, богатой старой вдовы. Существует полицейский доклад, из которого видно, что митрополит Макарий однажды ходил в дом Решетниковой, где встретил Распутина.³⁰ После этого пошли слухи, что митрополит Макарий ходил туда советоваться с Распутиным, и за ним закрепилось имя "распутинец".

Одним из наиболее резких критиков Григория Распутина в то время был о. Владимир Востоков, священник-либерал из одного из рабочих районов Москвы. Востоков был редактором журнала "Жизненные ответы", который он

использовал для открытых нападок на Распутина. Митрополит Макарий не одобрял таких выпадов и приказал Востокову их прекратить, назначив его служить в Коломну, недалеко от Москвы.³¹

Когда Временное правительство захватило власть, князь Г.Л. Львов находился в должности премьер-министра, а также и в должности обер-прокурора Св. Синода. Одним из его первых действий было устранение иерархов, которые тем или иным образом были связаны с Григорием Распутиным. Митрополит Макарий был отстранен от своих обязанностей и выслан из Москвы в Троице-Сергиеву лавру. Затем он был переведен в Николо-Угreshский монастырь под Москвой.

Владыка Макарий присутствовал на Поместном Соборе Всероссийской Православной Церкви 1917-1918 годов. Даже тогда он подвергался нападкам просто из-за связи его имени с именем Распутина. Послушник, помогавший архиепископу Феофану Полтавскому во время Собора, отмечает:

Помню, как напали на митрополита Макария, святой жизни был Иерарх. Он покинул заседание, но улыбаясь...³²

Князь Н.Д. Жевахов писал о митрополите Макарии после его смерти следующее:

Много книг нужно было бы написать, чтобы хотя вкратце очертить облик почившего праведника, являвшего примером своей жизни, особенно в последние годы борьбы с большевиками, такую изумительную веру в всемогущество Божие...

Кто знает, что несколько разбойников, коим удалось проникнуть в монастырь и даже приблизиться к дверям келии праведного старца, мгновенно ослепли и затем на коленях и со слезами вымаливали прощение, ссылаясь на то, что действовали по принуждению, а не по доброй воле, что в другой раз густое облако окутало целую роту

красноармейцев, приближавшихся к Николо-Угрешскому монастырю с целью убить Митрополита, и они сбились с пути и, проблуждав до поздней ночи, вернулись обратно в Москву, не выполнив заданного поручения...³³

Владыка Макарий оставался в Николо-Угрешском монастыре до его закрытия в начале 1920-х годов, а затем переехал в село Котельники Московского уезда, где 16 февраля 1926 года почил о Господе в возрасте 92 лет. Митрополит Макарий был похоронен в Котельниках в церкви Казанской иконы Божией Матери. Позже его останки были перенесены в Свято-Троицкую Сергиеву лавру в Сергиевом Посаде.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Другим высокоуважаемым церковным лицом, расположенным к Распутину в его первые годы пребывания в Санкт-Петербурге, был отец Иоанн Кронштадтский. Отец Иоанн был настоятелем Андреевского собора в Кронштадте, пригороде Санкт-Петербурга. Широко известный святой жизнью и несомненным даром исцелений, он был решительным сторонником Монархии и поддерживал Самодержавную власть. Анна Вырубова, хорошо знавшая отца Иоанна, свидетельствует, что отец Иоанн встречался с Григорием Распутиным в начале его жизни в Петербурге и считал его "...странником, имеющим дар молитвы".³⁴

Великая княгиня Ольга Александровна рассказывает:

О нем [Распутине] впервые слышали в Санкт-Петербурге в 1904. Святой Иоанн Кронштадтский встречал его и был глубоко тронут его покаянием. Распутин не делал никаких попыток прикрасить свое непривлекательное прошлое. О. Иоанн, видев его на молитве, был убежден в его искренности.³⁵

Хотя не совсем ясно, что подразумевается под “непривлекательным прошлым”, возможно предположить, что это относилось к его ранним годам, когда он был крестьянином в Сибири.

Дочь Григория Распутина Мария утверждает, что ее отец получил благословение от отца Иоанна, который наказал ему “странствовать, развивать свои дары и помогать людям возрождать свою веру”.³⁶

О. Иоанн почил о Господе в 1908 году. Во время последующих лет, так как имя Григория Распутина очернялось все более и более, то были предприняты попытки отделить его имя от имени о. Иоанна. 2 июля 1914 года в “Петербургском курьере” - газете, известной своими сенсационными статьями - появился рассказ об о. Иоанне и Распутине. Пытаясь отрицать ранние положительные отзывы о. Иоанна о Распутине, протоиерей Ф.Н. Орнатский, настоятель Казанского собора в Санкт-Петербурге, рассказывает:

О. Иоанн спросил старца: “Как твоя фамилия?”

И когда последний ответил: “Распутин,” сказал: “смотри, по фамилии твоей и будет тебе”.³⁷

Эта история популярна в России и по сей день, а связана она с тем, что слова “Распутин” и “распутный” - одного корня. Однако, приписывать такие слова канонизированному в 1988 году о. Иоанну Кронштадтскому - это значит быть к нему несправедливым. История, по-видимому, была обдуманной попыткой отделить имя о. Иоанна от Распутина. Этот рассказ появился шесть лет спустя после смерти св. прав. Иоанна и то время, когда имя Распутина со всех сторон поливалось грязью.

Архиепископ Полтавский Феофан (Быстров).

Святитель Феофан - один из великих светильников Православной Церкви и один из величайших богословов своего времени. Духовник Царской Семьи, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии, он стал в последующие годы защитником Креста Господня - православного учения о Догмате Искупления - от ереси митрополита Антония (Храповицкого), благословленной Зарубежным Синодом. Он послужил также Святому Православию критикой софианства отца Сергия Булгакова. Кроме того, святитель Феофан выступил против духовного недуга, поразившего обе части Православной Российской Церкви - и в России подъяремной, и в России заграничной. Это сергианское и евлоганское уклонения от прямого пути Православия.

Подробнее о святителе Феофане, этом прозорливце и пророке, целителе душ и телес человеческих, можно прочитать в книге Ричарда (Фомы) Бэттса и Вячеслава Марченко "Духовник Царской Семьи. Святитель Феофан Полтавский", изданной в 1994 году и переизданной в 1996 году в Москве Братством преподобного Германа Аляскинского и Российским Отделением Валаамского Общества Америки. В этой книге есть глава о Григории Ефимовиче Распутине и его отношениях со Святителем.

* * * * *

Приложение 2

В. М. Руднев

ПРАВДА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ И “ТЕМНЫХ СИЛАХ”

Состоя товарищем прокурора Екатеринославского Окружного суда, 11-го марта 1917 г., орденом министра юстиции Керенского, я был командирован в Петроград, в чрезвычайную комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц.

В Петрограде, работая в этой комиссии, я получил специальное поручение обследовать источник “безответственных” влияний при Дворе, причем этому отделу комиссии было присвоено наименование: “Обследование деятельности темных сил”. Занятия комиссии продолжались до последних чисел августа 1917 г., когда я подал рапорт об отчислении ввиду попыток со стороны председателя комиссии прис. пов. Муравьева побудить меня на явно пристрастные действия. Мне, как лицу командированному с правами судебного следователя, было предоставлено производство выемок, осмотров, допрос свидетелей и т.д. В целях всестороннего и беспристрастного освещения деятельности всех лиц, относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление, как о людях, имевших исключительное влияние на направление внутренней и внешней политики, мною были рассмотрены и разобраны архивы Зимнего дворца, Царскосельского и

Петергофского дворцов, а равно и личная переписка* Государя, Императрицы, некоторых Великих князей, а также и переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы, графини С.С.Игнатьевой**, доктора Бадмаева***, В.Н.Воейкова**** и других высокопоставленных лиц.

При производстве расследования было обращено особое внимание на личность и характер деятельности Г.Е.Распутина и А.А.Вырубовой, также и на отношение Царской Семьи к Германской Императорской Фамилии.

Считая, что задача моего обследования имеет громадное значение в смысле освещения событий, предшествовавших и сопровождающих революцию, я снимал копии со всех протоколов осмотров, проходивших через мои руки документов, а равно и со свидетельских показаний.

Уезжая из Петрограда, я захватил с собой все эти копии в Екатеринослав, где они хранились в моей квартире, но теперь, вероятно, разграблены при разгроме моей квартиры большевиками. Если же, сверх ожидания, копии этих

*Татьяна (Боткина) Мельник, дочь доктора Евгения Боткина, сообщает, что, проезжая через Сибирь, она встретила одну даму, спросившую ее об отношении Ее Величества к Григорию Распутину. Рассказав ей все, что она знала, женщина сказала Татьяне, что ей пришлось быть однажды в следственной комиссии, помещавшейся в Петрограде в Таврическом дворце. Во время долгого ожидания она слышала разговор, происходивший в соседней комнате. Дело шло о корреспонденции Царской Семьи. Один из членов следственной комиссии спросил, почему еще не опубликованы письма Императрицы и Великих княжон. "Что Вы говорите, - сказал другой голос, - вся переписка находится здесь - в моем столе, но если мы ее опубликуем, то народ будет поклоняться им как святым."

** Петербургский салон графини Софьи Сергеевны Игнатьевой был знаменит беседами о религии и политике.

*** Петр Александрович Бадмаев занимался тибетской медициной. Среди его пациентов были Михаил Родзянко и Александр Протопопов. Практичный политик, Бадмаев был позже обвинен в том, что намеренно "привил" болезнь Цесаревичу Алексею, чтобы на сцене мог появиться Распутин и исцелить его. На самом деле, Распутин и Бадмаев никогда не были близки.

**** Генерал Владимир Николаевич Воейков, дворцовый комендант.

документов не уничтожены, и я доживу до того времени, когда получу их в свои руки, то я предполагаю опубликовать их в печати полностью, не делая никаких выводов и заключений.

Теперь же я считаю необходимым представить краткий очерк характеристики главных деятелей той области, которая называлась печатью и общественностью “областью темных сил”, причем, так как этот очерк составляется мною по памяти, то в нем, конечно, будет упущено много, быть может, интересных подробностей.

Прибыв в Петроград в следственную комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины.

Наиболее интересной личностью, которой приписывалось влияние на внутреннюю политику, был Григорий Распутин, а поэтому естественно, что его фигура явилась центральной при выполнении возложенной на меня задачи. Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двойное: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев.

Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день, и в нем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два-три часа, причем обозначалось как время выездов и возвращений, так и все встречи по дороге. Что касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и все посетители аккуратно вносились в журнал; при этом, так как фамилии

некоторых из них не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробно приметы посетителей. Познакомившись с этими документами, а также допросив ряд свидетелей, фамилии которых в документах упоминались, и сопоставив эти показания, я пришел к заключению, что личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как об этом говорили и писали.

Исследуя нравственный облик Распутина, я, естественно, обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые в конце концов открыли ему доступ ко Двору, и я выяснил, что первым этапом в этом постепенном продвижении вперед было его знакомство с известными глубоко религиозно настроенными и несомненно умными архиепископами Феофаном и Гермогеном. Убедившись, на основании тех же документов, что тот же Григорий Распутин сыграл роковую роль в жизни этих столпов Православной Церкви, будучи причиной удаления Гермогена в один из монастырей Саратовской Епархии на покой и низведения Феофана на роль провинциального Епископа, тогда, когда эти истинно православные Епископы, заметив проснувшиеся в Григории Распутине темные инстинкты, открыто вступили с ним в борьбу, - я пришел к заключению, что несомненно в жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губернии, имело место какое-то большое и глубокое душевное переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться ко Христу, так как только наличием этого искреннего Богоискания у Распутина в тот период времени и может быть объяснено сближение его с указанными выдающимися Пастырями. Это мое предположение, основанное на сопоставлении фактов, нашло себе подтверждение в безграмотно составленных Распутиным воспоминаниях о хождении по святым местам. От этой книги, написанной Григорием Распутиным, дышит наивной простотой и задушевной искренностью. Опираясь на содействие и авторитетность указанных Архиепископов, Григорий Распутин был принят во дворцах Великих княгинь Анастасии и Милицы Николаевен, а затем, через посредство

последних, знакомится с г-жей Вырубовой, тогда еще фрейлиной, и производит на нее, женщину истинно религиозно настроенную, огромное впечатление; наконец, он попадает и в Царский Двор. Здесь у него пробуждаются заглушенные низкие инстинкты, и он превращается в тонкого эксплуататора доверия Высоких Особ к его святости.

При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно простодушной последовательностью. Как показало обследование переписки по сему поводу, а затем как подтвердили и свидетели, Распутин категорически отказывался от каких-либо денежных пособий, наград и почестей, несмотря на прямые, обращенные со стороны Их Величеств, предложения, как бы тем самым подчеркивая свою неподкупность, бессребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую Семью, что он - единственный предстатель за нее перед Престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него, все клеветают на него, и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственно, что позволял себе Распутин, это оплату его квартиры из средств Собственной Его Величества Канцелярии, а также принимал подарки собственной работы Царской Семьи - рубашки, пояса и прочее.

Входил Распутин в Царский Дом всегда с молитвою на устах, обращаясь к Государю и Императрице на "ты" и трижды с ними лобызаясь по сибирскому обычаю. Известно, что он говорил Государю: "моя смерть будет и твоей смертью", и при этом установлено, что при Дворе он пользовался репутацией человека, обладающего даром предсказания событий, облекая свои предсказания в загадочные формы, по примеру древней Пифии.

Источником средств для Распутина служили те прошения разных лиц по поводу перемещений, назначений, помилований, которые составлялись на Высочайшее Имя и передавались во Дворец через его руки. В целях большей авторитетности своего голоса Распутин поддерживал такие

ходатайства при беседе с Их Величеством, облекая их в особые формы предсказаний и подчеркивая, что удовлетворение этих просьб ниспошлет особые дары и счастье Царской Семье и стране.*

К сказанному выше необходимо добавить, что Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза.** Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина - Симановича, студента Коммерческого института, причем все явления болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного.

Запечатлен мною и другой яркий случай проявлений этой особенной психической силы Распутина, когда он был вызван зимой 1914-1915 г. в будку железнодорожного сторожа Царскосельской дороги, где после крушения поезда лежала в совершенно бессознательном состоянии, с раздробленными ногами и тазобедренной костью и с трещинами черепа Анна Александровна Вырубова. Около нее в то время находились Государь и Императрица. Распутин, подняв руки кверху, обратился к лежащей Вырубовой со словами: "Аннушка, открой глаза". И тотчас она открыла глаза и обвела ту комнату, в которой лежала. Конечно, это произвело сильное

* Не существует доказательств того, что Царь оказывал Распутину какие-либо услуги за обещанные последним "особые дары". - Р.Б.

** Нет ни одного очевидца, способного подтвердить, что Григорий пользовался гипнозом, исцеляя или молясь за кого-либо. Тем не менее, существует целый ряд различных мнений о том, пользовался ли Распутин гипнозом. Так, например, Алексей Хвостов, бывший министр внутренних дел, свидетельствует: "Бесспорно, Распутин был одним из наиболее сильных гипнотизеров, которых я когда-либо встречал". Великая княгиня Ольга Александровна, напротив, говорит о том впечатлении, которое произвели на нее глаза Распутина, с то синими, то коричневыми зрачками, которыми он иногда вращал в пугающей княгиню манере; но при этом она не видела в них никакого магнетизма: "Я никогда не чувствовала себя загипнотизированной Распутиным. Я не считала, что в его личности было что-либо, чему нельзя было сопротивляться..."³ - Р.Б.

впечатление на окружающих, а в частности на Их Величества и, естественно, содействовало укреплению его авторитета.

Вообще надо сказать, что Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не заурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминавшие порою юродивого, были, несомненно, искусственны; ими он старался подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность.

Ввиду того, что в периодической прессе уделялось много места разнузданности Распутина, ставшей синонимом его фамилии, на это обстоятельство при производстве следствия было также обращено надлежащее внимание, и богатейший материал для освещения его личности с этой стороны оказался в данных того самого негласного наблюдения за ним, которое велось охранным отделением. При этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходили из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда и с некоторыми из его просительниц. Что же касается его близости к дамам высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было.

Но имеются указания, что в пьяном виде он старался создать иллюзию своей интимной близости к Высшим кругам, в особенности перед теми, с которыми он был в приятельских отношениях и которым он был обязан своим повышением. Так, например, при обыске у епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: "милый, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пускают". Ввиду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов. С целью выявить этот вопрос Верховной Следственной комиссией был приглашен профессор по кафедре сектантства Московской Духовной академии

Громогласов; последний ознакомился со всем следственным материалом и, считаясь с тем, что совместное мытье мужчин с женщинами в банях является в некоторых местах Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний на принадлежность его к хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам, Громогласов также не усмотрел никаких признаков хлыстовства.

Вообще, Распутин по природе был человек широкого размаха; двери его дома были всегда открыты; там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь за его счет; в целях создания вокруг себя ореола благотворителя по слову Евангелия: "рука дающего не оскудеет", Распутин, постоянно получая деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся и вообще лицам бедных классов, к нему обращавшимся тоже с какими-либо просьбами, даже и не материального характера. Этим он создал себе популярность благотворителя и бессребренника; кроме того, большие суммы Распутин сорил по ресторанам и загородным садам, вследствие чего никаких особенных средств после его смерти семье его, проживавшей в Сибири, оставлено не было.

Следствием был собран многочисленный материал относительно просьб, проводимых Распутиным при Дворе; все эти просьбы касались, как было выше указано, назначений, перемещений, помилований, пожалований, проведения железнодорожных концессий и других дел, но решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при Дворе, несомненно, было велико. Примеры этого влияния очень многочисленны: так, между прочим, при обыске в канцелярии Дворцового коменданта, генерала Воейкова, было обнаружено несколько писем на его имя такого содержания: "Енералу Фавейку. Милой, дорогой, устрой ее, Григорий". На подобных письмах оказались отметки, сделанные рукой Воейкова, сводившиеся

к указанию имени, отчества и фамилии просителей, их места жительства, содержания просьбы, отметки об удовлетворении просьбы и об оповещении просителей; тождественного содержания были обнаружены письма и у бывшего председателя Совета Министров Штюрмера, а равно и у других высокопоставленных лиц. Но все эти письма касались исключительно просьб об оказании личных протекций по поводу разных случаев из жизни лиц, о которых ходатайствовал Распутин.

Распутин всем лицам, с которыми ему приходилось сталкиваться более или менее часто, давал прозвища, некоторые из них получали права гражданства и при Дворе; так, например: Штюрмера он называл Стариком, архиепископа Варнаву - Мотыльком, Государя - Папой, Государыню - Мамой. Прозвище Варнавы "Мотылек" было обнаружено и в одном из писем Императрицы к Вырубовой.

Следственный материал приводит к несомненному заключению, что источником влияния Распутина при Дворе была наличность высокого религиозного настроения Их Величеств и, вместе с тем, Их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного действительного предстателя и молитвенника за Государя, его Семью и Россию перед Богом*, причем наличность этой святости усматривалась Царской Семьей в отдельных случаях исключительно в воздействии Распутина на психику приближенных ко Двору лиц, как, например (о чем указано выше), приведение в сознание г-жи Вырубовой, затем благотворное влияние на здоровье Наследника и ряд удачных предсказаний; при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличностью необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний - всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом.

* Здесь Руднев явно преувеличивает: его слова не находят подтверждения ни в бумагах Государя или Государыни, ни их близких. Будучи православными, они, конечно, молились друг о друге и испрашивали молитв многих других христиан. - Р.Б.

Этим влиянием Распутина на Царскую Семью старались, конечно, пользоваться ловкие люди, способствуя тем самым развитию в нем низких инстинктов. Особенно ярко это сказалось в деятельности бывшего министра внутренних дел А.Н.Хвостова и директора Департамента полиции Белецкого, которые, чтобы упрочить свое положение при Дворе, вошли в соглашение с Распутиным и предложили ему такие условия: выдавать из секретного фонда департамента Полиции ежемесячно по 3 000 руб. и единовременные пособия в различных суммах, по мере надобности, за то, чтобы Распутин проводил при Дворе тех кандидатов, которых они будут указывать на желательные для них посты. Распутин согласился и действительно первые два-три месяца выполнял принятые на себя обязательства, но затем, убедившись, что такое соглашение для него невыгодно как значительно сокращавшее круг его клиентуры, он, не предупреждая об этом Хвостова и Белецкого, стал действовать самостоятельно, на свой страх и риск. Хвостов, удостоверившись в неискренности Распутина и опасаясь, что в конце концов Распутин может начать действовать против него, решил открыто вступить с ним в борьбу, учитывая, с одной стороны, доброе к себе расположение Царской Семьи, а с другой - рассчитывая на содействие Государственной Думы, членом которой он был и которая относилась к Распутину с крайней ненавистью. При создавшемся положении вещей в крайне тяжелом положении оказался Белецкий, не веривший в обаяние и мощь Хвостова при Дворе и, наоборот, надлежаще расценивавший исключительное влияние Распутина на Царскую Семью. После недолгого раздумья Белецкий решил изменить своему начальнику и покровителю Хвостову, перейдя всецело на сторону Распутина. Заняв такую позицию, Белецкий, выражаясь языком Распутина, поставил себе целью "свалить министра Хвостова". В конечном результате борьбы Распутина и Белецкого против Хвостова и явился так много нашумевший в газетах пресловутый заговор на жизнь старца. Инсценировка этого заговора была организована Белецким

следующим образом. Он привлёк для этой цели совершенно опустившегося в нравственном отношении “бывшего человека” инженера Гейне, содержателя игорных притонов в Петрограде, и тайно командировал его в Христианию, также к “бывшему человеку” расстриге-монаху, известному Илиодору - Сергею Труфанову, бывшему прежде другом Распутина. Результатом этой поездки была посылка ряда телеграмм из Христиании к Гейне в Петроград за подписью Илиодора, в которых очень прозрачно говорилось о будто бы готовившемся ими покушении на жизнь Распутина. Так, например, в одной из телеграмм Илиодора к Гейне говорилось почти дословно следующее: “нанятые 40 человек ждут, ропшут, переведите 30 000”. Все эти телеграммы, как поступившие из нейтральной страны во время войны, до выдачи их адресатам в копиях сообщались в Департамент полиции, но затем, без надлежащего обследования, как это полагалось согласно законам военного времени, прямо вручались инженеру Гейне. Наконец, в один прекрасный день, Гейне, имея в руках эти телеграммы, является в виде раскаявшегося грешника в приемную Распутина и, представляя доказательства наличия заговора принесенными с собой телеграммами, чистосердечно сознается старцу, что участвовал в заговоре на его жизнь, передает все подробности этого заговора и кончает заявлением, что во главе его стоит министр внутренних дел А.Н.Хвостов. Все эти данные были сообщены Распутиным Царской Семье и повлекли за собой отставку Хвостова. Как подробность инсценировки этого заговора интересен следующий факт: в телеграммах, поступивших к Гейне из Христиании, помещался ряд фамилий лиц, проживающих в Царицыне и входивших будто бы в сношения с Илиодором и даже приезжавших к нему в Христианию для заговора. Однако произведенное по этому поводу, по горячим следам, расследование через Жандармскую полицию не только не подтвердило правдивости этих указаний, но доказало, что означенные лица из Царицына никуда не уезжали, как о том

свидетельствовали акты осмотра домовых книг и других документов.

Следует заметить, что А.Н.Хвостов был лично очень ценим и уважаем Государем, а в особенности Императрицей, которые, по свидетельским показаниям личностей, близко стоявших ко Двору, считали его религиозно настроенным и в высшей степени преданным Царской Семье и России. Следующий, однако, эпизод показывает, насколько Хвостов прежде всего заботился и оберегал свои личные интересы: однажды он пригласил к себе жандармского генерала Комиссарова и предложил ему немедленно, переодевшись в штатское, поехать к Распутину и привезти его к митрополиту Питириму, что тот и исполнил. Исполняя поручение Хвостова, Комиссаров вместе с Распутиным прошел в покои Питирима, где в одной из комнат их встретил служака Питирима, который, приняв их, удалился во внутренние покои с докладом к Его Высокопреосвященству. Вскоре после этого в ту же комнату вошел сам Питирим и здесь, когда ему Распутин представил генерала Комиссарова, последний заметил, как Питириму было неприятно на этот раз появление в его покоях жандармского генерала. Тем не менее, Питирим пригласил их следовать за собой, и когда они вошли в гостиную, то увидели сидевшего здесь на диване Хвостова. При виде Распутина Хвостов стал нервно смеяться и переговариваться с Питиримом, а затем, пробыв недолгое время, попросил Комиссарова сопровождать себя домой. Комиссаров, оказавшись в крайне неловком положении, совершенно не понимал происшедшего. Проезжая в автомобиле, Хвостов спросил Комиссарова: "Вы что-нибудь, генерал, понимаете?" и, получив отрицательный ответ, заявил: "Знаем теперь, в каких отношениях состоит Питирим с Распутиным, а ведь когда вы с ним приехали в покои Митрополита и служака доложил о вашем приезде, то этот человек, не имеющий, по его словам, ничего общего с Распутиным, сказал мне: "Разрешите отлучиться на несколько минут, так как ко мне приехал именитый грузин, а теперь

мы знаем, какие грузины ездят к Вашему Преосвященству". Этот эпизод мне стал известен из допроса ген. Комиссарава.*

Из всех государственных деятелей Хвостов был ближе всего к Распутину, что же касается до столь нашумевших отношений его с Штюмером, то в действительности отношения эти не выходили из области обмена любезностями. Штюмер, считаясь с влиянием Распутина, исполнял его просьбы относительно устройства отдельных лиц, посылал иногда фрукты, вино и закуски, но данных о влиянии Распутина на направление внешней политики Штюмера следствием не было добыто решительно никаких.

Не больше была связь с Распутиным и у министра внутренних дел Протопопова, которого Распутин почему-то называл "Калинин", хотя надо сказать, что Распутин относился к Протопопову с большой симпатией и всячески старался защищать его, хвалить и выгораживать перед Государем в тех случаях, когда почему-либо положение Протопопова колебалось. Происходило это почти всегда в отсутствие Государя из Царского Села путем предсказаний Императрице, имевших характер изречений Пифии, где сначала говорилось о других, а затем уже переходилось к восхвалению личности Протопопова как преданного и верного Царской Семье человека.

Подобное отношение Распутина к Протопопову создало для последнего благоприятное отношение со стороны Императрицы. При осмотре бумаг Протопопова было найдено несколько типичных писем Распутина, начинавшихся словами "милый, дорогой", но всегда говоривших только о каких-либо интересах частных лиц, за которых Распутин хлопотал. Среди бумаг Протопопова, так

* Хотя митрополит Питирим действительно был знаком с Распутиным, этот рассказ не является подтверждением каких-либо сомнительных взаимоотношений между ними. Все было спланировано Хвостовым. Желание Митрополита избежать привлечения внимания к неожиданному прибытию Распутина в его резиденцию вполне понятно, если принять во внимание политическую атмосферу в Петрограде. Тем не менее, большинство историков использует этот случай как основание для своих надуманных заявлений о митрополите Питириме. - Р.Б.

же как и среди бумаг всех остальных высокопоставленных лиц, не было найдено ни одного документа, указывающего на влияние Распутина на внешнюю и внутреннюю политику.

Протопопов отличался, можно сказать, удивительной слабостью воли, хотя всю свою длинную карьеру до министра внутренних дел проходил в качестве выборного лица разных общественных групп, вплоть до должности товарища председателя Государственной Думы. Так как периодической печатью Протопопову приписывалась жестокая попытка подавления народных волнений в первые дни революции, якобы выразившаяся в установке на крышах домов пулеметов для расстрелов безоружных толп манифестантов, то на предварительном следствии на это обстоятельство было обращено особое внимание председателем комиссии, пр. пов. Муравьевым, поручившим обследование этих событий специальному следователю Ювжику Компанейцу, установившему путем допроса нескольких лиц и проверки отобранных войсками пулеметов, найденных на улицах Петрограда в первые дни революции, что все эти пулеметы принадлежали войсковым частям и что ни одного полицейского пулемета не было не только на крышах домов, но и на улицах, причем вообще никаких пулеметов на крышах домов не стояло, кроме ограниченного числа пулеметов, поставленных с самого начала войны на некоторых высоких домах для защиты от налета неприятельских воздушных машин.

Вообще нужно сказать, что в критические дни февраля 1917 г. Протопопов проявил полную нераспорядительность, с точки зрения действовавшего закона - преступную слабость.

Несомненно, в прессе и в петроградском обществе создалось мнение о близких отношениях Распутина к двум политическим авантюристам - доктору Бадмаеву и князю Андронникову, будто бы имевшим через него влияние на политику.

Следствие показало полное несоответствие этих слухов с действительностью. Однако можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь

крохами, падающими с его стола, и стараясь преувеличить перед своими клиентами свое влияние на Распутина, на которого они такого вовсе не имели, и через это поддержать мнение о своем якобы при Дворе влиянии.

Из этих двух лиц наиболее интересным по времени своей деятельности является князь Андронников, так как сколько-нибудь значительные связи Бадмаева с руководящими кругами относятся к царствованию Императора Александра III.

Личность и характер деятельности кн. Андронникова с поразительной яркостью были освещены на следствии огромным количеством разных документов, отобранных мною при обыске в его квартире, отнявшем у меня целых два дня в марте 1917 г. Из квартиры Андронникова я привез в Зимний дворец в помещение комиссии на двух автомобилях колоссальный архив. При этом надо отдать полную справедливость князю Андронникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные министерства, которые, в свою очередь, распадалась на департаменты.

Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андронникова за их движением. При изучении их выяснилось, что кн. Андронников за определенную мзду не гнушался никакими ходатайствами и представительствами. Так, одновременно кн. Андронников ходатайствовал о выдаче пенсии какой-либо вдове чиновника, не выслужившего срок на эту пенсию, как равно проводил через министерства финансов и земледелия весьма сложный проект акционерной кампании, в которой, судя по договору, он лично играл одну из видных ролей: об орошении Мургабской степи, насколько помню.

Система, принятая кн. Андронниковым, занимавшим скромный пост чиновника особых поручений Святейшего Синода, для проведения своих ходатайств, была очень проста. Согласно его признанию, получая сведения о назначении

совершенно ему неизвестного лица на должность хотя бы директора департамента в каком-нибудь министерстве, он посылал этому лицу поздравительное письмо, трафаретно его начиная: “наконец-то воссияло солнце над Россией, и высокий ответственный пост отныне вверен Вашему Превосходительству”, после чего следовал ряд самых лестных эпитетов, украшающих это лицо талантами, добродетелями и прочее, а иногда к такому письму прилагался князем Андронниковым и образ в виде его благословения.

Естественно, что получение такого письма обязывало данное должностное лицо, из чувства деликатности и благодарности, ответом, а результатом этого являлся личный визит князя к означенному сановнику в его служебный кабинет в департамент, чем и завязывалось знакомство. Такие посещения князем административных лиц сравнительно высокого ранга создавали у чиновников, служивших в канцелярии последнего, представление о добрых отношениях князя с их начальниками, отсюда вытекало и более внимательное отношение к бумагам, поступившим в департамент через посредство князя. Князь Андронников, при стремлении своем увеличить представление об авторитетности своего влияния при Дворе, не гнушался никакими средствами, вплоть до дружбы с гофкурьерами, которые, развозя высочайшие приказы о пожалованиях, неукоснительно заезжали к другу-князю, а последний, не стесняясь в угощении их вином и яствами, тем временем осторожно вскрывал пакеты и, узнав таким образом содержание рескрипта о неожиданном высоком пожаловании, задерживая загулявшего гоф-курьера у себя в столовой, спешил по телефону поздравить с высоким отличием не ожидавшего или ожидавшего его сановника, давая ему понять, что ему известно об этом непосредственно из “Высочайшего” источника, и тем, конечно, создавал у сановника, когда к нему действительно приезжал через полчаса курьер с наградой, представление об исключительных связях князя при Дворе.

Угождая петроградским сановникам, князь Андронников, конечно, лез из кожи, чтобы угождать Распутину. Так, известно из показаний прислуги Андронникова, что он предоставлял свою квартиру для секретных свиданий Распутина с Хвостовым и Белецким, а также с епископом Варнавою.*

В то же время кн. Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне за особой ширмой устроил подобие часовни, поставил большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечников, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящике аналая, и прочее. Достойно примечания, как это мною лично установлено при осмотре его квартиры и при допросе его прислуги, что кн. Андронников в той же самой спальне, по другую сторону ширмы, на своей двуспальной постели предавался самому гнусному... с молодыми людьми, дарившими его ласками за обещание составить протекцию. Последнее обстоятельство нашло себе подтверждение в ряде отобранных мною при обыске у князя Андронникова писем от таких оболыщенных им молодых людей, которые жаловались в этих письмах на то, что он их обманул в своих обещаниях.

При допросе кн. Андронников старался о многом умолчать или извратить фактическую сторону данных обстоятельств, но, будучи уличен мною на основании письменных документов, в заведомо ложном освещении событий, заявил мне: "Вы моя совесть" и дал мне клятвенное обещание в дальнейшем не лгать. Однако через несколько минут допроса он был мною вновь изобличен в том же искажении истины; тогда князь обратился ко мне с просьбой сообщить ему мое

* Эти встречи предположительно имели место, когда Распутин и епископ Варнава пытались повлиять на Царя, чтобы тот распорядился канонизировать митрополита Иоанна Тобольского. Квартира Андронникова служила бы в данном случае логичным местом встречи, так как Андронников занимал должность в Св. Синоде. - Р.Б.

имя; я исполнил его просьбу и при следующем его допросе князь мне заявил, что спрашивал мое имя для того, "чтобы записать в воспоминаньице и молиться как за святого человека".

Из допроса лиц, близко стоявших ко Двору, как, например, Тансеевых, Воейкова и других, я выяснил, что князь Андронников не только не пользовался каким-либо авторитетом при Дворе в Царской Семье, но отношение ее к нему было критически-ироническое.

Доктор тибетской медицины Бадмаев водил знакомство с Распутиным, но их личные отношения не выходили из рамок отдельных услуг со стороны Распутина по проведению очень немногочисленных ходатайств. Бадмаев, будучи бурятом, составил несколько брошюр о своем крае и по этому поводу имел несколько аудиенций у Государя, но эти аудиенции не выходили из ряда обычных и отнюдь не носили интимного характера.

Хотя Бадмаев и был врачом министра внутренних дел Протопопова, однако Царская Семья относилась критически к способам его врачевания; Григорий Распутин тоже не был поклонником тибетских медицинских средств Бадмаева, а допросом Дворцовой прислуги Царской Семьи было несомненно установлено, что Бадмаев в покоях Царских Детей в качестве врача никогда не появлялся.

Дворцовый комендант Воейков допрашивался мною несколько раз в Центральной крепости, где он был заключен. Особым авторитетом и влиянием при Дворе, - судя по переписке, найденной у него при обыске, и главным образом по письмам его жены, дочери министра Двора графа Фредерикса, относящимся к 1914-1916 годам, - он не пользовался, но был ценен как преданный человек, по крайней мере Царская Семья его считала таковым, хотя лично я из целого ряда бесед с ним такого впечатления не вынес. Отношение Воейкова к Распутину, насколько это отношение вылилось в письмах первого к жене, было отрицательным. В некоторых из этих писем Воейков называл его злым гением Императорского Дома и России, находя, что он

дискредитирует Трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые могут быть всегда использованы антиправительственными группами. Вместе с тем, считаясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, Воейков не находил в себе достаточно гражданского мужества отказывать Распутину в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышениях, выдаче пособий и т.д., как это видно из пометок Воейкова на вышеупомянутых мною письмах к нему Распутина, найденных при следствии. Вообще Воейков произвел на меня впечатление карьериста, дорожившего своим постом и неспособного ценить то внимание и искреннее расположение, которое к нему питали как Государь, так и Императрица. В письмах жены к нему от 1915 г. Воейкова умоляла его оставить службу ввиду нараставшего революционного движения, причем она предостерегала мужа, что при крушении государственного аппарата его постигнет ужасная участь. Эти письма Воейковой все проникнуты болезненной ненавистью к Распутину как к несомненному виновнику грядущих, по ее словам, кошмарных событий. Вполне разделяя взгляды жены на этот счет, Воейков тем не менее оставался на своем посту, чтобы разоблачить Распутина и выяснить его настоящую физиономию перед Царской Семьей.

Много наслышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при Дворе и об отношениях ее с Распутиным, сведения о которых помещались в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря, настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости, вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем двух солдат. Когда же вошла г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она,

в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния, и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику Государства, с одной стороны, вследствие чисто женского отношения ко всем тем политическим событиям, о которых мне приходилось с ней беседовать, а с другой - вследствие чрезмерной ее словоохотливости и полной неспособности удерживать в секрете даже такие эпизоды, которые вне достаточного анализа, при поверхностной оценке, могли бы набрасывать тень на нее самое. В дальнейших беседах я убедился, что просьба, обращенная к г-же Вырубовой, удержать что-либо в секрете, была равносильна просьбе об этом секрете объявить всенародно, так как она, узнав что-либо такое, чему она придавала значение, тот час же рассказывала об этом не только своим близким, но даже малознакомым людям.

Достаточно ознакомившись за время этих бесед с интеллектуальными особенностями г-жи Вырубовой, я невольно остановился на двух основных вопросах: 1) о причинах ее нравственного сближения с Распутиным и 2) о причинах сближения ее с Царской Семьей.

При разрешении первого вопроса я натолкнулся случайно в разговоре с ее родителями, гг. Танеевыми (статс-секретарь Александр Сергеевич Танеев, управляющий Собственной Его Величества Канцелярией, женатый на графине Толстой), на один эпизод из жизни их дочери, который, по моему мнению, сыграл роковую роль в подчинении ее воли влиянию Распутина. Оказалось, что г-жа Вырובה, будучи еще 16-летним подростком, заболела брюшным тифом в тяжелой форме. Болезнь эта вскоре осложнилась местным воспалением брюшины, и врачами положение ее было признано почти безнадежным. Тогда гг. Танесвы, большие почитатели гремевшего на всю Россию протоиерея отца Иоанна Кронштадтского, пригласили его отслужить молебен у постели болящей дочери. После этого молебна в состоянии больной наступил благоприятный кризис, и она стала быстро поправляться.

Этот эпизод произвел, несомненно, огромное впечатление на психику религиозной девушки-подростка, и с этой минуты ее религиозное чувство получило преобладающее значение при решении всех вопросов, которые возникали у нее по различным поводам.

Г-жа Вырубова познакомилась с Распутиным во дворце Вел. кн. Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а Великая княгиня Милица Николаевна подготовляла к нему г-жу Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультистической литературой; затем однажды Великая княгиня пригласила к себе Вырубову, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником Земли Русской, одаренным способностью врачевания.

Эта первая встреча г-жи Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела на нее большое впечатление, в особенности в силу того, что она тогда намеревалась вступить в брак с лейтенантом Вырубовым. При этой первой встрече Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы, благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел и что в испытаниях и при ударах судьбы человек совершенствуется.

Вскоре последовавший брак этот был совершенно неудачным; по словам г-жи Танеевой, муж ее дочери оказался полным импотентом, но при том с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем он причинял своей жене неопишуемые нравственные страдания и вызывал к себе чувство полного отвращения. Однако г-жа Вырубова, памятуя слова Евангелия: "Еже Бог сочетал, человек да не разлучает", долгое время скрывала свои нравственные переживания от всех, и только после одного случая, когда она была на волос от смерти на почве садических половых извращений своего

супруга, она решила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатом такого признания г-жи Вырубовой было расторжение брака в установленной законной форме. При дальнейшем производстве следствия эти объяснения г-жи Танеевой о болезни супруга ее дочери нашли полное подтверждение в данных медицинского освидетельствования г-жи Вырубовой, произведенного в мае 1917 г. по распоряжению чрезвычайной следственной комиссии: данные эти установили с полной несомненностью, что г-жа Вырубова - девственница.

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни, религиозное чувство А.А.Вырубовой развивалось все сильнее и, можно сказать, стало принимать характер религиозной мании, при этом предсказание Распутина о терниях жизненного пути явилось для Вырубовой истинным пророчеством. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бесребренника и чудотворца.

При разрешении второго из поставленных мною выше вопросов, уяснив себе нравственный облик Вырубовой, а также детально изучив во время следствия жизнь Царской Семьи и нравственный облик Императрицы Александры Федоровны, я невольно остановился на признанном психологией положении, что противоположности часто сходятся и, дополняя друг друга, придают друг другу устойчивое равновесие. Неглубокий ум Вырубовой и часто философский склад мышления Императрицы были двумя противоположностями, друг друга дополнявшими; разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать нравственного удовлетворения в удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановке Императорской Семьи. Общительная и бесхитростная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку, которой не хватало в тесно замкнутой Царской Семье со стороны царедворцев, ее окружавших. А общее у этих столь различных женщин нашлось тоже - это любовь к музыке.

Императрица обладала приятным сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто, и они часто в минуты отдохновения пели дуэты.

Вот те условия, которые у непосвященных в тайны близких отношений между Императрицей и Вырубовой должны были породить слухи о каком-то исключительном влиянии Вырубовой на Царскую Семью. Но, как раньше сказано, влиянием при Дворе Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла; слишком большой был перевес умственных и волевых данных Императрицы над умственно ограниченной, но беззаветно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танеевой*, а потом сделавшейся домашним человеком в Царской Семье г-жой Вырубовой. Отношения Императрицы к Вырубовой можно определить отношением матери к дочери, но не больше того. Дальнейшим связывающим звеном этих двух женщин было одинаково сильно развитое, как у одной, так и у другой, религиозное чувство, которое привело их к трагическому поклонению личности Распутина.

Мои предположения о нравственных качествах г-жи Вырубовой, вынесенные из продолжительных бесед с нею в Петропавловской крепости, в арестном помещении, и наконец в Зимнем дворце, куда она являлась по моим вызовам, вполне подтверждались проявлением ею чисто христианского всепрощения в отношении тех, от кого ей много пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости. И здесь необходимо отметить, что об этих издевательствах над г-жой Вырубовой со стороны крепостной стражи я узнал не от нее, а от г-жи Танеевой; только лишь после этого г-жа Вырубова подтвердила все, сказанное матерью, с удивительным спокойствием и незлобивостью, заявив: «они не виноваты, не ведают бо, что творят». По

* Хотя Анна была близкой подругой Государыни, многие описывали их отношения как отношения матери и дочери. Государыня была несколькими годами старше Анны и испытывала к ней симпатию, возникшую после неудачного брака последней. В автобиографии Вырубовой нет никаких указаний на то, что Государыня властвовала над Вырубовой. - Р.Б.

правде сказать, эти печальные эпизоды издевательства над личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшиеся в форме плеванья в лицо, снятия с нее одежды и белья, сопровождаемого битьем по лицу и по другим частям тела больной, едва двигавшейся на костылях женщины и угроз лишить жизни “наложницу Государя и Григория” побудили следственную комиссию перевести г-жу Вырубову в арестное помещение при бывшем Губернском Жандармском управлении.

В смысле освещения интересовавших меня событий, г-жа Вырубова являлась полной противоположностью князя Андронникова: все ее объяснения на допросах в дальнейшем, при проверке на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью; единственным недостатком показаний г-жи Вырубовой являлось чрезвычайное многословие, можно сказать, болтливость и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую, не отдавая себе в том отчета, т.е. опять-таки качества, которые не могли создать из нее политическую фигуру. Г-жа Вырубова всегда просила за всех, поэтому к ее просьбам при Дворе и было соответствующее осторожное отношение, как бы учитывались ее простодушие и простота.

Нравственный облик Императрицы Александры Федоровны достаточно ярко выяснился для меня из переписки ее с А.А. Вырубовой и с Государем. Эта переписка, веденная на французском и английском языке, была вся проникнута чувством горячей любви к мужу и детям. Воспитанием и образованием своих детей Императрица заведывала сама лично, почти по всем предметам, кроме узкоспециальных. В помянутой переписке Императрицы неоднократно указывалось на то, что детей не надо баловать игрушками и пробуждать у них страсть к роскоши. Вместе с тем переписка явила печать глубокой религиозности. Государыня в письмах к Мужу часто описывает свои переживания во время прослушанных ею богослужений и часто говорит о чувстве полного удовлетворения и

нравственного покоя, который она испытывала после горячей молитвы.

Вообще надо заметить, что во всей этой обширной переписке почти нет никаких указаний или рассуждений на политическую тему: переписка эта носила чисто интимный, семейный характер. Те места переписки, в которых говорится о Распутине, именуемом в ней старцем, достаточно освещают отношение Императрицы к этому человеку как к проповеднику Слова Божия, к прорицателю и искреннейшему печальнику за Царскую Семью.

Во всей этой переписке на протяжении почти десяти лет мне не попадалось ни одного письма на немецком языке, а допросом приближенных ко Двору лиц я установил, что немецкий язык еще задолго до последней войны при Дворе не применялся. В связи с упорными слухами об исключительной симпатии Императрицы к немцам и о существовании в Царских покоях прямого провода в Берлин, мною были произведены осмотры помещений Императорской Семьи, причем никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким во время войны установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным немцам выяснилось, что отношение ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого.

В силу обстоятельств, в том числе и постоянно болезненного состояния Императрицы, вследствие болезни ее сердца, Царская Семья вела удивительно замкнутый образ жизни, что естественно способствовало самоутлуплению и развитию религиозного чувства, принявшего у Государыни совершенно исключительный, преобладающий характер. На почве этой религиозности Александра Федоровна вводила монастырский устав Богослужения в некоторых придворных церквях, и с особым наслаждением, несмотря на болезненное

состояние, выстаивала до конца длившиеся долгими часами службы. Это исключительное религиозное настроение Императрицы Александры Федоровны и послужило единственной причиной преклонения ее перед личностью Григория Распутина, который, несомненно, как уже было объяснено, обладал способностью внушения, благотворно действовал в некоторых случаях на состояние здоровья тяжело больного Наследника. При этом, вследствие своей религиозной настроенности, Императрица не могла объективно оценивать источник несомненно поразительного влияния Распутина на состояние здоровья Наследника и искала этот источник не в гипнотической силе, а в тех высших Небесных Силах, которыми был наделен, по ее глубокому убеждению, за свою святую жизнь Распутин. Года за полтора до переворота 1917 г. известный бывший монах Илиодор Труфанов, о котором было уже выше упомянуто, прислал в Петроград из Христиании свою жену с поручением предложить Царской Семье купить у него в рукописи написанную им книгу, выпущенную впоследствии под названием "Святой Черт", где он описывает отношение Распутина к Царской Семье, набрасывая на эти отношения тени скабрёзности. Этим вопросом заинтересовался Департамент Полиции, и на свой страх и риск вступил в переговоры с женою Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько помню, 60 000 рублей. В конце концов дело это было предоставлено на усмотрение Императрицы Александры Федоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что "белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь".

Считаю нужным обратить внимание, заканчивая этот очерк, что в деле выдвижения Распутина ко Двору принимали в свое время особо горячее участие Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, духовник Их Величеств епископ Феофан и епископ Гермоген. Поэтому отношение Императрицы Александры Федоровны к Распутину было с первых же шагов доверчиво благожелательным, и с течением

времени оно только усиливалось, вследствие причин, уже нами указанных.⁴

Подлинная подпись:

Бывший командированный в чрезвычайную следственную комиссию по расследованию злоупотреблений министров, главноуправляющих и других должностных лиц, с правом производства следственных действий, товарищ прокурора Екатеринославского Окружного Суда

Владимир Михайлович Руднев

В автобиографии "Воспоминания о русском Дворе" Анна Вырубова писала о проводившихся с ней допросах:

"Не меньше пятнадцати раз я представляла перед ним [судьей Владимиром Рудневым], и всякий раз он старательно пытался отыскать истину, действуя во имя справедливости и отделяя факты от истерических слухов. В его докладах обо мне есть несколько ошибок, правда, не очень серьезных, перепутано несколько дат, но не слишком важных, да раз или два попадаются несправедливые суждения, за которые я не испытываю к нему никакой злобы. Например, судья Руднев обвиняет меня в болтливости, в том, что в моих показаниях я безосновательно перепрыгивала с одной мысли на другую. Мне же очень интересно было бы узнать, смог ли бы даже образованный судья, после недель заключения, сопровождавшихся нечеловеческими оскорблениями и нанесением физических ран, говорить в спокойной и естественной манере, впервые получив возможность для объяснения и защиты. Тем не менее, я не жалею о том, что Руднев говорит обо мне. Я благодарна этому единственному русскому из облеченных властью, который по-рыцарски допускал возможность моей невиновности.

Все остальные - включая членов семьи Романовых, которые знали меня с раннего детства, а в юности танцевали и болтали со мной на придворных балах, которые знали мою мать и моего отца и его безупречную репутацию, - набросились на меня безо всякой жалости. Они представили меня обычной выскочкой, человеком, не принадлежащим к их кругу, но сумевшим посредством недостойных интриг вкратиться в доверие к Государыне... Они настолько громко обличали беззащитную женщину, что успешно скрыли факт своего собственного участия в тех событиях, которые привели к крушению Монархии... Этим влиятельным лицам, этим имевшим поддержку женщинам и знатым мужчинам было легче избежать объяснений своего участия в трагедии России и спрятаться за юбку женщины, у которой после низложения Императорской Семьи во всем мире не было друга, способного защитить ее".⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение: Взвешивая “за” и “против”

1. Rasputin, Maria, *The Real Rasputin*, London: Long, 1929, pp.39-40,
2. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York, 1965, p.129

Глава 1: Из Сибири в Санкт-Петербург

1. Dillon, E.J., *The Eclipse of Russia*, 1918, p. 24
2. Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (ТФГАТО). Метрические книги Слободопокровской церкви Ярковского района. Платонов, Олег, Правда о Григории Распутине, Саратов, 1993, с. 5
3. ТФГАТО, ф.417, оп.2, д.1951, л.171. Платонов, Олег, Правда о Григории Распутине, Саратов, 1993, с. 5
4. Vyesclovsky, S.B., *Onomasticon*, Moscow, 1974, p. 271
5. ГАРФ, ф. 612, оп. 1, л. 8
6. Труд-7, 20-26 октября 1995 г., с. 9
7. Rasputin, Maria, *The Real Rasputin*, London: Long, 1929, p. 19.
8. Вопросы истории, т. X, Москва, 1964, с.119
9. Rudnev, V.M., *The Truth Concerning the Russian Imperial Family and “Dark Forces”*, see: Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: Macmillan, 1923, Appendix A, pp. 383-399
10. Rasputin, Maria, *My Father*, London: Cassell, 1934, p.30
11. Распутин, Григорий, Жизнь опытного странника, май 1907 г., с.9
12. Я встречалась с Григорием Распутным, Петроград, 25 октября 1917 г., с.25-28
13. Kontzevitch, I.M., *The Acquisition of the Holy Spirit in Ancient Russia*, St. Herman of Alaska Brotherhood, 1988, pp. 63-64, 70
14. Dehn, Lili, *The Real Tsaritsa*, Boston: Little, Brown, 1932, p. 112
15. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: Macmillan, 1923, p.164
16. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p. 131
17. Распутин, Григорий, Жизнь опытного странника, май 1907 г., с.3
18. *ibid*, с.5
19. Распутин, Григорий, Мои Мысли и Размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам., Петроград, 1915, p. 12
20. Распутин, Григорий, Жизнь опытного странника, май 1907 г., с.15
21. Hieromonk Kuprian, *Vessels of Prayer*, Belgrad, 1928, included in book by Archbishop Averky (Taushev): *Высокопреосвященный Феофанъ, Архиепископъ Полтавскій и Переяславскій*, Jordanville, N.Y., 1974, с.5

Глава 2: Появление проповедника

1. Shelley, Gerard, *The Speckled Domes*, New York: Charles Scribner's Sons, 1925, p. 69
2. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p.91
3. Obolensky, Serge, *One Man In His Time*, New York: McDowell, 1958, p. 14-15
4. *ibid*, p. 69
5. Коковцов, В.Н., Из моего прошлого, Воспоминания, 1903-1919, Париж, 1933, т. II, с.287
6. Вырубова, Анна, Неопубликованные воспоминания, в книге “Николай II”, Пушкинский Фонд, Санкт-Петербург, 1994, с. 214

7. Жевахов, Князь Н.Д., Воспоминания, т. I, Москва, 1993, с. 214-216
8. Elizabeth Judas, Rasputin: Neither Devil nor Saint, Los Angeles, Wetzel Publishing Co., 1942, pp. 36-40
9. Распутин, Григорий, Мои Мысли и Размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызвавшие им размышления по религиозным вопросам., Петроград, 1915, p. 20

Глава 3: Царская Семья

1. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p. 230
2. *ibid*, p. 62
3. Воейков, В.И., С Царем и без Царя, Москва, 1994, с. 208
4. Жевахов, Князь Н.Д., Воспоминания, т. II, Москва, 1993, с. 102-103.
5. Guillot Renée-Paule, Philippe de Lyon, Médecin, thaumaturge et conseiller du tsar, Paris: Les Deux Océans, 1994, pp. 115-116
6. Paléologue, Maurice, The Russia of the Tsars during the Great War, Vol. I, Paris, 1922, pp. 211-213; and Pares, Bernard, The Fall of the Russian Monarchy, London: Cassell, 1939, p. 131
7. Encausse, Docteur Philippe, "Le Maître Philippe de Lyon, Thaumaturge et "Homme de Dieu", Ed. Traditionnelles, 1982, p. 33-34; et Guillot Renée-Paule, Philippe de Lyon, Médecin, thaumaturge et conseiller du tsar, Paris: Les Deux Océans, 1994, p. 32-33
8. Lalande, Marie, Lumière Blanche, Audin-Lyon, 1948, p. 45; et Guillot Renée-Paule, Philippe de Lyon, Médecin, thaumaturge et conseiller du tsar, Paris: Les Deux Océans, 1994, p. 29
9. Encausse, Docteur Philippe, "Le Maître Philippe de Lyon, Thaumaturge et "Homme de Dieu", 4e édition, Paris, 1955, pp. 114 & 212; et Guillot Renée-Paule, Philippe de Lyon, Médecin, thaumaturge et conseiller du tsar, Paris: Les Deux Océans, 1994, pp. 141-143
10. Vyroubova, Anna, Memories of the Russian Court, New York: MacMillan Company, 1923, pp.150-151
11. Guillot Renée-Paule, Philippe de Lyon, Médecin, thaumaturge et conseiller du tsar, Paris: Les Deux Océans, 1994, p. 141
12. Витте, С.Ю., Воспоминания, Москва, 1960, т. II, с. 262-263, 273-274
13. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, pp. 118-119
14. Vyroubova, Anna, Memories of the Russian Court, New York: MacMillan Company, 1923, p.106; Guillot Renée-Paule, Philippe de Lyon, Médecin, thaumaturge et conseiller du tsar, Paris: Les Deux Océans, 1994, pp. 149-151
15. Жевахов, Князь Н.Д., Воспоминания, т. I, Москва, 1993, с. 206
16. Возрождение, No. 63, Paris, March 1957, p.137
17. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p.134
18. ГАРФ, ф.601, оп.1, д.1317, л.33
19. Shelley, Gerard, The Speckled Domes, New York: Charles Scribner's Sons, 1925, pp.63-64
20. Жуковская, В.А., Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине 1914-1916 гг., Российский Архив, Москва, 1992, с. 313
21. Джанумова, И.Ф., Мои Встречи с Распутиным, Москва, 1923
22. Архиепископ Тихон Сан-Францисский, Воспоминания, брошюрка, с. 1-2
23. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p. 139
24. Trewin, J.C., The House of Special Purpose - from the papers of Charles Sydney Gibbes, New York: Stein and Day, 1975, p. 24
25. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p. 140
26. Fuhrmann, Joseph T., Rasputin: A Life, New York: Praeger, 1990, p. 27
27. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p. 138
28. Buxhoeveden, Before the Storm, London: Macmillan, 1938
29. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p. 140

30. Rasputin, Maria, *My Father*, London, Cassell Publications, 1934
31. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p.134
32. *ibid*, p. 133,135
33. Letter of January 7, 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
34. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: MacMillan Company, 1923, pp. 62-64
35. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p.137
36. *ibid*
37. Buxhoeveden, Baroness Sophie, *The Life and Tragedy of Empress Alexandra Feodorovna*, London and New York, Longmans, Green & Co., 1928, p.144

Глава 4: Под огнем

1. Rasputin, Maria, *The Real Rasputin*, London: Long, 1929, pp. 62-63.
2. ТФГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 1962П, с. 402
3. Распутин, Григорий, *Жизнь опытного странника*, май 1907 г., с.15
4. Rasputin, Maria, *The Real Rasputin*, London: Long, 1929, pp.12-13
5. Современник, № III, 1912
6. ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, д. 323
7. Г.Е. Распутин, *Избранные мысли, письма и телеграммы Царской Семье*, Покровское, Июль 1910 г., Москва, 1990, с. 6
8. *ibid*, Санкт-Петербург, Декабрь 1910, с. 15
9. *ibid*
10. *ibid*, Санкт-Петербург, 18-го декабря 1910 г., с. 16
11. *ibid*, 27-го Октября 1911 г., с. 30
12. *ibid*
13. *ibid*, Петроград, Апрель 1915 г., с. 19

Глава 5: Отец Илиодор (Сергей Труфанов)

1. Бывш. іер. Илиодоръ (Сергей Труфанов), *Святой чортъ*, Москва, 1917, с. 3
2. Бэттс, Р. и Марченко, В., *Духовник Царской Семьи - Святитель Феофан Полтавский*, Москва, 1994, с. 36-39
3. Курлов, Генерал П.Г., *Гибель Императорской России*, Берлин, 1923; Москва, Современник, 1992, с. 25
4. *ibid*, с.30
5. Бывш. іер. Илиодоръ (Сергей Труфанов), *Святой чортъ*, Москва, 1917, с. 58.
6. *ibid*, с. 175.
7. ТФГАТО, ф.164, оп.1, д.439, л.23-25
8. *Литературное Наследство*, Горький и русская журналистика начала XX века, Москва, 1988, т. 95, с. 985
9. Бывш. іер. Илиодоръ (Сергей Труфанов), *Святой чортъ*, Москва, 1917, с.12-13
10. Шавельский, о. Георгий, *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота, т. I*, New York: Chekhov, 1954, с. 21 & 23
11. РВИА (Российский военно-исторический архив), ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 108, *Дневник А.Н. Куропаткина. Копии. 1897-1902 гг.*
12. Бывш. іер. Илиодоръ (Сергей Труфанов), *Святой чортъ*, Москва, 1917, с.31
13. Коковцов, В.Н., *Из моего прошлого, Воспоминания, 1903-1919*, Париж, 1933/Москва 1992, т. II, с.36-38
14. Боханов, А.Н., *Сумерки Монархии*, Москва, 1993, p.125
15. Бывш. іер. Илиодоръ (Сергей Труфанов), *Святой чортъ*, Москва, 1917, с. 31-32
16. *Падение Царского режима, допрос А.А. Вырубовой*, 6 мая 1917, т. III, pp. 233-234

17. Бэттс, Р. и Марченко, В., Духовник Царской Семьи - Святитель Феофан Полтавский, Москва, 1994, с. 46
18. Бывш. іер. Ілюдортъ (Сергей Труфанов), Святой чортъ, Москва, 1917, с. 32
19. *ibid*
20. *ibid*, с. 73
21. ТФГАО, ф. 164, оп. 1, д. 436
22. *ibid*, д. 437, л. 220-221
23. Petersburg Courier, 4 July 1914
24. Testimony provided by S.P. Beletsky to the Extraordinary Investigation Commission, in *La chute du régime tsariste*, t. IV, p.449
25. ТФГАО, ф.164, оп.1, д.439, л.23-25
26. Бэттс, Р. и Марченко, В., Духовник Царской Семьи - Святитель Феофан Полтавский, Москва, 1994, с. 41

Глава 6: Пламя войны

1. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p. 233
2. Цит. по Платонов, Олег, Правда о Григории Распутине, Саратов, 1993, с. 55
3. ТФГАО, ф. 164, оп. 1, д. 439, л. 55-56
4. *ibid*, 9 August 1914
5. Letter of 1 July 1914 from Grand Duchess Elizabeth Feodorovna to Tsar Nicholas II, ГАРФ, фонд 601, оп.1, сд.1254/2
6. Мэсси, Роберт, Николай и Александра, Москва, 1990, с. 246
7. Соколов, Н.А., Убийство Царской Семьи, Москва, 1991, с. 96
8. Paléologue, M., *La Tsarine mystérieuse*, Paris, 1952, p. 91
9. Александр Михайлович, Великий Князь, Книга воспоминаний, Москва, 1991, с. 209
10. Letter 391 of 15/28 November 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
11. Letter 562 of 25 July/7 August 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
12. Letter 384 of 8/21 Nov. 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
13. Letter 397 of 28 Nov./11 Dec. 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
14. Letter of 5/18 December 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
15. Letter of 10/23 September 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
16. Letter from Grand Duke Nicholas Mikhailovich [cousin of Tsar] to NII, 28 April/11 May 1916
17. Letter of 9/22 December 1914 from Grand Duke Nicholas Mikhailovich to Frédéric Masson
18. Shelley, Gerard, *The Speckled Domes*, New York: Charles Scribner's Sons, 1925, pp. 69-70
19. *ibid*, p. 73
20. Grand Duke Nicholas Mikhailovich, *La fin du tsarisme, lettres inédites à Frédéric Masson*, Paris, 1968, pp. 30, 41, 43, 52, 69 & 72
21. *ibid*, Letter of 21 July/3 August 1916 from Grand Duke Nicholas Mikhailovich to Frédéric Masson
22. *ibid*, Letter of 5/18 October 1916 from Grand Duke Nicholas Mikhailovich to Frédéric Masson
23. *ibid*, pp. 76-77, 114-116, 135, 137, 139, 145-146, 149-156
24. Shelley, Gerard, *The Speckled Domes*, New York: Charles Scribner's Sons, 1925, p. 74

25. Letters of April 5 and April 8, 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
26. Letter of January 28, 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
27. Letter of September 27, 1914 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
28. Mosolov, A.A., *At the Court of the Last Tsar*, London: Methuen, 1935, p. 203
29. Letter of June 12, 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
30. Letter of September 5, 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
31. Pares, Bernard, *The Fall of the Russian Monarchy*, London: Cassell, 1939, p. 248
32. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York, 1965, p.133
33. Shelley, Gerard, *The Speckled Domes*, New York: Charles Scribner's Sons, 1925, p. 65
34. Донесение Стефана Белецкого, Падение Царского режима, т. IV, с.360-368, 370-371, 400-405, 408-414, 416-425. См. Приложение-2 наст. книги: Руднев, В.М., *Правда о Царской Семье и "темных силах"*.
35. Hessen, I.V., An interview with A.N. Khvostov, February 1916 (in Russian), in the Archives of the Russian Revolution, Berlin, 1923, Vol. XII, p.79
36. Spiridovich, Alexander, *Raspoutine*, Paris: Payot, 1935, pp. 297-299
37. Донесение Алексея Хвостова, Падение Царского режима, т. I, с. 56, 60-63, 76
38. Yussupov, Prince Félix, *Avant l'Exil (1887-1919)*, Paris, 1954, pp. 222, 228
39. Melgounov, Sergei, *La légende de la paix séparée*, Paris, 1957, p. 382
40. Spiridovich, Alexander I., *Raspoutine*, Paris: Payot, 1935, pp. 356-358
41. Kohn, Richard, *La Révolution Russe*, Paris, 1963, p.55
42. Донесение Михаила Родзянко, Падение Царского режима, т. VII, pp. 128-129
43. Воейков, В.И., *С Царем и без Царя*, Москва, 1994, с.46
44. Донесение Джунковского, Падение Царского режима, т. V, с. 102, 108-109.
45. Scherer, André and Grunewald, Jacques, *Germany and the problems of peace during the First World War*, documents extracted from the archives of the German Ministry of Foreign Affairs, Vol. I, (August 1914 - 31 January 1917), Paris, 1962; Memorandum of the meeting of the Council of Ministers of Prussia on 19 August 1916, pp. 441-442
46. *ibid*, Letter from Jagow to the Ministry of Foreign Affairs, p. 416†
47. *ibid*, Letter from Chancellor Bethmann-Hollweg to Kaizer Wilhelm II, 3 October 1916, p. 490
48. *ibid*, Letter of Grunau to the Ministry of Foreign Affairs, 15 August 1916, p. 432
49. *ibid*, Letter of Chancellor Bethmann-Hollweg to Kaizer Wilhelm II, 16 August 1916, p. 435
50. Spiridovich, Alexander I., *Les dernières années de la court de Tsarskoie Sélo*, Paris: Payot, 1928, Vol. II, p. 419
51. Донесение Александра Протопопова, Падение Царского режима, т. IV, с. 32; Донесение князя Игнатьева, Падение Царского режима, т. VI, с.8
52. Донесение Александра Протопопова, Падение Царского режима, т. IV, с. 32

Глава 7: Последние годы Самодержавия

1. Lewis, C.S., "Equality", *The Spectator*, 27 August 1943
2. Донесение генерала Воейкова, Падение Царского режима, т. III, с.80
3. Донесение Стефана Белецкого, 24 июня 1917 г., Падение Царского режима, т. IV, с. 162
4. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: MacMillan Company, 1923, p.104

5. Letter of 23 Sept./6 Oct. 1916 from Tsar Nicholas II to Empress Alexandra Feodorovna
6. Buxhoeveden, Baroness Sophie, *The Life and Tragedy of Empress Alexandra Feodorovna*, London & New York: Longmans, Green & Co., 1928, p. 231-232.
7. Letter 389 of 13/26 November 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
8. Speech by Basil Maklakov, Right Wing Liberal of the Duma on Nov. 3, 1916, *Tribuna: Vypusk, XI, Stenographic report*, 126-35.; also Bernard Pares, *The Fall of the Russian Monarchy*, etc. p. 392.)
9. Letter of 9/22 November 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
10. Letter 319 of 15/28 June 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
11. Letter 320 of 16/29 June 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
12. See letters of the Empress to Tsar Nicholas from Sept. 14th, 16th, 18th, & Nov. 15th, 1915; also Jan. 9th, Jan. 29th, and Jan. 30th, 1916;
13. Nekludov, A., *Souvenirs diplomatiques*, Paris, 1926, p. 204
14. Дякин, В.С., *Русская буржуазия и царизм в годы перед первой мировой войной*, Ленинград, 1967, pp.15, 281, 285-286.
15. Letter of 20 July/2 August 1916 from Tsar Nicholas II to Empress Alexandra Feodorovna
16. Letter 583 of 7/20 September 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
17. Letter of 9/22 Sept. 1916 from Tsar Nicholas II to Empress Alexandra Feodorovna
18. Восейков, В.И., *С Царем и без Царя*, Москва, 1994, с.101
19. Донесение В.М. Родзянко, Падение Царского режима, т. VII, с.142
20. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. I, Москва, 1993, с. 178
21. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. I, Москва, 1993, с.178, 180
22. Донесение последнего президента Совета Министров Царского режима князя Николая Дмитриевича Галицына, Падение Царского режима, т. II, р. 253
23. Letter 630 of 12/25 November 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
24. Pares, Bernard, *The Fall of the Russian Monarchy*, London: Cassell, 1939, pp. 283-284
25. *ibid*, p.306
26. Родзянко, М.В., *Крушение Империи*, Харьков, 1990, с. 35 & 45

Глава 8: Отступление

1. St. Macarius of Egypt, *Homilies*, Homily 26:25, p. 205; see also "Acquisition of the Holy Spirit in Ancient Russia", by I.M. Kontzevitch, *St. Herman of Alaska Brotherhood*, 1988, p.68
2. Veritinov N. (pseudonyme of N. Klimenko), "À l'ancienne académie" [in Russian], in *Vozrozhdenie*, No. 49, January 1956, p. 88.
3. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York, MacMillian, 1923, p. 162-163
4. ЦГАОР, ф. 642, оп. 1, д. 2330, л. 60-65
5. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York, MacMillian, 1923, p. 164
6. ТФГАТО, ф. 164, оп. 1, д. 437, л. 85-97.
7. Федченков, митр. Всеиамин, *На Рубеже Двух Эпох*, Издательство "Отчий дом", Москва, 1994, с. 141-142

8. Бывш. іер. Іліодоръ, Святой чортъ, Москва, 1917, с. 126.
9. Бэттс, Р. и Марченко, В., Духовник Царской Семьи - Святитель Феофан Полтавский, Москва, 1994, с. 45
10. Голос Москвы, № 19, 24 января 1912 г.
11. ГАРФ, ф. 601, оп.1, л. 1254, Extract of letter of 4 February 1912 from Grand Duchess Elizabeth Feodorovna to Tsar Nicholas II
12. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p. 132
13. Dehn, Lili, The Real Tsaritsa, Boston, Little, Brown & Co., 1922, pp.113-116
14. Shelley, Gerard, The Speckled Domes, New York: Charles Scribner's Sons, 1925, p. 69
15. ibid, p. 63
16. Vyroubova, Anna, Memories of the Russian Court, New York: MacMillan, 1923, pp. 82-83
17. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p.109
18. Letter No. 160 from Tsar Nicholas II to his mother, 20 October 1902, Livadia
19. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p.112
20. Дневник Великого Князя Андрея Владимировича, Ленинград, 1925, с. 81-82
21. Rodzianko, M.V., The Reign of Rasputin, London: Philpot, 1927, pp. 246-247
22. Воейков, В.И., С Царем и без Царя, Москва, 1994, с.46
23. Жуковская, В.А., Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине 1914-1916 гг., Росийскій Архивъ, Москва, 1992, с.310
24. ibid
25. ibid, с.313
26. ГАРФ, ф.613, оп.1, д.27, л.27,28 об.,31,91 об.,95 об., 3 Feb. 1914
27. ibid
28. Rasputin, Maria, The Real Rasputin, London: Long, 1929, pp. 59-60
29. Police report from 6 August 1912; Платонов, Олег, Правда о Григории Распутине, Саратов, 1993, с. 64
30. ГАРФ, ф.111, д. 2975; Платонов, Олег, Правда о Григории Распутине, Саратов, 1993, с. 64
31. Rasputin, Maria, The Real Rasputin, London: Long, 1929, pp. 59-60
32. ГАРФ, ф. 623, оп. 1, д. 23, копия дневника Г. Распутинна - 1915-1916
33. Massie, Suzanne, Land of the Firebird, The Beauty of Old Russia, New York: Simon & Schuster, 1980, p. 390
34. Bruce-Lockhart, Robert H., Memoirs of a British Agent, London: Macmillan, 1932, p. 128
35. ГАРФ, ф.63, оп. 28, л. 6281/915, л. 1
36. ГАРФ, ф.612, оп.1, д.22, л.56-57
37. ibid, л.58
38. Rasputin, Maria, My Father, London: Cassell Publications, 1934, p. 93
39. Bruce-Lockhart, Robert H., Memoirs of a British Agent, London: Macmillan, 1932, p. 128
40. Донесение Стефана Белецкого, 24 июня 1917 г., Падение Царского режима, т. IV, с. 151-152
41. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p.141
42. Letter 355 of 15/28 September 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
43. ГАРФ, ф.1467, оп.1, д.993, л.94
44. The Difficult Days (memoranda of the secret meetings of the Council of Ministers, edited by A.N. Yakhontov, former deputy secretary -general of the Council of

Ministers), (in Russian), in Archives of the Russian Revolution, Berlin, 1916, Vol. XVIII, pp. 101-102

45. Тальберг, Николай Дмитриевич, Воспоминания С.М.Г., Семь стариков - семь рассказов, Джорданвилл, США, 1991

46. Родзянко, М.В., Крушение Империи, Харьков, 1990, с. 198

47. ЦГИА, д. 1484, Санкт-Петербург, Letter No. 35, dated Sept. 1915 from Andrei Stankevich, the Governor of Tobolsk, to Prince N.B. Shcherbatov, the Minister of Internal Affairs

48. ЦГИА, д. 1484. л. 3,4, Санкт-Петербург, Протоколь 13-го августа 1915 г.

49. *ibid*, Протоколь 21-го августа 1915 г.

50. *ibid*, Протоколь 23-го августа 1915 г.

51. *ibid*, Letter to the Governor of Tobolsk from Alektina Ivanovna Budrina, the wife of the titular advisor to the Governor of Tobolsk and member of the State Duma.

52. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 447, л. 65

53. Митрополит Евлогий (Георгиевский), Путь мой жизни, Париж, 1947, с. 196

Глава 9: Законы поправки

1. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p.142

2. Obolensky, Serge, One Man in His Time, New York: McDowell, 1958, pp. 65-66

3. Lewis, C.S., Letters of C.S. Lewis, Geoffrey Bless Ltd., 1966, London, p. 224

4. Yussupov, Prince Félix, Avant l'Exil (1887-1919), Paris, 1954, p. 197

5. Katkov, George, Russia 1917, The February Revolution, New York: Harper & Row, 1967, pp. 197-202

6. Yussupov, Prince Félix, Avant l'Exil (1887-1919), Paris, 1954, p. 197

7. Correspondance of the Yussupov Family, published under the title: Contribution to the history of the last days of the Tsarist Regime (in Russian), in Красный Архив, 1926, Vol. 14, pp. 236-238

8. Marie Pavlovna, Grand Duchess, Education of a Princess - Things I Remember, New York: Blue Ribbon Books, Inc., 1930, p. 280

9. *ibid*, pp. 280-281

10. Letter No. 632 of 5/18 December 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II

11. Anastasy, Archbishop, In Fond Memory of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Jerusalem, Greek Orthodox Monastery Printing Works, 1925, Pamphlet

12. Vorres, Ian, The Last Grand Duchess, New York: Scribner's, 1965, p. 141

13. Maklakov, Vassily Alexeievich, Several addenda to the memoirs of Purishkevich and Prince Yussupov on the Murder of Rasputin, (in Russian), in Современные записки, Paris, 1928, No. 34, pp.265-266

14. Rasputin, Maria, The Real Rasputin, London: Long, 1929, pp. 125-126

15. Yussupov, Prince Félix, Avant l'Exil (1887-1919), Paris, 1954, p. 230

16. Spiridovich, Alexander I., Raspoutine, Paris: Payot, 1935, p. 303

17. Pares, Bernard, The Fall of the Russian Monarchy, London: Cassell, 1939, pp. 398-399

18. Wilson, Colin, Rasputin and the Fall of the Romanovs, 1964, New York: Farrar, Straus & Co., p. 189

19. Yussupov, Prince Félix, Avant l'Exil (1887-1919), Paris, 1954, p. 250

20. Пуришкевич, В.М., Убийство Распутина, Париж, 1923, с. 85-86

21. Мельник-Боткина, Татьяна, Воспоминания о Царской Семье, Москва, 1993, с. 48-49

22. Пуришкевич, В.М., Убийство Распутина, Париж, 1923, с. 97

23. Воейков, В.И., С Царем и без Царя, Москва, 1994, с. 113; ГАРФ, ф. 640, оп. 2, д. 50

24. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1254, Letter from Grand Duchess Elizabeth Feodorova to Tsar Nicholas II, 16/29 December 1916
25. ГАРФ, ф. 20, л. 357; Воейков, В.И., С Царем и без Царя, Москва, 1994, с. 112
26. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: MacMillian, 1923, p. 176
27. Letter 643 of Dec. 17/30, 1916 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
28. Point de Vue, Paris, 1993
29. Obolensky, Serge, *One Man In His Time*, New York: McDowell, 1958, pp.229-230
30. Завадский, С.В., На великом изломе: отчет гражданина о пережитом 1916-1917 гг., *Archives of the Russian Revolution*, Berlin, Vol. 8, 1923, pp. 37-38
31. Spiridovich, Alexander I., *Raspoutine*, Paris: Payot, 1935, p. 402
32. Maklakov, V.A., Letter to the Editor, published as a preface to: Пуришкевич, В.М., Убийство Распутина, Париж, 1923, с. 6
33. Dobson, Christopher, *Prince Felix Yusupov: The Man Who Murdered Rasputin*, London: Harrap Books, 1989, p.93
34. См. Ковыль-Бобыль, И., Вся Правда о Распутине, Общество Возрождение, Профиздат, Москва, 1990, с. 201-287
35. Огонек, 1925 декабрь, 1926 январь
36. Архиепископ Леонтий Чилийский и Аргентинский, Воспоминания, брошюрка, с.1-2
37. Доесение Протопопова, Падение Царского режима, т. IV, с. 107
38. Воейков, В.И., С Царем и без Царя, Москва, 1994, с.111
39. Дневник Императора Николая II, 21 декабря 1916 [3 января 1917]
40. ГАРФ, ф.612, оп.1, д.40, л.3
41. Marie Pavlovna, Grand Duchess, *Education of a Princess - Things I Remember*, New York: Blue Ribbon Books, Inc., 1930, p. 279
42. Александр Михайлович, Великий Князь, Книга воспоминаний, Москва, 1991, с. 220
43. Marie Pavlovna, Grand Duchess, *Education of a Princess - Things I Remember*, New York: Blue Ribbon Books, Inc., 1930, pp.264-265
44. Letter dated January 7, 1917 from Anna D. Rodzianko (wife of the president of the Duma) to Zenaida Yussupova, Felix's mother.
45. Yussupov, Prince Félix, *Avant l'Exil (1887-1919)*, Paris, 1954, p. 261
46. Notes of N.M. Romanov (in Russian), in *Красный Архив*, 1931, Vol. 49, p. 96
47. *ibid*, pp. 103-105
48. Yussupov, Prince Félix, *Avant l'Exil (1887-1919)*, Paris, 1954, pp. 258, 265-267
49. Мельник-Боткина, Татьяна, Воспоминания о Царской Семье, Москва, 1993, с. 48
50. ГАРФ, ф.662, оп.1, д.243 - Letters of Prince Felix Yussupov to Grand Duchess Xenia Alexandrovna
51. ГАРФ, ф. 662, год 1917, оп. 1, д. 136, Letter of Princess Irina Alexandrovna to her mother Grand Duchess Xenia Alexandrovna, 16/29 February 1917
52. Letters of Dimitri Pavlovich Romanov to his father (in Russian), in *Красный Архив*, 1928, Vol. 30, p. 203, Letter of 7/20 February 1917, and p.206, Letter of 23 April/6 May 1917
53. Letter from Grand Duke Dimitry Pavlovich to Prince Felix Yussupov, Kazvin (Persia), 23 April 1917

54. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York, MacMillan, 1923, p. 145
55. Кшесниская, М., *Les Ballets Russes, Воспоминания*, Москва, 1992, с. 176
56. Marie Pavlovna, Grand Duchess, *Education of a Princess - Things I Remember*, New York: Blue Ribbon Books, Inc., 1930, p. 265
57. Gabriel Konstantinovich, Grand Duke, *In the Marble Palace, from the chronicle of our family*, New York: 1955, p. 313
58. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p. 142

Эпилог: Подводя итоги

1. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p. 229
2. "Thirteen Years at the Russian Court, New York, Doran, 1921, p. 263
3. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: Macmillan, 1923, pp. 311-313
4. *ibid*, p. 336
5. *ibid*, pp. 341-342
6. Бэттс, Р. и Марченко, В., *Духовник Царской Семьи - Святитель Феофан Полтавский*, Москва, 1994, с. 47
7. McLees, Nun Nectaria, *A Gathered Radiance*, Valaam Society of America, 1992, Chico, CA, p. 92
8. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. I, Москва, 1993, с. 252
9. *ibid*, т. II, Москва, 1993, с. 102
10. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: Macmillan, 1923, pp. 156-157

Приложение I: Распутин и Церковь: взгляд на голословные утверждения об участии Григория Распутина в делах различных церковных иерархов.

1. Лемешевский, Митрополит Мануил, *Русские православные иерархи с 1893 по 1965 годы (включительно)*, Часть II, Куйбышев, 1966, Erlangen, 1981.
2. Донесение Стефана Белецкого, Падение Царского режима, Т. IV, с. 153
3. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. I, Москва, 1993, с. 86
4. Шавельский, о. Георгий, *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота*, т. I, New York, 1954, с. 370
5. Поселянни, Е., *Русская церковь и русские подвижники XVIII века*, Санкт-Петербург, 1905, с. 154.
6. *ibid*, с. 160
7. Лемешевский, Митрополит Мануил, *Русские православные иерархи с 1893 по 1965 годы (включительно)*, Часть II, Куйбышев, 1966, Erlangen, 1981.
8. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, Т. I, Москва, 1993, с. 72
9. Архиепископ Леонтий Чилийский и Аргентинский, *Воспоминания*, брошюрка, с. 3
10. Letter 349 of 9/22 September 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II; see also letter of 8/21 September 1915;
11. *ibid*
12. Letter 350 of 10/23 September 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
13. Letter 351 of 11/24 September 1915 from Empress Alexandra Feodorovna to Tsar Nicholas II
14. Лемешевский, Митрополит Мануил, *Русские православные иерархи с 1893 по 1965 годы (включительно)*, Часть II, Куйбышев, 1966, Erlangen, 1981.
15. Родзянко, М.В., *Крушение Империи*, p. 24-25

16. *ibid*, p. 28
17. Митрополит Евлогий (Георгиевский), *Путь моей жизни*, Москва, 1994, с. 183
18. Paléologue, M., *La Russie des Tsars*, Paris, 1922, p. 251
19. B.N. Soloviev's visit to Bishop Hermogen as recounted in S.V. Markov's book: "Покинутая Царская Семья (The Royal Family Abandoned)", Vienna, 1928
20. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. I, Москва, 1993, с. 101
21. *ibid*
22. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: MacMillan Company, 1923, p.191-193
23. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. I, Москва, 1993, с. 107
24. *ibid*, т. II, Москва, 1993, с. 100-103
25. *ibid*, с. 106-107
26. Примечание в книге "Николай II", Санкт-Петербург, 1994, с. 512
27. Шавельский, о. Георгий, *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота*, т. I, New York: Chekhov, 1954, с. 375-376 & 383; т. II, с.85
28. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. II, Москва, 1993, с.108
29. Донесение Стефана Белецкого, 24 июня 1917 г., Падение Царского режима, т. IV, с. 188-189
30. ГАРФ, ф.102, ед. 297, письмо № 292003 от Начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве, 25 мая 1914
31. Curtiss, John Shelton, *Church and State in Russia, The Last Years of the Empire, 1900-1917*, New York: Columbia, 1940, pp. 395-396; Fuhrmann, Joseph T., *Rasputin: A Life*, New York: Praeger, 1990, pp. 157-158
32. Testimony of a novice who assisted Archbishop Theophan of Poltava at the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917-1918 held in Moscow
33. Жевахов, Князь Н.Д., *Воспоминания*, т. II, Москва, 1993, с. 192-193
34. Testimony of Anna Vyroubova, Extraordinary Commission of Inquiry, Fall of the Tsarist Regime, Vol. III, p. 238
35. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p.131
36. Rasputin, Maria, *My Father*, London: Cassell Publications, 1934, p. 49
37. Petersburg Courier, 2 July 1914

Приложение II: Правда о Царской Семье и "Темных Силах", В.М. Руднев - товарищ прокурора Екатеринославского Окружного Суда и член чрезвычайной комиссии по расследованию деятельности темных сил при Дворе, Берлин, 1920.

1. Мельник-Боткина, Татьяна, *Воспоминания о Царской Семье*, Москва, 1993, с. 41-42
2. Коковцов, В.Н., *Из моего прошлого, Воспоминания, 1903-1919*, Париж, 1933, т. II, с.35-38
3. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, New York: Scribner's, 1965, p. 134
4. Руднев, В. М., *Правда о Царской Семье и "Темных Силах"*, Берлин, 1920; См. также: Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York, 1923, Appendix A, pp. 383-399
5. Vyroubova, Anna, *Memories of the Russian Court*, New York: MacMillan Company, 1923, pp. 176-177

Содержание

Введение: взвешивая “за” и “против”	3
I. Из Сибири в Санкт-Петербург	6
II. Появление проповедника	20
III. Царская Семья	32
IV. Под огнем	55
V. Отец Илиодор (Сергей Труфанов)	63
VI. Пламя войны	75
VII. Последние годы Самодержавия	97
VIII. Отступление	109
IX. Законы попораны	146
Эпилог: Подводя итоги	181
Приложение 1	
Распутин и Церковь: Взгляд на утверждения об участии Григория Распутина в делах различных церковных иерархов	188
Приложение 2	
В. М. Руднев. Правда о Царской Семье и “темных силах”	219
Примечания	247

Эта книга написана для тех, кого любовь к исторической правде побуждает обратить внимание на человека, которого Царь Николай Александрович и Царица Александра Феодоровна Романовы называли «наш Друг».

При ее написании использован внушительный объем документов о Г.Е. Распутине, найденных в российских, американских и европейских архивах и библиотеках.

Образ Распутина был настолько искажен за годы, минувшие после его смерти, что разглядеть за ним настоящего человека теперь нелегко. Подзаголовок этой книги указывает на старание автора избежать крайностей в оценке личности Григория Распутина, исключить множество неподтверждающихся недобрых слухов с одной стороны и слепое почитание - с другой.

